

40

24 037

МЛТВА

Ко стѣмъ Григорію Бѣослѣвѣ.

составленна стѣмъ Куріллоу епѣкпомъ Моравскимъ, оучѣлемъ Славѣнскимъ.

СѢ стѣлю Бѣжій Григоріе Бѣослѣве! ты тѣломъ члвѣкъ вылъ еси, житіемъ же дѣгъ гавѣлса еси, оустѣ бо твоѣ гѣкш Серафимъ хвалѣньми Бѣга прослѣвиша, правобѣрнаѣ же твоѣ оучѣнїѣ вселѣннѣю просвѣтиша: молю оубо тѣ, прїимї и мене припадѣющѣ къ Тебѣ съ вѣрою и любѣвію, и бѣди мї оучѣтель и просвѣтитѣль.

Бѣписано иъ четѣмъ мнѣи Маїѣ дї днѣ на листѣ сѣ на сѣоротѣ.

037

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Часть первая.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ Императорской Медико - Хирургической Академіи.
1843.

88 G 86

JP
v 1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 7-го дня 1842 года.

Московская Духовная Академія.

*Цензоръ, Иосифова Волоколамскаго Монастыря
Архимандритъ Леопитъ.*

С Л О В О 1.

НА ПАСХУ И О СВОЕМЪ ЗАМЕДЛЕНІИ (а).

Воскресенія день—благопріятное начало. Просвѣтимся торжествомъ и обнимемъ другъ друга. *Рцемъ: братія, и ненавидящимъ насъ* (Ис. 66, 5), коими паче тѣмъ, которые изъ любви что-нибудь сдѣлали или потерпѣли. Уступимъ все Воскресенію; простимъ другъ друга: и я (упомяну о семъ теперь), подвергшійся доброму принужденію, и вы, употребившіе доброе принужденіе; хотя нѣсколько и сѣтуете на меня за умедленіе. Можетъ быть, предъ Богомъ оно лучше и драгоцѣннѣе, нежели поспѣшность другихъ. Хорошо и уклоняться нѣсколько

(а) Слово сіе говорено по слѣдующему случаю. Когда Св. Григорій противъ воли былъ поставленъ въ пресвитера, съ назначеніемъ вспомошествованія въ управленіи Назіанзскою паствою Епископу, престарѣлому отцу его; тогда Св. Григорій, по чувству смиренія и потому, что въ новомъ назначеніи видѣлъ препятствіе своему стремленію къ жизни созерцательной, удалился было въ Понтъ: однако, немного спустя, въ самый день Пасхи, онъ возвратился въ Назіанзъ и произнесъ настоящее слово.

отъ призванія Божія, какъ въ древности поступилъ Моисей, а послѣ Іеремія; хорошо и поспѣшать съ готовностію на гласъ Зовущаго, какъ Ааронъ и Исаія, только-бы то и другое было по благочестію, — одно по причинѣ собственной немощи, а другое по надеждѣ на силу Зовущаго. Въ день таинства помазанъ я; въ день таинства удалился не надолго, чтобы испытать самаго себя; въ день таинства и возвращаюсь (б), избравъ сей день добрымъ попечителемъ моей боязливости и немощи; дабы Воскресшій нынѣ изъ мертвыхъ и меня обновилъ Духомъ, и, облекши въ новаго человѣка, для новой твари, для раждаемыхъ по Богу, содѣлалъ добрымъ образователемъ и учителемъ, который со Христомъ и умираетъ охотно и воскресаетъ.

Вчера закланъ былъ Агнецъ, помазаны двери, Египетъ оплакивалъ первенцевъ; мимо насъ прошелъ погубляющій, печать для него страшна и досточтимая, и мы ограждены драгоценною кровію: нынѣ мы чисто убѣжали изъ Египта, отъ жестокаго властителя Фараона и немилосердыхъ приставниковъ, освободились отъ брениа и плинеодѣланія, и никто не воспрепятствуетъ намъ праздновать Господу Богу нашему праздникъ изшествія, — и праздновать *не въ квась ветсь злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8), не принося съ собою Египетскаго кваса безбожнаго.

(б) Подъ днемъ таинства, или какъ въ подлинникѣ, подъ словомъ: *таинство* разумется въ первомъ случаѣ праздникъ Рождества Христова, во второмъ праздникъ Богоявленія, въ послѣднемъ Пасха.

Вчера я распинался со Христомъ, нынѣ прославляюся съ Нимъ; вчера умиралъ съ Нимъ, нынѣ оживаю; вчера спогребался, нынѣ совоскресаю.

Принесемъ-же дары Пострадавшему за насъ и Воскресшему. Можетъ быть, вы думаете, что я говорю о золотѣ, или о серебрѣ, или о тканяхъ, или о прозрачныхъ и драгоценныхъ камняхъ. Это — вещество земное, преходящее и на землѣ остающееся, котораго всегда больше имѣютъ злые — рабы дольняго, рабы міродержителя. Нѣтъ, принесемъ самихъ себя — стяжаніе самое драгоценное предъ Богомъ и Ему наиболѣе свойственное, воздадимъ Образу сотворенное по образу, познаемъ свое достоинство, почтимъ Первообразъ, уразумѣемъ силу таинства (в), и то, за кого Христосъ умеръ. Уподобимся Христу; ибо и Христосъ уподобился намъ: содѣлаемъ богами ради Его; ибо и Онъ сталъ человѣкомъ для насъ. Онъ воспріялъ худшее, чтобы дать лучшее; унижалъ, чтобы намъ обогатиться Его нищетою; принялъ зракъ раба, чтобы намъ получить свободу; снизшелъ, чтобы намъ вознестись; былъ искушенъ, чтобы намъ побѣдить; претерпѣлъ безславіе, чтобы насъ прославить; умеръ, чтобы спасти; вознесся, чтобы привлечь къ Себѣ долу лежащихъ въ грѣховномъ паденіи. Пусть кто все отдастъ, все принесетъ въ даръ Тому, Который предалъ Себя за насъ въ цѣну искупленія; ничего не принесетъ онъ равнаго тому, какъ если представить Ему самаго себя, разумѣющаго силу таинства и содѣлавшагося всѣмъ для Христа, какъ Онъ для насъ.

(в) Настоящаго праздника.

Сей (г) Пастырь добрый, полагающій душу за овцы, вамъ, какъ видите, плодopинocитъ Пастыря. Ибо сего надѣется онъ и желаетъ, и проситъ отъ васъ, пасомыхъ имъ (д). Онъ даетъ вамъ себя сугубаго вмѣсто одного, и жѣзль старости дѣлаетъ жезломъ духа; къ неодушевленному храму присовокупляетъ одушевленный (е), къ храму прекрасному и небовидному — другой, который, какъ-бы ни былъ скуденъ и малъ, но для него безъ сомнѣнія весьма дорогъ, и совершенъ имъ съ великими усиліями и трудами, и (о если-бы можно было сказать!) достоинъ трудовъ его. Все свое предлагаетъ онъ вамъ, — какое великодушіе, или, справедливѣе сказать, какое чадолубіе! Предлагаетъ съдину и юность, храмъ и Архіерея, завѣщателя и наслѣдника, предлагаетъ слова (ж), которыхъ вы желали, и слова не пустыя, теряющіяся въ воздухѣ и непроникающія далѣе слуха, по котopыхъ пишеть Духъ, не черниломъ, но богатію, напечатлѣваетъ на скрижаляхъ каменныхъ или плотныхъ, — слова, не слегка на поверхности начертываемыя и удобно изглаждающіяся, но глубоко врѣзываются. Вотъ что приноситъ вамъ сей досточтимый Авраамъ, Патриархъ, честная и достоуважаемая глава, вмѣсти-

(г) Отець Св. Григорія.

(д) Здѣсь разумется желаніе отца Св. Григорія, чтобы сей послѣдній былъ его преемникомъ.

(е) Подъ неодушевленнымъ храмомъ разумется храмъ, созданный отцемъ Св. Григорія; подъ одушевленнымъ — самъ Григорій.

(ж) Здѣсь разумются слова Св. Григорія Богослова.

лице всѣхъ доблестей, образецъ добродѣтели, совершенство священства, приносящій нынѣ добровольную жертву Господу,—своего едиnorodнаго, рожденнаго по обѣтованію.

А вы, какъ даръ и плодъ, принесите Богу и намъ расположеніе — быть доброю паствою, вселяясь на мѣстѣ златнѣ и воспитываясь на водѣ упокоенія (Пс.22, 1. 2.) Хорошо знаѣ Пастыря и будучи имъ знаемы, идите за тѣмъ, кто зоветъ пастырски и свободно, чрезъ дверь, а не слѣдуйте чуждому, перескакивающему чрезъ ограду, разбойнически и коварно. Не слушайте чуждаго гласа, похищающаго отъ истины, и расточающаго по горамъ, по пустынямъ, по дебрямъ, по мѣстамъ, которыхъ не посѣщаетъ Господь,—гласа, отводящаго отъ здоровой вѣры въ Отца, и Сына и Святаго Духа, во едино Божество и силу; вѣры, которой вѣщанію всегда внимали и да внимаютъ всегда мои овцы; не слушайте гласа, который нечистыми и поврежденными словами отторгаетъ и увлекаетъ отъ истиннаго и перваго Пастыря. Далече отъ всего того, какъ отъ зелія чарующаго и смертоноснаго, да даруетъ Онъ всѣмъ намъ,—и пастырямъ и стаду, и питаться и питать, и всѣмъ нынѣ и въ вѣчномъ упокоеніи быть едино во Христѣ Иисусѣ. Ему слава и держава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 2.

КЪ ПРИЗВАВШИМЪ ВЪ НАЧАЛѢ , НО НЕ СРѢТИВШИМЪ СВ. ГРИГОРІА , КОГДА ОНЪ СТАЛЪ ПРЕСВИТЕРОМЪ.

Что не спѣшите къ нашему слову , о други и братія , нѣкогда столь скорые для того , чтобы принудить меня и извлечь изъ моей твердыни , то есть , изъ пустыни , которую я возлюбилъ паче всего , которую преимущественно чтить и избралъ себѣ руководительницею всей жизни , какъ содѣйственницу и мать Божественнаго восхожденія , какъ обожительницу ? Для чего то , что желали получить , пренебрегаете по полученіи ? Для чего , повидимому , лучше умѣете желать насъ , когда насъ нѣтъ , нежели пользоваться отъ насъ , когда мы съ вами , какъ будто вы хотѣли только овладѣть нашимъ любомудріемъ , а не извлекать изъ него пользу себѣ ? Или же , прилично мнѣ сказать и сіе : *быхомъ вамъ въ сытость* (Ис. 1 , 14 .) и притомъ — странное дѣло ! — прежде нежели вы насъ вкусили и испытали . Даже , какъ странника , вы не ввели меня , или , скажу сострадательнѣе , невведены и вы со мною ; для чего , если не другое что , то заповѣдь ува-

жить надлежало. Какъ начинающему не дали вы мнѣ руководства, какъ боязливаго не ободрили меня, какъ потерпѣвшаго насиліе не утѣшили: напротивъ того, — не хотѣлъ-бы сказать, однако скажу, — и праздникъ не въ праздникъ вы мнѣ сдѣлали; не съ добрымъ предвѣстіемъ вы меня приняли, и торжество растворили печалію; потому что не доставало при немъ самага важнаго для удовольствія, — не доставало васъ, моихъ побѣдителей, — несправедливо было-бы сказать, любителей. Такъ удобно пренебрегается все, что удобно препобѣждается; раболѣпно читится высокое и безчестится смиряющееся предъ Богомъ. Чего вы хотите? Судиться-ли мнѣ съ вами, или стать судіею? Произнести-ли приговоръ, или подвергнуть себя приговору? Ибо надѣюсь, что и судимый одержу верхъ и, произнося судъ, праведно васъ осужу. Вина ваша въ томъ, что вы не равною мѣрою воздаете за мою любовь; не отдаете чести моему послушанію и вынѣшняго усердія не представляете въ поруку за будущее, тогда какъ и при семъ усердіи едвали-бы можно было положиться на будущее; потому что у всякаго болѣе горячности въ началѣ. Напротивъ того, каждый изъ васъ предпочитаетъ что-нибудь и старому и новому своему пастырю, не уважая ни сѣдинъ и не ободряя юности.

Великолѣпна изображаемая въ Евангеліи вечеря (Мат. 22, 2 и слѣд); угощающій ласковъ; тамъ и друзья, и самое пріятное пиршество, — это бракъ Сына. Но Царь созываетъ, а гости не приходятъ. Онъ гнѣвается, и-умалчиваю о томъ, что было за

симъ, какъ о предвѣщающемъ грозное, но скажу, что легче выговорить — Царь наполняетъ пиршество другими. Не желаю вамъ сего ; но вы поступили со мною, (могу-ли говорить кротко?) — и тѣхъ высокоумнѣе и дерзостнѣе : потому что они , будучи званы, отреклись отъ вечери и оскорбили Звавшаго; а вы нечужіе , вы не званные на бракъ, но сами призвали меня , сами привлекли къ сей священной трапезѣ, сами показали мнѣ великолѣпіе брачнаго чертога , и потомъ оставили меня. Таковы ваши великія доблести ! Кто на село свое, кто къ парѣ воловъ новокупленныхъ, кто къ новобрачной супругѣ, кто за чѣмъ-либо другимъ мало важнымъ — всѣ вы разсѣялись и убѣжали, не заботясь ни о брачномъ чертогѣ, ни о женихѣ. Сіе весьма опечалило и привело меня въ затрудненіе, — не умолчу о своихъ чувствованіяхъ, — я едва не удержалъ слово, которое хотѣлъ принести въ брачный даръ, какъ лучшее и драгоцѣннѣйшее свое достояніе; и едва не обратилъ слова противъ васъ , возлюбленные; потому что однажды я потерпѣлъ отъ васъ насиліе, — и могъ воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ; притомъ языкъ мой изошрала любовь, которая бываетъ весьма горяча и неистощима въ обвиненіяхъ , когда превращается въ ревность, оскорбившись неожиданнымъ пренебреженіемъ. Если кто изъ васъ былъ уязвленъ любовію и испыталъ презрѣніе , то онъ знаетъ силу сей страсти и простить тѣхъ, которые подверглись ей и были близки къ такому-же безумію.

Впрочемъ мнѣ и теперь не позволительно укорять васъ и не желаю , чтобы когда-нибудь было

позволено. Можетъ быть , и сказанное мною чрезъ мѣру укоризненно для васъ, священное стадо, достохвальныя овцы Христовы , Божіе достояніе , которыми богатъ ты (*), при всей своей бѣдности. Мнѣ кажется, что прилично отнести къ тебѣ сіи слова Писанія: *Вервь пролегла для тебя по прекраснымъ мѣстамъ, и удѣлъ твой всего пріятнѣе для тебя.* (Пс. 15, 6.) Я не уступлю ни въ чемъ преимуществу предъ нами самымъ многочисленнымъ городамъ, самымъ обширнымъ изъ частей; хотя мы малочисленны въ наименьшемъ колѣнѣ сыновъ Израилевыхъ , хотя мы весьма малочисленны въ тысячахъ Иудиныхъ ; мы малый изъ городовъ Виелеемъ , въ которомъ раждается Христось, и нынѣ и издревле право познаваемый и почитаемый; мы Отца превозносимъ, Сына почитаемъ равнымъ Ему и Духа Святаго прославляемъ. Мы единодушны, единомыслимъ , нисколько не оскорбляемъ Троицы ни приложеніемъ, ни отсѣченіемъ, какъ худые распорядители и мѣрители Божества, которые унижаютъ и оскорбляютъ все, тѣмъ самымъ, что одно почитаютъ болѣе надлежащаго.

Если-же хотите чѣмъ-нибудь воздать мнѣ, вы — нива моя, виноградъ мой , утроба моя, или лучше, сего общаго нашего отца , который благовѣствованіемъ породилъ насъ во Христѣ : то окажите уваженіе и мнѣ, какъ требуетъ того справедливость; потому что я предпочелъ васъ всему, — въ чемъ свидѣтели сами вы и поручившіе мнѣ сіе привле-

(*) Здѣсь Св. Григорій обращается къ отцу своему.

ніе или служеніе. И если возлюбившему больше и обязаны мы больше : то какъ измѣрю любовь , къ которой я обязалъ васъ моею любовію ?

Но большее уваженіе оказывайте къ самимъ себѣ; почитите ввѣренный вамъ образъ и Ввѣрившаго оный, почитите страсти Христовы и надежду будущей жизни. А для сего храните вѣру, которую приняли, въ которой воспитаны, которою надѣетесь сами спастись (1 Кор. 15, 1. 2.) и другихъ спасти: ибо знаете, что не многіе могутъ похвалиться тѣмъ-же, чѣмъ и вы. Благочестіе поставляйте не въ томъ, чтобы часто говорить о Богѣ, но въ томъ, чтобы больше молчать; ибо языкъ не управляемый разумомъ — претыканіе для людей. Всегда держитесь той мысли, что безопаснѣе слушать, нежели говорить; возделѣннѣе учиться, нежели учить о Богѣ; тщательнѣйшее о семъ изслѣдованіе предоставляя строителямъ слова, сами выказывайте благочестіе менѣ словомъ, а болѣе дѣломъ, и обнаруживайте любовь свою къ Богу болѣе соблюденіемъ заповѣдей Его, нежели удивленіемъ къ Законодателю; убѣгайте зла, преуспѣвайте въ добродѣтели; духомъ живите, духомъ ходите, имъ привлекайте вѣденіе; назидайте на основаніи вѣры *не дрова, сѣно, тростіе* — вещество слабое, которое легко можетъ истребиться, когда дѣла наши будутъ судимы или очищаемы огнемъ, — *но золото, серебро и каменіе честно* (1 Кор. 3, 16.), — вещества твердыя и пребывающія. Такъ поступайте, а тѣмъ прославляйте и насъ, будете-ли съ нами, или не будете, нашими-ли будете пользоваться словами, или найдете что-нибудь другое предпочтительнѣе.

Будьте чистыми и непорочными чадами Божиими среди рода лукаваго и развращеннаго; не опутывайтесь сѣтями нечестивыхъ окрестъ ходящихъ и не связывайтесь пленицами своихъ грѣховъ (Прит. 5, 22.); Слово Божіе да не будетъ подавлено въ васъ заботами житейскими, чтобы вамъ не остаться бесплодными. Но идите царскимъ путемъ, не уклоняясь ни на-право, ни на-лѣво, и подѣ руководствомъ Духа шествуйте узкимъ путемъ, какъ пространнѣмъ. Тогда все у насъ будетъ благоуспѣшно и въ настоящей жизни и на будущемъ испытаніи во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 3.

**ВЪ КОТОРОМЪ ГРИГОРІЙ ВОГОСЛОВЪ ОПРАВДЫВАЕТЪ
УДАЛЕНІЕ СВОЕ ВЪ ПОНТЬ, ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ
ВЪ ПРЕСВИТЕРА, И ПОТОМЪ ВОЗВРАЩЕНІЕ ОТТУДА;
ТАКЖЕ УЧИТЬ, КАКЪ ВАЖЕНЪ САНЪ СВЯЩЕНСТВА,
И КАКОВЪ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ. ЕПИСКОПЪ.**

Я побѣжденъ, и признаю надъ собою побѣду. *Повинухся Господеви и умолихъ Его* (Пс. 36, 7). Такъ да начнетъ слово мое блаженнѣйшій Давидъ, или, лучше сказать, Вѣщавшій въ Давидѣ и еще до нынѣ чрезъ него Вѣщающій! Ибо для начинающаго всякое слово и дѣло самый лучший порядокъ—и начинать Богомъ, и оканчивать Богомъ.

О причинѣ-же моего прежняго противленія и малодушія, по которому я *удалихся бѣгая, и водворихся* (Пс. 54, 8) на не малое время вдали отъ васъ, можетъ быть и желавшихъ моего пребыванія у васъ, а равно и о причинѣ настоящей моей покорности и перемѣны, по которой я самъ возвратился къ вамъ, пусть всякій говорить и думаетъ по своему; такъ какъ одинъ ненавидитъ, а другой любитъ; иной не извиняетъ, а другой даже одоб-

рлетъ меня. Людямъ всего пріятнѣе разсуждать о чужихъ дѣлахъ, особливо, если увлекаются или благорасположеніемъ, или ненавистію; въ какомъ случаѣ всего чаще и скрывается отъ нихъ истина. Но я, отложивъ стыдъ, представляю истину, и для обѣихъ сторонъ, то есть, для обвиняющихъ меня и для защищающихъ усердно, буду правдивымъ посредникомъ, самъ себя въ иномъ обвиняя, а въ иномъ оправдывая. И чтобы слово мое шло въ надлежащемъ порядкѣ, скажу сперва о томъ, что было со мною прежде — о моей боязливости. Ибо не могу снести, чтобы мною соблазнились нѣкоторые изъ наблюдающихъ тщательно за всѣми моими поступками, правильны-ли они, или нѣтъ (такъ какъ Богу угодно, чтобы и я значилъ нѣчто для Христіанъ); а соблазнившихся, если найдутся таковые, уврачу симъ защитительнымъ словомъ. Всего лучше не полагать другимъ преткновенія или соблазна, не погрѣшая и даже не подавая подозрѣнія, сколько сіе возможно, и сколько достанетъ силъ ума; потому что знаемъ, какое неизбѣжное и тяжкое наказаніе опредѣлилъ *Неложный* (Тит. 1, 2.) соблазнившимся и одинаго отъ малыхъ. Но я подвергся сему, братія, не по невѣденію и недоразумѣнію, напротивъ того (похваляюсь, хотя нѣсколько), по другимъ причинамъ, а не потому, чтобы презиралъ Божіи законы и повелѣнія.

✓ Какъ въ тѣлѣ, иное начальствуетъ и какъ-бы предсѣдательствуетъ, а иное состоитъ подъ начальствомъ и управленіемъ: такъ и въ Церквахъ (по закону-ли справедливости, воздающей по достоинству, или по закону Промысла, все связующаго), Богъ поста-

новилъ, чтобы одни, для кого сіе полезнѣе, словомъ и дѣломъ направляемые къ своему долгу, оставались пасомыми и подначальными; а другіе, стоящіе выше прочихъ по добродѣтели и близости къ Богу, были Пастырями и Учителями къ совершенію Церкви, и имѣли къ другимъ такое-же отношеніе, какое душа къ тѣлу и умъ къ душѣ, дабы то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи, подобно тѣлеснымъ членамъ, соединено и сопряжено въ одинъ составъ, совокуплено и связано союзомъ Духа, представляло одно тѣло, совершенное и истинно достойное самаго Христа—нашей Главы. Посему не думаю, чтобы безначаліе и беспорядокъ были полезнѣе порядка и начальства, какъ для всего прочаго, такъ и для людей; напротивъ того, всего менѣе полезны они людямъ, которымъ угрожаетъ опасность въ важнѣйшемъ. Для нихъ, если не соблюдутъ перваго требованія разума, чтобы не грѣшить, важно второе, чтобы согрѣшившіе возвращаемы были на истинный путь. А поелику хорошо и справедливо быть начальникамъ и подначальнымъ; то, по моему мнѣнію, равно худо и въ одинакой мѣрѣ противно порядку, какъ всѣмъ желать начальства, такъ и никому не принимать онаго на себя. Когда-бы всѣ стали избѣгать сего начальствованія или, правильнѣе назвать, служенія; тогда-бы прекрасной полнотѣ Церкви не доставало значительнѣйшаго, и она не была-бы уже прекрасною. При томъ, гдѣ и кѣмъ совершалось-бы у насъ таинственное и горѣ возводящее Богослуженіе, которое у насъ всего превосходнѣе и достаточнѣе, если-бы не было ни Царя, ни Князя, ни Священства, ни Жертвы

(Осія 3, 4.), ни всего того, чего, какъ важнѣйшаго, были лишены непокоривые древле въ наказаніе за великія преступленія? Съ другой стороны ни мало не странно и не внѣ порядка, что многіе Богомудре изъ подначальныхъ восходятъ на степень начальника; сіе не вопреки правиламъ, какія предписываетъ любомудріе, и не предосудительно; равно какъ и то, что искусному корабельщику даютъ управлять корабельнымъ носомъ, а тому, кто, управляя носомъ, умѣетъ наблюдать вѣтры, повѣряютъ кормило; или (если угодно еще) мужественный воинъ дѣлается начальникомъ отряда, а хорошему начальнику отряда поручается все войско и распоряженіе всѣми военными дѣлами.

И я не степени сана устыдился, желая высшей, что, можетъ быть, подумаетъ иной изъ людей ни къ чему негодныхъ и злыхъ, которые судятъ о другихъ по собственнымъ своимъ страстямъ. Я не такъ мало разумѣю и Божіе величіе и человѣческую низость, чтобы для всякаго сотвореннаго естества не признавать великимъ дѣломъ — хотя сколько-нибудь приближаться къ Богу, Который единъ всего свѣтозаріѣ, всего славнѣе, и превосходитъ чистою всякую вещественную и невестественную природу.

Итакъ что-же со мною произошло? Какая была причина моего непослушанія? Многимъ казалось, что я былъ тогда самъ не въ себѣ, сдѣлался совершенно инымъ человѣкомъ, а не какимъ меня знали, противился и упорствовалъ больше, нежели сколько было позволительно. Посему выслушайте тому причины вы, которымъ давно желательно ихъ знать.

Особенно пораженъ я былъ неожиданностію, подобно чловѣку, поражаемому внезапнымъ громомъ, не собрался съ мыслями ; и потому преступилъ скромность, къ которой пріучалъ себя всю жизнь. Потомъ овладѣла мною какая-то привязанность ко благу безмолвія и уединенія. Любя его съ самаго начала , сколько едва-ли любилъ кто другой изъ занимающихся науками, въ важнѣйшихъ и опаснѣйшихъ для меня обстоятельствахъ давъ Богу обѣтъ *безмолвной жизни* , даже коснувшись уже оной, какъ находившійся въ преддверіи, и, по извѣданіи, воспылавшій большимъ желаніемъ , я не вынесъ принужденія , не допустилъ ввергнуть себя въ мятежи и насильно отвлечь отъ такой жизни, какъ-бы отъ священнаго убѣжища. Мнѣ казалось, что всего лучше, замкнувъ какъ-бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, собравшись въ самаго себя, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего чловѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго, и носить въ себѣ божественные образы, всегда чистые и несмѣшанные съ земными и обманчивыми напечатлѣніями , быть и непрестанно дѣлаться истинно чистымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, пріобрѣтать ко свѣту свѣтъ — къ менѣ ясному лучезарнѣйшій , пожинать уже упованіемъ блага будущаго вѣка , сожительствовать съ Ангелами и, находясь еще на землѣ, оставлять землю и быть возносиму Духомъ горѣ. Если кто изъ васъ объятъ сею любовію ; то пойметъ, что говорю , и извинитъ тогдашнее состояніе моего духа. Но слова мои не убѣдятъ, можетъ быть, многихъ , именно всѣхъ тѣхъ, кому смѣшнымъ кажетъ-

усиливались, то прекращались; но ничего никогда, и нынѣ и прежде, не бывало въ такомъ множествѣ, въ какомъ нынѣ у Христіанъ сіи постыдныя дѣла и грѣхи. Но ежели не въ нашихъ силахъ остановить стремленіе зла; то по крайней мѣрѣ ненави-дѣть и стыдиться его есть не послѣдняя степень благочестія.

Но вотъ послѣдняя причина, которая важнѣе при-веденныхъ; ибо касаюсь уже главнѣйшаго въ словѣ, и не солгу (что было-бы и не позволительно раз-суждающему о такомъ предметѣ); я не думалъ, и теперь не думаю, что-бы одно и тоже значило— водить стадо овецъ или воловъ, и управлять чело-вѣческими душами. Тамъ достаточно и того, чтобы вола или овца сдѣлались самыми откормленными и тучными. А на сей конецъ пасущій ихъ будетъ выбирать мѣста, обильныя водою и злачныя, пере-гонять стада съ одного пастбища на другое, да-вать имъ отдыхъ, поднимать съ мѣста и собирать, иныхъ жезломъ, а большую часть свирѣлю. У па-стыря овецъ и воловъ нѣтъ другаго дѣла, развѣ иногда придется ему повоевать немного съ вол-ками и присмотрѣть за больнымъ скотомъ. Всего же больше озабочиваютъ его дубъ, тѣнь, свирѣли и то, чтобы полежать на прекрасной травѣ, у сту-денной воды подъ вѣтеркомъ устроить на время изъ зелени ложе, иногда съ стаканомъ въ рукѣ пропѣть любовную пѣснь, поговорить съ волами или овца-ми, и изъ нихъ же, что пожирнѣе, съѣсть или про-дать. А о добродѣтели овецъ или воловъ никто никогда не позаботится. Ибо что у нихъ за добро-дѣтель? И кто изъ пастуховъ предпочиталъ собст-

венному удовольствію полезное для стада? Но человеку, который съ трудомъ умѣетъ быть подъ начальствомъ; еще, кажется, гораздо труднѣе умѣть начальствовать надъ людьми, особенно имѣть такое начальство, каково наше, которое основывается на Божіемъ законѣ и возводитъ къ Богу, въ которомъ чѣмъ больше высоты и достоинства, тѣмъ больше опасности даже для имѣющаго умъ. И онъ во первыхъ, подобно серебру и золоту обращаясь всюду, во всякомъ обстоятельствѣ и дѣлѣ не долженъ звучать, какъ поддѣльная и нечистая монета, не долженъ нисколько содержать въ себѣ вещества худшаго, которое-бы требовало сильнѣйшаго огня. Иначе тѣмъ большее произойдетъ зло, чѣмъ надъ большимъ числомъ людей будетъ онъ начальствовать; потому что порокъ, распространяющійся во многихъ, значительнѣе порока, остановившагося на одномъ. И не такъ удобно ткань принимаетъ въ себя невыводимую краску, и близкія вещи занимаютъ одна отъ другой зловоніе или благовоніе, не такъ быстро разливается въ воздухъ, и изъ воздуха сообщается животнымъ какое-нибудь вредное испареніе, производящее заразу и называемое заразкою; какъ подчиненные въ скорѣйшемъ обыкновенно времени принимаютъ въ себя пороки начальника, и даже пороки гораздо легче, нежели противное пороку — добродѣтель. Въ семъ порокъ и беретъ особенно верхъ надъ добродѣтелію. И я всего болѣе скорблю при мысли, что порокъ есть дѣло удобно возбуждающее къ соревнованію и безъ труда исполняемое, что всего легче едѣлаться порочнымъ, хотя-бы никто насъ въ томъ не руковод-

ствовавь ; напротивъ того стяжаніе добродѣтели есть дѣло рѣдкое и трудное, хотя-бы и многое къ ней влекло и побуждало. Сію самую мысль , какъ думаю, имѣлъ и блаженнѣйшій Аггей , когда приведенъ былъ къ сему чудному и весьма вѣрному изображенію : Возпросите іереевъ о законѣ, говорить онъ: священное мясо, прикоснувшееся въ ризѣ къ какому-нибудь яству или питію , или сосуду, освятить-ли тотчасъ, что къ нему приблизилось? И когда іереи сказали : нѣтъ ; возпросите еще, говорить : когда что-либо прикоснется къ нечистой вещи, не тотчасъ-ли приметъ въ себя скверну ? На сіе они сказали: приметъ, и по причинѣ сообщенія не будетъ уже чистымъ (Агг. 2, 13. 14.). Что значить сіе? То-же, что и я говорю. Добродѣтель не удобопріемлема для человѣческой природы, какъ и огонь для влажнаго вещества ; но большая часть людей готовы и способны принимать въ себя худое, подобно тростнику, которій, по сухости своей, легко воспламеняется и сгараетъ при вѣтрѣ отъ искры. Ибо всякій скорѣе принимаетъ въ себя въ большей мѣрѣ малый порокъ, нежели высокую добродѣтель въ малой мѣрѣ. Такъ небольшое количество полни тотчасъ сообщаетъ горечь свою меду, а медъ и въ двойной мѣрѣ не сообщаетъ полни своей сладости. Выдерни малый камень; онъ повлечетъ за собою всю рѣку на открытое мѣсто ; удержать-же и преградить ее едва возможетъ самая твердая плотина.

Итакъ первое , чего изъ сказаннаго нами бояться должно, есть то, чтобы намъ не оказаться худыми живописцами чудной добродѣтели, особенно-же не-

годнымъ подлинникомъ для другихъ живописцевъ, можетъ быть и не худыхъ, но многихъ, или чтобы намъ не подойти подь поговорку : беремся лечить другихъ, а сами покрыты струпами. Во вторыхъ, если-бы кто изъ насъ сохранилъ себя, даже сколько можно болѣе, чистымъ отъ всякаго грѣха; то не-знаю еще, достаточно-ли и сего готовящемуся учить другихъ добродѣтели. Кому ввѣрено сіе, тотъ не только не долженъ быть порочнымъ (симъ гнушаются и многіе изъ подчиненныхъ ему); но долженъ отличаться добродѣтелию, по заповѣди, повелѣвающей *уклониться отъ зла и сотворить благо* (Пс. 36, 27). Онъ обязанъ не только изглаждать въ душѣ своей худые образы, но и напечатлѣвать лучшіе, чтобы ему превосходить другихъ добродѣтелию больше, нежели сколько онъ выше ихъ достоинствомъ. Онъ долженъ не знать даже мѣри въ добрѣ и въ восхожденіи къ совершенству, почитать не столько прибылю то, что приобрѣтено, сколько потерю то, что не достигнуто, пройденное-же обращать всегда въ ступень къ высшему, и не высоко думать о себѣ, если и многихъ превосходить, но признавать урономъ, если не соотвѣтствуетъ въ чемъ сану. Ему должно измѣрять успѣхи свои заповѣдію, а не примѣромъ ближнихъ (порочны-ли они, или успѣваютъ нѣсколько въ добродѣтели), не взвѣшивать на малыхъ вѣсахъ добродѣтель, какою обязаны мы Великому, отъ Котораго все, и для Котораго все, не думать, что всѣмъ прилично одно и то же; такъ какъ не у всѣхъ одинъ и тотъ-же возрастъ, однѣ и тѣ-же черты лица, не одинакова природа животныхъ, не одина-

ковы качества земли, красота и величіе свѣтилъ.

Напротивъ того, должно почитать порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что произведено имъ худаго, заслуживаетъ наказаніе и строго истязуется самымъ закономъ, а въ начальникѣ и предстоятелѣ даже то, что онъ не достигъ возможнаго совершенства и не преуспѣваетъ непрестанно въ добрѣ; потому что ему надобно превосходствомъ своей добродѣтели привлекать народъ къ порядку, и не силою обуздывать, но доводить до порядка убѣжденіемъ. Ибо все, что дѣлается недобровольно, кромѣ того, что оно насильственно и не похвально, еще и не прочно. Вынужденное, подобно растенію, насильно согнутому руками, какъ скоро бываетъ оставлено на волю, обыкновенно возвращается въ прежнее свое положеніе. Напротивъ того, что дѣлается по свободному произволенію, то, какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вмѣстѣ надежно. Посему законъ нашъ и Самъ Законоположникъ особенно повелѣваетъ *пасты стадо не пуждѣю, но волю* (1 Петр. 5, 2).

Положимъ даже, что иный непороченъ и взошелъ на самый верхъ добродѣтели; все еще не вижу, какимъ запасшиися знаніемъ, на какую понадѣявшись силу, отважится онъ на такое начальство. Ибо править человѣкомъ, самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, по моему мнѣнію, дѣйствительно есть искусство изъ искусствъ, и наука изъ наукъ. Въ чемъ всякій можетъ удостовѣриться, если врачеваніе душъ сравнить съ леченіемъ тѣлъ, извѣдаетъ, сколько трудно послѣднее, и разбереть, сколько наше врачеваніе еще труднѣе, а вмѣстѣ и предпочтитель-

нѣе, и по свойству врачуемаго, и по силѣ знанія, и по цѣли врачеванія. Одно трудится надъ тѣлами, надъ веществомъ бrenнымъ и стремящимся долу, надъ веществомъ, которое непременно разрушится и подвергнется своей участи, хотя теперь, съ помощію искусства, и преодолѣется произшедшее въ немъ разстройство; ибо тѣло, уступивъ природѣ и не выходя изъ своихъ предѣловъ, будетъ разрушено или болѣзнію или временемъ. А другое печется о душѣ, которая произошла отъ Бога и божественна, которая причастна горняго благородства, и къ нему поспѣшаетъ, хотя и сопряжена съ худшимъ (можетъ быть, и по другимъ причинамъ, какія извѣстны единому Богу, сопрягшему ее съ тѣломъ, и развѣ еще тому, кто самимъ Богомъ наученъ таковымъ тайнамъ, но сколько знаемъ — я и подобные мнѣ люди) для двухъ слѣдующихъ цѣлей. Во первыхъ, чтобы душа могла наследовать горнюю славу за подвигъ и за борьбу съ дольнымъ, и, бывъ здѣсь искушена ими, какъ золото огнемъ, получила уповаемое въ награду за добродѣтель, а не только какъ даръ Божій. И конечно въ томъ верхъ благости Божіей, что добро содѣлано и нашею собственностію, не только всѣяно въ насъ съ естествомъ, но воздѣлывается также нашимъ произволеніемъ и движеніями свободы преклонной на ту и другую сторону. Во вторыхъ, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрѣшая отъ дебелости, привлекать къ себѣ и возводить горь, чтобы она, ставъ руководительницею для служебнаго вещества, и обративъ его въ сослужебное Богу, была для тѣла тѣмъ-же, чѣмъ Богъ для души.

Врачующій тѣло принимаетъ во вниманіе мѣсто, случай, возрастъ, время года и тому подобное, даетъ лекарства, предписываетъ образъ жизни, предостерегаетъ отъ вреднаго, чтобы прихоти больного не воспрепятствовали искусству; иногда-же, когда и надъ кѣмъ нужно, употребляетъ прижиганія, рѣзаніе и другіе еще болѣе жестокіе способы леченія. Хотя все сіе оказывается очень труднымъ и тяжелымъ, однакоже не столько, какъ наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведеніе, свободное произволеніе и все въ насъ тому подобное, исторгать, что приросло къ намъ звѣрскаго и дикаго, а на мѣсто сего вводитъ и укореняетъ все, что есть кроткаго и благороднаго, устанавляютъ надлежащее отношеніе между душою и тѣломъ, не попуская, чтобы лучшее управлялось худшимъ; что было-бы величайшею несправедливостію, но низшее по природѣ подчиняя начальственному и владычественному, какъ безъ сомнѣнія требуетъ Божій законъ, прекрасно постановленный для всего творенія, и видимаго и сверхчувственнаго.

Въ разсужденіи всего изчисленнаго мною примѣчаю еще и то, что охраняемое врачомъ тѣло, каково есть по своей природѣ, таковымъ и остается, само-же собою ни мало не злоумышляетъ и не ухищряется противъ средствъ, употребляемыхъ искусствомъ; напротивъ того, врачебное искусство владѣетъ веществомъ, развѣ иногда произойдетъ какой либо временный безпорядокъ отъ воли больного, что впрочемъ не трудно предотвратить и пресѣчь. А въ насъ мудрованіе, самолюбіе и то, что неумѣемъ и не терпимъ легко уступать надъ собою по-

бѣду, служить величайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели, и составляютъ какъ-бы ополченіе противъ тѣхъ, которые подаютъ намъ помощь. Сколько надлежало-бы прилагать старанія, чтобы открыть врачующимъ болѣзнь, столько употребляемъ усилія, чтобы избѣжать врачеванія. Мы храбры противъ самихъ себя и искусны ко вреду своего здравія. То рабски скрадываемъ грѣхъ, утаивая его во глубинѣ души, какъ нѣкоторый загноившійся и злокачественный струпъ, какъ будто, сокрывши отъ людей, сокроемъ и отъ великаго ока и суда Божія; то подъ различными предлогами извиняемъ въ себѣ грѣхи, и придумываемъ оправданія своимъ страстямъ; то, заградивши слухъ, подобно *аспиду глухому и затыкающему уши*, принимаемъ всѣ мѣры, чтобы *не слышать гласа обавающихъ* (Пс. 57, 5. 6.), и не пользоваться врачевствами мудрости, которыми исцѣляется душевный недугъ; то наконецъ (какъ поступаютъ болѣе смѣлые и храбрые изъ насъ) явно не стыдимся ни грѣха, ни врачующихъ грѣхъ, идемъ, какъ говорится, съ открытою головою на всякое беззаконіе. Какое разстройство ума! или какъ еще приличнѣе назвать такую болѣзнь!—Кого надлежало-бы любить, какъ благодѣтелей, гонимъ отъ себя, какъ враговъ, ненавида *обличающихъ во вратяхъ* (Агг. 2, 15), гнушаясь *словомъ праведнымъ* (Амос. 5, 10.), и подобно тѣмъ, которые, терзая собственную плоть, думаютъ, что терзаютъ плоть ближнихъ, предполагаемъ нанести тѣмъ болѣе вредъ своимъ доброжелателямъ, чѣмъ больше зла сдѣлаемъ сами себѣ.

Посему-то полагаю, что наше врачесное искусство

гораздо труднѣе, а слѣдственно и предпочтительнѣе искусства врачевать тѣла; но оно труднѣе еще и потому, что послѣднее мало заглядываетъ въ глубь, болѣе-же занимается видимымъ: напротивъ того, наше врачеваніе и попеченіе все относится къ *потаенному сердца челоуьку* (1 Петр. 3, 11.), и наша брань—со врагомъ, внутрь насъ воющимъ и противоборствующимъ, который, оружіемъ противъ насъ употребляя насъ-же самихъ (что всего ужаснѣе!), предаетъ насъ грѣховной смерти. А для сего намъ нужны: великая и совершенная вѣра, въ большей мѣрѣ Божіе содѣйствіе, но не въ малой также, какъ убѣжденъ я, и собственная наша ревность, выражаемая и дѣйствительно оказываемая словомъ и дѣломъ, если нужно, чтобы наши души, которыя для насъ всего предпочтительнѣе, хорошо были врачуемы, очищаемы и цѣнимы дороже всего.

Что-же касается до цѣли того и другаго врачеванія (намъ остается еще сличить ихъ въ семъ отношеніи); то цѣль одного, или сохранить здоровье и благосостояніе плоти, когда оно есть, или возвратить, когда оно утрачено,—хотя и не извѣстно, полезно-ли сіе будетъ обладающему здоровьемъ. Ибо и противоположное сему часто приносило великую пользу, равно какъ нищета и богатство, слава и безславіе, униженіе и знатность, также все, что по природѣ своей занимаетъ средину, не преклоняясь ни на ту, ни на другую сторону, дѣлается лучшимъ и худшимъ по употребленію и произволу обладающихъ. Но цѣль другаго врачеванія—открыть душу, исхитить изъ міра и предать Богу, сохранить образъ Божій, если цѣль, поддержать,

если въ опасности, обновить, если поврежденъ, *вселить Христа въ сердца* (Ефес. 3, 17.) *Духомъ*; короче сказать: того, кто принадлежитъ къ горнему чину, содѣлать Богомъ и причастникомъ горняго блаженства. Сего хотять для насъ и пѣстунъ законъ, и посредствующіе между Христомъ и Закономъ Пророки, и Совершитель и конецъ духовнаго закона—Христось, и истощившее Себя Божество, и воспріятая плоть, и новое смѣшеніе—Богъ и чловѣкъ—единый изъ Божества и чловѣчества, и чрезъ Единого то и другое. Для сего Богъ примѣсился къ плоти чрезъ посредство души, и далекое между собою совокуплено чрезъ сродство посредствующаго съ тѣмъ и другимъ; все соединилось во едино за всѣхъ и за единого Праотца, —душа за душу преслушную, плоть за плоть покорившуюся душѣ и вмѣстѣ осужденную; Христось, непричастный грѣху и высшій грѣха, за Адама, бывшаго подъ грѣхомъ. Для сего ветхое замѣнено новымъ; страданіемъ возванъ страдавшій; за каждый нашъ долгъ воздано особо Тѣмъ, Кто превыше насъ; и открылось новое таинство—чловѣколюбивое Божіе смотрѣніе о падшемъ чрезъ непослушаніе. Для сего рожденіе и Дѣва, для сего ясли и Виолеемъ; рожденіе вмѣсто созданія, Дѣва вмѣсто жены, Виолеемъ вмѣсто Едема, ясли вмѣсто рая, малое и видимое вмѣсто великаго и сокровеннаго. Для сего Ангелы, славящіе Небеснаго, содѣлавшагося потомъ Земнымъ, пастыри, видящіе славу на Агнцѣ и Пастырѣ; звѣзда путеводствующая, волхвы поклоняющіеся и приносящіе дары, чтобы прекратилось идолослуженіе. Для сего Иисусъ приѣмлетъ крещеніе и свидѣтель-

ство свыше, для сего постится, бываетъ искушаемъ и побѣждаетъ побѣдившаго. Для сего изгоняются демоны, исцѣляются болѣзни, и великое дѣло проповѣди поручается малымъ, и совершается ими. Для сего мнутся народы, и люди помышляютъ тщетное. Для сего древо за древо, и руки за руку; руки, мужественно распростертыя, за руку невоздержно простертую; руки пригвожденныя за руку своевольную, руки совокупающія во едино концы міра за руку извергшую Адама. Для сего вознесение на крестъ за падение, желчь за вкушение, терновый вѣнецъ за худое владычество, смерть за смерть, тьма для свѣта, погребение за возвращение въ землю, воскресение для воскресения. Все сіе было для насъ Божиимъ нѣкоторымъ дѣловодительствомъ и врачеваніемъ нашей немощи, возвращающимъ ветхаго Адама туда, откуда онъ низпалъ, и приводящимъ къ древу жизни, отъ котораго удалилъ насъ плодъ древа познанія, безвременно и неблагоразумно вкушенный. Сего-то врачеванія служители и сотрудники—всѣ мы, предсѣдательствующіе предъ другими, мы, для которыхъ важно—знать и врачевать собственныя немощи и недуги, или вѣрнѣе сказать, это еще не столько важно (но меня заставила выразиться такъ порочность многихъ, находящихся съ семь санѣ),—гораздо-же важнѣе—быть въ состояніи врачевать и искусно очищать другихъ, чтобы отъ сего была польза тѣмъ и другимъ, и имѣющимъ нужду во врачеваніи и поставленнымъ врачевать.

Сверхъ сего врачи тѣмъ должны переносить извѣстные намъ труды, бдѣнія, заботы и, какъ сказалъ

одинъ изъ ихъ мудрецовъ (а), — изъ чужихъ несчастій собирать себѣ скорби; иное дознавая и изобрѣтая сами, иное заимствуя и собирая у другихъ, они должны обращать сіе въ пользу требующихъ; и что ими найдено или избѣгнуто, не исключая и самыхъ малостей, для нихъ не маловажно, но признается имѣющимъ силу къ укрѣпленію здоровья, или къ отвращенію опасности. И для чего все сіе? Чтобы больше дней прожилъ на землѣ человѣкъ, и человѣкъ, можетъ быть, не полезный для общества, но самый негодный, которому, по его порочности, было-бы даже лучше давно умереть, и чрезъ то освободиться отъ порока, сего величайшаго недуга. Но положимъ, что онъ и добрый человѣкъ; долго-ли онъ будетъ жить? Ужели всегда? И что пріобрѣтетъ отъ здѣшней жизни? Желать разрѣшиться отъ нея, по моему мнѣнію, есть первое и вѣрнѣйшее благо, и свойственно человѣку подлинно здравомыслящему и умному. Но намъ, когда мы въ опасности утратить спасеніе души, души блаженной и безсмертной, которая будетъ вѣчно или наказываема за порочность, или прославляема за добродѣтель, — какой предлежитъ подвигъ, и какія нужны свѣдѣнія, чтобы хорошо и другихъ уврачевать и самимъ уврачеваться, чтобы исправить образъ жизни и персть покорить духу? Ибо не одинаковы понятія и стремленія у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у веселаго и печальнаго, у больнаго и здороваго, у на-

(а) Иппократъ.

чальниковъ и подчиненныхъ, у мудрыхъ и невѣждъ, у робкихъ и смѣлыхъ, у гнѣвливыхъ и кроткихъ, у стоящихъ твердо и падающихъ. А если еще разберемъ подробнѣе : то какое различіе между вступившими въ супружество и безбрачными! Идъ у послѣднихъ опять—между пустынножителями, между находящимися въ общежитіяхъ и между остающимися въ мірѣ! Между опытными и преуспѣвшими въ созерцаніи и между тѣми, которые просто исполняютъ должное! Между городскими и сельскими жителями, между простосердечными и хитрыми, между занятыми дѣломъ и живущими праздно, между претерпѣвшими измѣну счастья и благоуспѣшными, не встрѣчавшими неудачъ! Всѣ таковыя различествуютъ между собою желаніями и стремленіями иногда болѣе, нежели сколько они различны по тѣлесному виду, или (если угодно) по сочетанію и и растворенію стихій, изъ которыхъ мы состоимъ; и потому не легко имѣть надъ ними смотрѣніе. Но какъ тѣламъ не одинаковыя даются лекарство и пища,—иное пригодно здоровому, иное больному; такъ и души врачуются различнымъ образомъ и способомъ. Свидѣтелями таковаго врачеванія сами болящіе. Однихъ назидаетъ слово, другіе исправляются примѣромъ. Для иныхъ нуженъ бичъ, а для другихъ узда; ибо одни лѣнны и неудобоподвижны къ добру, и такихъ должно возбуждать ударами слова; другіе сверхъ мѣры горячи духомъ и неудержимы въ стремленіяхъ, подобно молодымъ, сильнымъ конямъ, бѣгущимъ далѣе цѣли, и такихъ можетъ исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для однихъ полезна похвала, для другихъ

укоризна; но та и другая—во время; напротивъ
того безъ времени и безъ основанія онѣ вредятъ.
 Однихъ исправляетъ увѣщаніе, другихъ—выговоръ,
 и послѣдній или по всенародномъ обличеніи, или
 по тайномъ вразумленіи. Ибо одни привыкли пре-
 небрегать вразумленіями, сдѣланными наединѣ, но
 приходятъ въ чувство, если укорятъ ихъ при мно-
 гихъ; другіе-же при гласности обличеній теряютъ
 стыдъ, но ихъ смиряетъ тайный выговоръ, и за та-
 кое снисхожденіе къ себѣ воздаютъ они благопокор-
 ностію. Иные, надмеваясь мыслію, что дѣла ихъ
 тайны, о чемъ они и заботятся, считаютъ себя ум-
 нѣе другихъ, и въ такихъ надобно тщательно на-
 блюдать всё, даже самые маловажные, поступки;
 а въ другихъ лучше инаго не замѣчать, и, какъ
 говорится, видя не видать, слыша не слышать,
 чтобы, подавивъ ихъ ревностію обличеній, не
 возбудить къ упорству и напоследокъ не сдѣлать
 дерзновенными на всё, истребивъ въ нихъ стыдъ—
 сіе средство ко внушенію покорности. Иногда
 нужно гнѣваться, не гнѣваясь, оказывать презрѣ-
 ніе, не презирая, терять надежду, не отчаяваясь,
 сколько сего требуетъ свойство каждаго; другихъ
 должно врачевать кротостію, смиреніемъ и соуча-
 стіемъ въ ихъ лучшихъ о себѣ надеждахъ. Однихъ
 полезно побѣждать; отъ другихъ часто полезнѣе
 быть самому побѣжденнымъ; и хвалить или оуж-
 дать должно—у инаго достатокъ и могущество, а у
 инаго нищету и разстройство дѣлъ. Ибо наше вра-
 чевство не таково, каковы добродѣтель и порокъ,
 изъ которыхъ первая всегда и для всѣхъ всего
 лучше и полезнѣе, а послѣдній всего хуже и вред-

вѣе; у насъ одно и тоже, на примѣръ строгость или кротость, а равно и прочее, мною исчисленное, не всегда даже для однихъ и тѣхъ-же оказывается или самымъ спасительнымъ, или опаснымъ. Напротивъ того для иныхъ хорошо и полезно одно, а для иныхъ другое, первому противное, —сообразно тому, думаю, какъ требуютъ время и обстоятельства, и какъ допускаетъ нравъ врачуемаго. Хотя, сколько-бы кто ни употреблялъ тщанія и ума, не возможно всего изобразить словомъ и обнять мыслию въ такой подробности, чтобы вкратцѣ былъ видѣнъ весь ходъ врачеванія; однако-же на самомъ опытѣ и на дѣлѣ дѣлается то извѣстнымъ и учебной науцѣ и врачу. Вообще-же извѣстно намъ, что какъ для ходящаго по высоко-натяннутому канату не безопасно уклоняться въ стороны, и малое, по видимому, уклоненіе влечетъ за собою большее, безопасность-же его зависитъ отъ равновѣсія; такъ и въ нашемъ дѣлѣ, кто по худой жизни, или по невѣжеству, уклоняется въ ту и другую сторону, для того очень опасно, что и самъ онъ впадетъ въ грѣхъ, и вовлечетъ въ него управляемыхъ. Напротивъ того должно идти самымъ царскимъ путемъ и остерегаться, чтобы, какъ сказано въ Притчахъ, *не уклониться ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27.). Таково свойство нашихъ немощей, и отъ сего столько труда доброму Пастырю, обязанному хорошо знать души своихъ пасомыхъ, и быть вождемъ ихъ по закону прямого и справедливаго пастырства, которое было-бы достойно Истиннаго нашего Пастыря.

Что-же касается до самаго раздаянія слова, (скажу напоследокъ о томъ, что составляетъ пер-

вую нашу обязанность, и разумѣю слово Божественное и высокое, о которомъ нынѣ всѣ любу мудрствуютъ); то, ежели кто другой приступаетъ къ дѣлу сему съ дерзновеніемъ и почитаетъ оное доступнымъ для всякаго ума, я дивлюсь многоумію (чтобы не сказать: малоумію!) такого человѣка. Для меня кажется не простымъ и не малаго духа требующимъ дѣломъ — каждому даяти во время житомьрїе (Лук. 12, 42.) слова, и съ разсужденіемъ вести домостроительство истины нашихъ догматовъ, то есть, нашего любу мудраго ученія о мірахъ или мірѣ, о веществѣ, о душѣ, объ умѣ и умныхъ существахъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, о Промыслѣ, все связующемъ и распоряжающемъ всѣми событіями, какъ согласными съ разумомъ, такъ по видимому и противорѣчащими долънему — человѣческому уму; также о первоначальномъ нашемъ устроеніи и о послѣднемъ возсозданіи, о прообразованіяхъ и истинѣ, ими прообразуемой, о завѣтахъ, о первомъ и второмъ Христовомъ пришествіи, о воплощеніи, страданіяхъ и смерти Христовой, о воскресеніи, о кончинѣ міра, о судѣ и воздаяніи — и грозномъ и славномъ; а что главное, о томъ, чему должно вѣровать — о начальной, царственной и блаженной Троицѣ. Въ семъ догматѣ для обязанныхъ просвѣщать другихъ всего опаснѣе, чтобы намъ, изъ опасенія многобожія, заключивъ Божество въ одну Упостась, не оставить въ ученіи своемъ однихъ голыхъ именъ, признавъ за одно Отца, и Сына, и Святаго Духа, а также, чрезъ уклоненіе въ противное, раздѣливъ Божество на трехъ или разнородныхъ и другъ другу чуждыхъ, или

неподчиненныхъ и безначальныхъ — такъ сказать, противоположныхъ Боговъ, не впасть въ равное первому зло, подобно тому, что бываетъ съ кривымъ деревомъ, которое чрезъ мѣру гнуть въ противную сторону. А какъ нынѣ въ ученіи о Богѣ три недуга — безбожіе, іудейство и многобожіе, и изъ нихъ защитникомъ перваго Ливійскій Савеллій, втораго — Александрійскій Аріій, а третьяго — нѣкоторые изъ числа чрезъ мѣру у насъ православныхъ; то какое-же мое ученіе? Избѣгая всего, что есть вреднаго въ сихъ трехъ ложныхъ ученіяхъ, держаться въ предѣлахъ благочестія. И во первыхъ, не увлекаться въ безбожіе Савеллія, слѣдуя его новому разложенію и сложенію, по которому либо утверждаютъ не столько то, что всѣ *Ипостаси* суть одно, сколько то, что каждая — ничто (ибо выступающее изъ себя и переходящее взаимно другъ въ друга перестаетъ уже быть тѣмъ, чѣмъ оно есть); либо воображаютъ и составляютъ себѣ какого-то сложнаго и страннаго Бога, подобнаго баснословнымъ животнымъ. Во вторыхъ, не уклоняться въ іудейскую скудость, разсѣкая естества съ Аріевымъ, справедливо такъ называемымъ, умоизступленіемъ, и не приписывать Божескому естеству зависти, ограничивая Божество однимъ Нерожденнымъ, какъ бы изъ опасенія, чтобы Богъ не потерпѣлъ ущерба, будучи Отцемъ истиннаго и равночестнаго по естеству Бога. Наконецъ не вводитъ избѣгнутого уже нами языческаго многоначалія, и трехъ началъ, какъ одного другому не противополгать, такъ и одного съ другимъ не сопоставлять. Не должно быть такими любителями Отца, чтобы даже отни-

мать у него отечество ; ибо чьимъ былъ-бы Онъ Отцемъ , если-бы Сынъ или , наравнѣ съ тварію, былъ отдѣленъ отъ Него и разъединенъ съ Нимъ по естеству , (потому что чуждое уже не Сынъ); или былъ смѣшанъ и слитъ съ Отцемъ, и, что тоже значить , сливалъ Его съ Собою? Не должно быть и такими любителями Христа , чтобы у Сына не оставлять даже сыновства (ибо чьимъ былъ-бы Онъ Сыномъ , если-бы не имѣлъ началомъ Отца?), а у Отца не оставлять преимущества — быть началомъ, принадлежащаго Ему, какъ Отцу и Родителю. Ибо Отецъ былъ-бы началомъ чего-то низкаго и недостойнаго, или, вѣрнѣе сказать, началомъ въ низкомъ и недостойномъ смыслѣ, если-бы не былъ началомъ Божества и благодати, созерцаемой въ Сынѣ и въ Духъ Святомъ, — въ первомъ, какъ въ Сынѣ и въ Словѣ, а въ другомъ, какъ въ исходящемъ и неразрѣшаемомъ Духѣ. Необходимо нужно какъ соблюсти единство Божіе, такъ и исповѣдывать три Упостаси, притомъ каждую съ личнымъ Ея свойствомъ.

Чтобы достаточно и соотвѣтственно достоинству предмета уразумѣть и изложить сіе, для того потребно слово болѣе продолжительное , нежели каково настоящее время , и даже думаю, какова настоящая жизнь. Особенно-же какъ нынѣ , такъ и всегда, потребенъ для сего Духъ, при одномъ содѣйствіи Котораго и можно только о Богѣ и мыслить, и говорить, и слушать. Ибо къ чистому должно прикасаться одно чистое и ему подобное. Теперь-же кратко упомянулъ я о семъ съ тою цѣлію, чтобы видно было , какъ трудно бесѣдующему о такихъ предметахъ , особенно въ многочисленномъ

собрании людей всякаго возраста и разныхъ способностей, которое, подобно многострунному органу, требуетъ не одинаковыхъ ударений, — трудно, говорю, найти слово, которое-бы всѣхъ назидало и озаряло свѣтомъ вѣдѣнія. Трудно уже и по тому, что, какъ опасность съ трехъ сторонъ, то есть, отъ мысли, слова и слуха, то не возможно не преткнуться, если не во всемъ, по крайней мѣрѣ въ чемъ-либо одномъ. Ибо если умъ не просвѣщенъ, или слово слабо, или слухъ не очищенъ и потому не вмѣщаетъ слова; отъ одной изъ сихъ причинъ такъ-же, какъ и отъ всѣхъ, необходимо храмлетъ истина. Но трудно еще и потому, что здѣсь обращается во вредъ и опасность то самое, что для обучающихъ чему-либо другому содѣлываетъ учение весьма легкимъ и удобопріемлемымъ, то есть, заботливость слушателей о благочестіи. Ибо они, какъ вступающіе въ подвигъ за учение о Богѣ — Существомъ Высочайшемъ, и о своемъ спасеніи — первѣйшей для всѣхъ надеждѣ, чѣмъ горяче въ вѣрѣ, тѣмъ съ большимъ упорствомъ внимаютъ слову, почитая покорность оному не благочестіемъ, но измѣною истинѣ, и скорѣе готовы отказаться отъ всего, нежели отъ своихъ мыслей, съ которыми пришли, и отъ привычки къ догматамъ, въ которыхъ воспитаны. И замѣчу еще, что это недугъ людей болѣе умѣренныхъ и не совершенно худыхъ, которые, хотя погрѣшаютъ противъ истины, однако-же, какъ подвергающіеся сему изъ заботливости о благочестіи и имѣющіе ревность, только не по разуму, можетъ быть и не такъ строго будутъ осуждены, и не такъ много наказаны, какъ отпадающіе отъ

III.
 1111111111

48.
 6111111111

воли Господней по злонравію и лукавству. Даже они со временемъ могутъ еще переувѣриться и перемѣниться по той-же заботливости о благочестіи, по которой они противились; ежели только коснется ихъ слово, и, какъ желѣзо въ кремень, или внутренно, или внѣшнимъ образомъ, произведетъ благовременный ударъ въ ихъ оплодотворенное уже и достойное свѣта разумѣніе, въ которомъ отъ малой искры весьма скоро можетъ возсіять свѣтильникъ истины. Но что сказать о людяхъ, которые по тщеславію или любоначалию *неправду въ высоту глаголютъ* (Пс. 72, 8.), съ велерѣчіемъ какого-нибудь Іаннія или Іамврія вооружаются не противъ Моисея, но противъ истины, и возстаютъ противъ здраваго ученія? Что сказать о третьемъ родѣ людей, которые, по невѣжеству и слѣдствію онаго — дерзости, съ жадностію, какъ свиньи, кидаются на всякое ученіе, и попираютъ прекрасные бисеры истинъ? Или о всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ у себя ни собственнаго мнѣнія, ни какого-либо образца, худаго или добраго, для ученія о Богѣ, но готовы слушать всякое ученіе и всякаго учителя, чтобы изъ всего выбрать лучшее и безопаснѣйшее, и такой выборъ довѣряютъ самимъ себѣ — худымъ судіямъ истины; а потомъ, переходя и возвращаясь отъ одной вѣроятности къ другой, нагруженные и подавленные ученіями всякаго рода, перемѣнивъ многихъ учителей, и многія писанія разбросавъ легкомысленно, какъ пыль на вѣтеръ, когда утомится и слухъ и умъ; (какое безразсудство!) начинаютъ оказывать одинаковое отвращеніе ко всякому ученію, и напечатлѣваютъ въ себѣ гибельное

и нечестивые

правило — осмѣивать и презирать самую вѣру нашу, какъ нѣчто нетвердое, и не имѣющее въ себѣ ничего здраваго, дѣлая невѣжественное заключение отъ учащихъ къ ученію, подобно такому человѣку, который, имѣя разстроенные глаза или поврежденные уши, винить солнце или звуки, первое, что оно темно и не блещетъ, а послѣдніе, что они слабы и беззвучны? Посему-то легче вновь напечатлѣвать истину въ душѣ, которая подобна еще неисписанному воску, нежели по старымъ письменамъ, то есть, послѣ принятыхъ худыхъ правилъ и догматовъ, начертывать слово благочестія, въ какомъ случаѣ оно сливается и смѣшивается съ первыми. Правда, что лучше идти по гладкой и битой дорогѣ, нежели по шероховатой и непротоптанной, и легче пахать землю, которую неоднократно рѣзали и умягчали плугъ; однакоже лучше писать на душѣ, которую не изборозило еще негодное ученіе, и на которой не вѣзались глубоко начертанія порока. Иначе благочестивому краснописцу два будутъ дѣла — изгладить прежнія изображенія, и на мѣсто ихъ написать лучшія и достойныя сохраненія. Столько въ насъ отъ лукаваго лукавыхъ образовъ и начертаній относительно какъ къ прочимъ видоизмѣненіямъ (*πάθη*) души, такъ и къ самому слову; и столько-то трудовъ для того, кому ввѣрено сіе дѣтководительство душъ и попеченіе о нихъ! Но еще большаго не коснулось мое слово, чтобы не содѣлаться обширнѣе надлежащаго.

Если-бы кто захотѣлъ укротить и сдѣлать ручнымъ многовиднаго и многообразнаго звѣря, составленнаго изъ многихъ, большихъ и малыхъ, крот-

кихъ и свирѣшыхъ звѣрей; то, безъ сомнѣнія, потребалось-бы много труда и усилій, чтобы управлять такимъ разныхъ свойствъ чудовищнымъ существомъ; потому что не всѣ звѣри любятъ одинаковые звуки голоса, пищу, ласки, свистъ и другіе способы хожденія за ними; напротивъ того для однихъ пріятно и непріятно одно, а для другихъ другое, по природѣ и привычкѣ каждаго. Чтò-же бы надлежало дѣлать приставнику такого звѣря? Конечно то, чтобы, если хочетъ хорошо управиться съ звѣремъ и соблюсть его, — пріобрѣсть для сего многостороннія и разнообразныя свѣдѣнія, и употреблять хожденіе, приличное каждому *свойству звѣря*. Такъ, поелику общее тѣло Церкви, подобно 18. одному сложному и разнородному живому существу, слагается изъ многихъ и различныхъ нравовъ и умовъ; то Предстоятелю совершенно необходимо быть вмѣстѣ какъ простымъ, относительно къ правотѣ во всемъ, такъ, сколько можно болѣе, многостороннимъ и разнообразнымъ для приличнаго со всякимъ обращенія, а равно способнымъ къ полезной со всякимъ бесѣдѣ. Ибо одни, по способностямъ младенцы и, можно сказать, еще не окрѣпшіе, требуютъ себѣ въ пищу млека, то есть, самыхъ простыхъ и первоначальныхъ уроковъ, и не могутъ принимать словесной пищи, приличной мужу. А если-бы кто предложилъ имъ такую не по силамъ пищу; то, вкусивши и обременившись (когда умъ, какъ тѣло младенца, недостаточенъ еще къ тому, чтобы переварить и усвоить себѣ принятое), они потерпѣли-бы ущербъ даже въ прежней своей силѣ. Другіе-же, достаточно обучившіе чувства къ раз-

личенію истиннаго и ложнаго , имѣютъ нужду въ премудрости, проповѣдуемой между совершенными (1 Кор. 2, 6.), и въ пищу высшей и болѣе твердой. А если-бы стали напоевать ихъ млекою и питать растеніями — пищею слабыхъ; то они совершенно по праву огорчились-бы тѣмъ , что ихъ не укрѣпляютъ по Христѣ, не даютъ имъ возрасти достойнымъ похвалы возрастаніемъ , какое производится словомъ , которое хорошо питаемаго имъ совершаетъ въ мужа и приводитъ въ мѣру духовнаго возраста. Но кто-же имѣетъ достаточныя къ тому силы ? Мы не способны корчемствовать словомъ истины и мѣшать вино съ водою, то есть, ученіе, веселящее сердце человѣческое, съ ученіемъ пошлымъ, дешевымъ, влачимымъ по землѣ, пропадающимъ и текущимъ понапрасну , какъ дѣлаютъ многіе. Они, чтобы отъ такого корчемства получить и себѣ прибыль, бесѣдуютъ съ приходящими о томъ и о другомъ, такъ и иначе, въ угожденіе всякому, подобно какимъ-нибудь чревоушителямъ и суесловамъ , для собственной своей забавы употребляютъ слова, изъ земли изглашаемыя и въ землю уходящія , какъ будто тѣмъ болѣе они прославляются въ народѣ , чѣмъ больше вредятъ себѣ и губятъ себя, проливая кровь неповинную самыхъ простыхъ душъ, которая будетъ взыскана отъ рукъ нашихъ. Напротивъ того знаемъ , что лучше другимъ искуснѣйшимъ вручить бразды правленія надъ собою, нежели быть несвѣдущими правителями другихъ , что лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать ненаученный языкъ. Посовѣтовавшись о семъ съ самимъ собою (можетъ быть и не худымъ со-

вѣтникомъ, а если и не такъ, то, по крайней мѣрѣ, доброжелательнымъ), я разсудилъ, что незнающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно дѣлать, лучше учиться, нежели, не зная, учить. Ибо счастливъ тотъ, до кого хотя въ глубокой старости достигнетъ старческое слово, которое можетъ принести пользу душѣ, еще юной по благочестію. А посему брать на себя трудъ—учить другихъ, пока самъ еще не научился достаточно, и, по пословицѣ, на большемъ глиняномъ сосудѣ учиться дѣлать горшки, то есть, надъ душами другихъ упражняться въ благочестіи, по моему мнѣнію свойственно только людямъ крайне неразумнымъ и дерзкимъ, — неблагоразумнымъ, если они не чувствуютъ своего невѣжества, — дерзкимъ, если, сознавая оное, отваживаются на дѣло.

Мудрѣйшіе изъ Евреевъ говорятъ, что у нихъ въ древности былъ одинъ особенно прекрасный и похвальный законъ, которымъ не всякому возрасту дозволялось читать всякую книгу Писанія. — Ибо чтеніе сіе не было-бы и полезно; потому что не всякая книга всякому съ перваго начала вразумительна, а заключающая въ себѣ болѣе глубокой смыслъ, даже можетъ многимъ, по своему внѣшнему смыслу, обратиться въ болѣе вредъ. Напротивъ того книги, которыя и по внѣшнему смыслу назидательны, были съ самаго начала открыты всякому и находились въ общемъ употребленіи; а книги, которыя подъ неважною оболочкою сокрываютъ таинственную красоту — награду усильныхъ исканій и свѣтлой жизни, — просіявающую и удобосозерцаемую только для имѣющихъ очищенный умъ, довѣ-

ряемы были уже переступившимъ двадцати-пяти лѣтній возрастъ; потому что въ семь только возрастъ чловѣкъ можетъ стать выше чувственнаго, и съ успѣхомъ восходить отъ письмени къ духу. Но у насъ между временемъ, когда учить и когда учиться, нѣтъ никакого предѣла, подобнаго камнямъ, поставленнымъ древле между колѣнами за Иорданомъ и колѣнами по сю сторону Иордана. У насъ не дано дозволеній однимъ на то, другимъ на другое, и не положено никакого правила касательно способностей; напротивъ того все сіе оставлено безъ вниманія и слито. И мы такъ худо поступаемъ, что большая часть изъ насъ, (чтобъ не сказать: всѣ) почти прежде, чѣмъ острижемъ у себя первые волосы и оставимъ дѣтскій лепетъ, прежде нежели войдемъ во дворы Божіи, узнаемъ наименованія Священныхъ Книгъ, научимся распознавать письмена и писателей Ветхаго и Новаго Завѣта (не говорю, прежде нежели омоемъ душевную нечистоту и гнусность, какими покрылъ насъ грѣхъ), если только затвердимъ два или три слова о благочестіи, и то по наслышкѣ, а не изъ книги, если хотя мало ознакомимся съ Давидомъ, если умѣемъ ловко надѣть плащъ, или до пояса походить на философа (о чудное предсѣдательство и велемудріе! конечно, Самуилъ священъ и въ пеленахъ!); мы уже и мудры, и учителя, и высоки въ божественномъ, первые изъ книжниковъ и законниковъ, сами себя посвящаемъ въ небесные, желаемъ *зватися отъ чловѣкъ: учителю!* ни мало не смотримъ на букву, все хотимъ *разумѣть духовно* (сколько грезь! какое обширное поле пустословію!); и мы стали-бы

негодовать, если-бы насъ не очень хвалили. Таковы тѣ изъ насъ, которые еще скромнѣе и простѣе другихъ; каковы-же болѣе духовные и благороднѣйшіе? Они, если заблагоразсудится имъ, подвергнувъ насъ многимъ осужденіямъ и испытаніямъ, и поставивъ ни во что, удаляются отъ насъ съ презрѣніемъ даже къ сообществу съ нами, какъ съ людьми неблагочестивыми. Но если, обратясь къ кому изъ нихъ, спокойно и въ логическомъ порядкѣ спросимъ такъ: скажи мнѣ, дивный мужъ, ты считаешь за что нибудь пляску и игру на свирѣли? — отвѣтить можетъ быть: конечно почитаешь. — А также считаешь за что нибудь мудрость и быть мудрымъ, то есть, какъ мы полагаемъ, имѣть вѣдѣніе о божественномъ и человѣческомъ? — И въ семъ уступать намъ. — Что-же назовешь лучшимъ и высшимъ? Пляска-ли и игра выше мудрости, или мудрость несравненно выше сихъ искусствъ? — Очень знаю, они будутъ столько добросовѣстны, что даже скажутъ: мудрость выше и всѣхъ искусствъ. — Но для пляски и игры на свирѣли есть науки, и имъ учатся, и на то нужны время, непрерывные труды и усилія, иногда надобно тратить деньги; прискивать людей, которые-бы объяснили науку, предпринимать дальнія путешествія, а также дѣлать и терпѣть все, чѣмъ пріобрѣтается опытность. А мудрость, которая все превосходитъ и заключаетъ въ себѣ всѣ блага въ совокупности (такъ что самому Богу, хотя Онъ имѣетъ многія наименованія, угоднѣе именоваться Премудростію, нежели другимъ какимъ именемъ), ужели почтемъ для себя столь легкимъ и не затруднительнымъ дѣломъ, что всякому стоитъ толь-

ко захотѣтъ, и будетъ мудрымъ? Большое невѣжество такъ думать!—Но если мы (или кто другой ученѣе и умнѣ насъ) начнемъ говорить съ ними такимъ образомъ, чтобы по-немногу разсвѣять ихъ заблужденіе; то все сіе будетъ тоже, что и сѣять на камнѣ, или говорить въ уши глухому. Такъ мало въ нихъ мудрости даже на то, чтобы сознать свое невѣжество. И мнѣ кажется, прилично сказать о нихъ Соломоново слово: *есть лукавство, еже видѣхъ подъ солнцемъ, мужа нещечавша себе мудра быти* (Екклез. 10, 5. Притч. 26, 2.), и, что еще хуже, получившаго право учить другихъ, когда не чувствуетъ собственнаго невѣжества. Если какой недугъ, то сей именно, достоинъ слезъ и рыданія. И я не однократно жалѣлъ о семъ, ^{уо} очень зная, что самоувереніе отнимаетъ у человѣка большую часть того, чѣмъ онъ есть, и что тщеславіе бываетъ для людей величайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели. А уврачевать и остановить болѣзнь могутъ развѣ Петръ или Павелъ—великіе ученики Христовы, которые, со властію управлять словомъ и дѣломъ, получили даръ благодати, и были всѣмъ для всѣхъ, да всѣхъ пріобрѣщутъ. Для насъ-же, прочихъ людей, не мало важно, если будемъ хорошо управляемы и руководимы тѣми, кому ввѣрено исправленіе такихъ дѣлъ и распоряженіе ими.

Но поелику упомянулъ я о Павлѣ и о подобныхъ ему; то, если угодно, оставивъ всѣхъ прочихъ, кто только сдѣлался знаменитымъ — или какъ законодатель, или какъ пророкъ, или какъ военачальникъ или какъ завѣдывавшій другою какою-нибудь частію общественнаго благоустройства, не говоря на

примѣръ о Моисеѣ, Ааронѣ, Иисусѣ Навинѣ, Иліи, Елисеѣ, Судіяхъ, Самуилѣ, Давидѣ, о всѣмъ сонмѣ Пророковъ, объ Іоаннѣ, о двѣнадцати ученикахъ и ихъ преемникахъ, изъ которыхъ каждый со многими трудами и усиліями проходилъ въ свое время званіе начальника; умолчавъ о всѣхъ нихъ, одного Павла представлю свидѣтелемъ моего слова, чтобы изъ его примѣра видѣть, что значитъ имѣть попеченіе о душахъ, и кратковременныхъ-ли занятій, малыхъ-ли требуетъ сіе свѣдѣній! А чтобы удобнѣе сіе узнать и понять, послушаемъ, что говоритъ о Павлѣ самъ Павелъ.

Не буду говорить объ его трудахъ, бдѣніяхъ, страхахъ, злостраданіяхъ отъ голода, жажды, холода и наготы, о злоумышленіяхъ противъ него невѣрныхъ, о противодѣйствіяхъ ему вѣрныхъ. Умалчиваю о гоненіяхъ, сонмищахъ, темницахъ, узахъ, обвинителяхъ, судилищахъ, ежедневныхъ и ежечасныхъ смертяхъ, о кошницѣ, о метаніяхъ камнями, о біеніяхъ палками, о странствованіи, объ опасностяхъ и на сушѣ, и на морѣ, и во глубинѣ морской, о кораблекрушеніяхъ, объ опасностяхъ на рѣкахъ, объ опасностяхъ отъ разбойниковъ, отъ сродниковъ, объ опасностяхъ между лжебратіи, о пропитаніи трудами рукъ своихъ, о безкорыстномъ благоустроеніи, о томъ, какъ Павелъ былъ позорищемъ для Ангеловъ и челоуѣковъ, когда, стоя между Богомъ и челоуѣками, за челоуѣковъ подвизался, и къ Богу приводилъ и присоединялъ народъ избранный. Кромѣ сихъ внѣшнихъ подвиговъ, кто достойнымъ образомъ опишетъ ежедневную его попечительность, сердоболіе о каждомъ, заботливость

о всѣхъ церквахъ , ко всѣмъ сострадательность и братолюбіе? Претыкался-ли кто, и Павелъ чувствовалъ немощь. Другой соблазнился , а Павелъ приходилъ въ воспламененіе. А его неутомимость въ ученіи, разнообразіе способовъ врачеванія,—то чело-вѣколюбіе, то опять строгость , то смѣшеніе и раствореніе и чело-вѣколюбія и строгости; такъ что, ни кротостію не разслабляетъ , ни суровостію не ожесточаетъ ! Онъ излагаетъ законы рабамъ и господамъ, начальникамъ и подчиненнымъ, мужамъ и женамъ, родителямъ и дѣтямъ, супружеству и безбрачію, воздержанію и роскоши, мудрости и невѣжеству , обрѣзанію и необрѣзанію, Христу (б) и міру, плоти и духу. За однихъ благодарить, другихъ укоряетъ; однихъ именуетъ своею радостію и вѣнцемъ, другихъ обличаетъ въ безуміи. Кто ходитъ право , тѣмъ сопутствуетъ и соусердствуетъ; а кто ходитъ лукаво, тѣхъ останавливаетъ. Онъ то отлучаетъ, то утверждаетъ любовь (2 Кор. 2, 8.); то плачетъ, то веселится ; то напоеваетъ млеко-мъ, то касается тайнъ ; то снисходитъ , то ведетъ съ собою на высоту ; то угрожаетъ палицею (1 Кор. 4, 21.), то объемлетъ духомъ кротости; то возносится съ высокими , то смиряется съ смиренными. Иногда онъ—меньшій изъ Апостоловъ , а иногда общаетъ представить доказательство, что въ немъ глаголетъ Христось. Иногда желаетъ отъйти и *жреть бываетъ* (2 Тим. 4, 6.); иногда признаетъ болѣе нужнымъ для вѣрующихъ-пребывать ему во

(б) Живущимъ по Христв.

плоти. Ибо ищетъ не собственной пользы, но пользы чадъ, которыхъ родилъ во Христѣ благоговѣствованіемъ; — такова цѣль и всякаго духовнаго начальства, — во всемъ презирать свое для пользы другихъ! Павелъ хвалится немощами и скорбями; какъ бы нѣкоторымъ убранствомъ, украшается мертвостію Иисусовою; онъ высокъ и по плоти, но радуется о духовныхъ дарахъ; онъ не невѣжда въ познаніи, хотя говоритъ о себѣ, что видитъ сквозь тусклое стекло и гадательно. Бодръ духомъ, и изнуряетъ тѣло, истощая его, какъ противника; а вмѣстѣ не научаетъ-ли и не вразумляетъ-ли тѣмъ и насъ, не превозноситься земнымъ, не надмеваться вѣдѣніемъ, не возсталять плоти противъ духа? Онъ за всѣхъ ратоборствуетъ, за всѣхъ молится, о всѣхъ ревнуетъ, за всѣхъ воспаляется, и за тѣхъ, которые внѣ закона, и за тѣхъ, которые подъ закономъ; онъ проповѣдникъ язычниковъ, предстатель Іудеевъ. Онъ дерзалъ и на нѣчто большее за братьей своихъ по плоти (о если-бы и мнѣ говорящему сіе дерзнуть на нѣчто подобное!). Павелъ молить по любви своей къ братьямъ, чтобы они вмѣсто него приведены были ко Христу. Какое величіе души, какая горячность духа! Онъ подражаетъ Христу, бывшему за насъ клятвою, воспринявшему на себя наши немощи, понесшему наши болѣзни, или, скажу скромнѣе, онъ первый послѣ Христа не отрекается страдать за Іудеевъ, и притомъ какъ нечестивый, только-бы они спаслись. Но къ чему перечисляю подробности? Живя не для себя, но для Христа и для проповѣди, распявъ себѣ міръ и распявшись міру и всему видимому, Павелъ все

почитаеть маловажнымъ и низкимъ для своего желанія, хотя *отъ Иерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнить благовѣствованіе* (Рим. 15, 19.), хотя восхищенъ будетъ до третіяго неба, содѣляется зрителемъ рая и слышателемъ неизглаголаныхъ для насъ глаголовъ.

Таковъ Павелъ, таковъ всякій подобный ему духомъ! Но мы боимся, чтобы въ сравненіи съ ними не быть *юродивыми князьями Танесовыми* (Ис. 19, 11.), или *приставниками пожинающими*, или *ложно ублажающими народъ*, прибавлю даже, *ублажаемыми*, и *стежи ногъ вашихъ возмущающими* (Ис. 3, 12.), или *ругателями господствующими*, или начальниками юными, несовершенными умомъ, и не имѣющими столько пищи и одѣянія, чтобы предводительствовать какимъ ни есть числомъ людей, (3, 4-7.), или *пророками учащими беззаконная* (9, 15.), или *князьями непокаряющимися* (1, 23.), которые вмѣстѣ съ отеческими постановленіями достойны злорѣчія по жестокости голода (8, 21.), или священниками весьма далеки отъ того, чтобы *глаголати въ сердце Иерусалиму* (40, 2.); такъ какъ за все сіе сильно порицаетъ и обличаетъ очищенный Серафимомъ и углемъ Исаія. Итакъ, ужели, хотя дѣло сіе такъ важно и такъ многотрудно для сердца чувствительнаго и скорбнаго, хотя оно дѣйствительная *моль костемъ* (Притч. 14, 30.) даже для человѣка съ умомъ, — однако опасность не велика и послѣдствія не заслуживаютъ вниманія?

Но на меня наводятъ великій страхъ, съ одной стороны блаженный Осія, когда говоритъ, что

насъ—священниковъ и начальниковъ ожидаетъ судъ, яко пруглѣ (в) быхомъ на стражбѣ, и якоже мрежа распростерта на Итавуріи (Ос. 5, 1. 2.), воткнутая ловцами душъ человѣческихъ, и угрожаетъ пожать непотребныхъ пророковъ (5, 6.), истребить огнемъ судей ихъ (7, 7.), удержаться на время, еже помазати царя и князя (8, 10.), потому что они царствовали сами собою, а не Богомъ (8, 4.); а съ другой стороны божественный Микей, который не терпитъ, чтобы Сіонъ созидаемъ былъ кровью, чьими-бы то ни было, и Иерусалимъ неправдами, чтобы старпѣишины его на дарпѣхъ судили, жерцы на мзду отвѣщавали, и пророцы на сребрѣ волхвовали (Мих. 3, 10. 11.). И чѣмъ угрожаетъ за сіе? Сіонъ яко нива изорется, Иерусалимъ яко овощное хранилище будетъ, и гора дому якоже лугъ дубравный вмѣнится (3, 12.). Оплакивая-же такое оскудѣніе добрыхъ правителей, что едва остается гдѣ колось или стебель, когда и князь просить и судія говорить изъ угроженія, и восклицая почти слѣдующими словами великаго Давида: *спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный* (Пс. 11, 1.), — Пророкъ возвѣщаетъ, что за сіе оскудѣють у нихъ блага, какъ-бы поадаемыя молю (Мих. 7, 4.). А Іоиль заповѣдуетъ намъ плачь; онъ хочетъ, чтобы *служащии жертвеннику бились* (Іоил. 1, 13.) въ тяжкое время голода; онъ вовсе далекъ отъ того, чтобы дозволить намъ роскошь среди бѣдствія другихъ, не только

(в) Петля.

повелѣваетъ освятить постъ , проповѣдать цѣльбу, собрать старцевъ и младенцевъ (2, 15. 16.) — сіи жалкіе возрасты, но требуетъ , чтобы священники шли въ храмъ въ пеплѣ и вретисахъ , съ глубокимъ смиреніемъ поверглись на землю , яко опустѣша поля (1, 10.) отъ безплодія, извержеса жертва и возліяніе изъ дому Господня. (1, 9.), и такимъ уничиженіемъ привлекли милость. А что скажетъ Аввакумъ ? Его рѣчь пламеннѣе , онъ съ негодованіемъ обращается къ самому Богу и какъ-бы вопіетъ на Владыку Христа за неправду судей, говоря: *Доколь, Господи, воззову и не услышиши? возопію къ Тебѣ обидимъ, и не избавиши? вскую мнѣ показалъ еси труды и бользни , смотри ти страсть и нечестіе? противу мнѣ бысть судъ, и судія вземлетъ. Сего ради разорися законъ и не производится въ совершеніе судъ (Авв. 1, 2-4.).* За симъ у Пророка угроза и слѣдующія слова: *Видите презорливіи , и смотрите , и чудитесь чудесемъ , и исчезните: понеже дѣло Азъ дѣлаю (1, 5.).* Но нужно-ли приводить всѣ слова угрозы? Напротивъ того, по моему мнѣнію, лучше присовокупить къ сказанному , какъ Аввакумъ , вызвавъ сперва на среду и оплакавъ многихъ учинившихъ что-либо несправедливое и худое , вызываетъ наконецъ начальниковъ и учителей злонравія, называя порокъ *развращеніемъ* мутнымъ, опьянѣніемъ и заблужденіемъ ума, и говоритъ, что чрезъ нихъ напоеаются симъ ближніе, *яко да взираютъ* ко тѣмъ душъ своихъ и *пещерамъ* гадовъ и *зѣррей* (2, 15.), то есть, обиталищамъ худыхъ помысловъ.

Таковы исчисленные мною Пророки, и такіа они

предлагають намъ наставленія. Но справедливо-ли будетъ оставить безъ вниманія Малахію, который въ одномъ мѣстѣ жестоко обвиняетъ и укоряетъ священниковъ, что презируютъ имя Господне (1, 6.), и между прочимъ присовокупляетъ, что приносятъ ко олтареву хлѣбы скверны (1, 7.), брашна не изъ начатковъ, что, какихъ даровъ не принесли-бы ни одному изъ начальниковъ, или какіе принеши, себя-бы обезславили, такіе дары, то есть, хромое, недужное, растлѣнное, и вовсе нечистое и презрѣнное, приносятъ Царю всяческихъ, когда обѣщаваютъ обѣты; а въ другомъ мѣстѣ напоминаетъ завѣтъ Божій съ Левитами — завѣтъ жизни и мира, завѣтъ — боязню бояться Господа и отъ лица имене Его устращатися (2, 5.). Законъ истины, говоритъ Пророкъ о Левитѣ, бѣ во устѣхъ его и неправда не обрѣтется во устнахъ его: въ миръ исправляяй иде со Мною и многи обрати отъ неправды. Понеже устниъ Геревовы сохраняютъ разумъ и закона възвущутъ отъ устъ его. И какая высокая, а вмѣстѣ и страшная тому причина! — яко Ангель Господа Вседержителя есть (2, 6.). Отказываюсь повторять то, что есть укоризненнаго въ слѣдующихъ за симъ клятвахъ, — я страгусь истины, но приведу, что легче выговорить, а вмѣстѣ и полезно. Пророкъ, какъ-бы съ особеннымъ негодованіемъ, и отвергая ихъ священнодѣйствія по причинѣ ихъ развращенія, говоритъ: еще-ли достойно призрѣти на жертву вашу, или пріяти пріятно изъ рукъ вашихъ (2, 13.)?

Какъ скоро воспоминаю о Захаріи, трепещу его серпа, а равно и всего, что свидѣтельствуешь онъ

противъ священниковъ. Но что открываетъ онъ о знаменитомъ Иисусѣ, великомъ Іереѣ, котораго, избразивъ сперва облеченнымъ въ ризу гнусную и неприличную, облакаетъ потомъ въ ризу священническую и свѣтлую, а также и то, что говорящимъ и заповѣдающимъ Іисусу представленъ у него Ангель, — да почтено будетъ молчаніемъ, какъ важнѣйшее и, можетъ быть, столько высокое, что должно быть относимо не ко многимъ священникамъ. Впрочемъ то обстоятельство, что и одесную сего Іисуса стояше *діаволь, еже противитися ему* (Зах. 3, 2.), по моему мнѣнію, не маловажно и должно внушать немалый страхъ и осторожность. У кого-же будетъ столько дерзости и такое адамантовое сердце, чтобы слыша, какъ Пророкъ съ настойчивостію обличаетъ и укоряетъ другихъ пастырей, не вострептать и не смириться въ себѣ самомъ? *Гласъ плачущихъ пастырей, яко възбѣдствова величіе ихъ*, говоритъ онъ; *гласъ рыкающихъ львовъ* (Зах. 11, 3.); потому что они столько пострадали. Захарія почти слышитъ самыя рыданія, какъ-бы уже настоящія, и плачетъ вмѣстѣ съ бѣдствующими. А чрезъ нѣсколько словъ говоритъ еще разительнѣе и сильнѣе: *Пасите овцы заколенія, яже стяжавшіе закалаху и не раскаявахуся, и продающіи я глаголаху: благословенъ Господь, и обогатихомся, и пастыри ихъ не печалуха ничимже о нихъ. Сего ради не пощажду ктому на живущихъ на земли, глаголетъ Господь Вседержитель* (11, 4-6.). И еще, простирая угрозы вмѣстѣ и на начальниковъ народа, говоритъ: *Мечу, востани на пастырей: поразите пастырей, и расточатся овцы: наведу руку Мою*

на пастырей (13, 7); — на пастырей прогнѣвася ярость Моя, и на агнцы постыщу (10, 3.). Съ такою ревностію продолжаетъ онъ рѣчь, и не можетъ удержаться отъ угрозъ; почему и опасаясь, чтобы повторяя ихъ по порядку, и мнѣ не возбудить противъ себя ненависти.

Но такъ говоритъ Захарія; о старцахъ-же упоминаемыхъ у Даніила умолчимъ; ибо хотѣлось-бы умолчать. Умолчимъ и о томъ, что справедливо сказано и засвидѣтельствовано о нихъ Владыкою: *яко изыде баззаконіе изъ Вавилона отъ старецъ судей, иже мняхуся управляти людеи* (Дан. 13, 5.). Какъ безъ страха выслушаемъ Іезекііля, сего зрителя и истолкователя великихъ тайнъ и видѣній? Какъ выслушаемъ заповѣдуемое имъ *стражамъ* — не молчать о беззаконіи, и о грядущемъ на него мечь (Іезекіил. 33, 6.); потому что сіе не принесетъ пользы ни имъ, ни согрѣшающимъ, напротивъ того предусмотрѣть и предвѣстить полезно или тѣмъ и другимъ, когда одни скажутъ, а другіе выслушаютъ, или безъ всякаго сомнѣнія возвѣстившимъ? Какъ примемъ и другое его нападеніе на пастырей, то въ слѣдующихъ словахъ: *горе на горе будетъ и вѣсть на вѣсть, и не будетъ видѣніе отъ пророка и законъ погибнетъ отъ жерца и советъ отъ старецъ* (7, 26.); то еще въ слѣдующихъ: *сыне челоувѣчь, рцы ему: ты еси земля недождимая, ниже дождь бысть на тя въ день ярости. Егоже старпыйшины средь его, яко львы рыкающе, восхищающе хищенія, души изъядающе насиліемъ* (22, 24. 25.), и чрезъ нѣсколько словъ: *жерцы его отвергошася закона Моего, и оскверниши*

святая Моя, между святымъ и сквернымъ не разлучаху, но все для нихъ было одинаково, и отъ субботъ Моихъ покрываху очи свои, и оскверняху Мя посредеъ себе (22, 26.)? Пророкъ угрожаетъ разрушить стѣну и помазующихъ ю (13, 15.), то есть, и тѣхъ, которые грѣшатъ, и тѣхъ, которые прикрываютъ грѣхи, что дѣлаютъ худые правители и священники, обольщающіе домъ Израилевъ, по внушенію сердецъ своихъ, преданныхъ похотямъ своимъ. Умолчу, что говоритъ онъ о тѣхъ, которые пасутъ самихъ себя, млеко ядятъ, волною одѣваются, и тучное закаляютъ, а овецъ не пасутъ, изнемогшаго не подѣмлютъ, сокрушеннаго не обвязываютъ, заблуждающаго не обращаютъ, погибшаго не взыскуютъ, и крѣпкаго не берегаютъ, но оскорбляютъ трудомъ и стараются погубить; отъ сего овцы разсыпались по всѣмъ полямъ и горамъ, понеже не имѣяху пастырей, и содѣлались добычею всякой птицы и всякаго звѣря, яко не бѣ взыскающаго, ни обращающаго (34, 2-6.). Что-же потомъ? Сказано: живу Азъ, глаголетъ Господь, понеже такъ дѣлалось и учинена суть стада Моя въ расхищеніе (34, 8.); се Азъ на пастыри и взыщу овецъ Моихъ отъ рукъ ихъ (34, 10.); овецъ соберу и соблюду, а пастыри понесутъ различныя наказанія, какихъ стоятъ худые пастыри.

Но чтобы не продлить слова, перечисляя всѣхъ Пророковъ и все, что сказано у каждаго, перейду молчаніемъ прочихъ, а упомяну только объ одномъ, который познанъ еще до рожденія и освященъ въ утробѣ матерней (Иер. 1, 5.), — это Иеремія. Онъ

просить главъ воду и очесемъ источникъ слезъ, чтобы оплакать, какъ должно, Израиля (9, 1.). А не менѣе того оплакиваетъ онъ злонравіе предстоятелей. Богъ, въ обличеніе священниковъ, говоритъ ему: *Священницы не рекоша, гдѣ есть Господь; и держащій законъ не вѣдѣша Мя, и пастыри нечествоваша* (2, 8.). А потомъ говоритъ самъ Пророкъ: *Обулаша пастыри и Господа не взыскаша: сего ради неуразумѣ все стадо и расточено бысть* (10, 21.). Пастыріе мнози растлиша виноградъ Мой, оставиша часть Мою, часть желеемую даша въ пустыню непроходную (12, 10.). Послѣ сего снова обращаетъ укоризну на самихъ пастырей: *Горе пастыремъ, иже погубляютъ и расточаютъ овцы паствы Моея. Сего ради сія рече Господь къ пасущимъ людей Моихъ: вы расточили есте овцы Моя, и отвергосте я и не постыгисте ихъ, и Азъ постыщу на васъ по лукавству умысленій вашихъ* (23, 1. 2.). Иеремія хочетъ, чтобы воскликнули пастухи, и восплакали овни овчьи, яко исполнишася дніе ихъ на заколеніе (25, 34.).

Но для чего повторятъ мнѣ ветхозавѣтное? Кто, повѣривъ самъ себя по правиламъ и опредѣленіямъ, какія Павелъ постановилъ для епископовъ и пресвитеровъ, а именно: быть *трезвыми, цѣломудренными, не пияницами, не бійцами, назидательными*, во всемъ неукоризненными и не прикосновенными ни къ чему худому (1 Тим. 3, 2. 3.), — кто, говоря, не найдетъ себя много уклонившимся отъ правоты правилъ? А какіе законы даетъ Иисусъ ученикамъ, посылая ихъ на проповѣдь? Существен-

ное въ нихъ, не говоря о подробностяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы ученики таковы были по добродѣтели, такъ благоустроены и соотвѣтственны своему званію, и, если должно выразиться короче, столько небесны, что благовѣствованіе не менѣе-бы распространялось посредствомъ ихъ жизни, какъ и посредствомъ слова. Но меня приводятъ въ страхъ и укоряемые фарисеи и обличаемые книжники. Мы, если желаемъ небеснаго царства, по заповѣди обязаны много превосходить ихъ въ добродѣтели; а потому намъ будетъ стыдно предъ ними, если окажемся хуже ихъ по своимъ порокамъ, и услышимъ справедливыя себѣ укоризны: зміи, порожденія ехиднины, вожди слѣпые, отцѣживающіе комара и поглощающіе верблюда, гробы внутри полныя скверны, а извнѣ благоуукрашенные, по одной внѣшности чистыя блюда, и другія подобныя наименованія, какія заслужили и получили фарисеи и книжники (Мат. 23, 24 — 33.). Такія мысли не оставляютъ меня день и ночь, сушатъ во мнѣ мозгъ, истощаютъ плоть, лишаютъ бодрости, не позволяютъ ходить съ поднятыми высоко взорами. Сіе смиряетъ мое сердце, сокращаетъ умъ, налагаетъ узы на языкъ, и заставляетъ думать не о начальствѣ, не объ исправленіи и назиданіи другихъ (что требуетъ избытка дарованій): но о томъ, какъ самому избѣжать грядущаго гнѣва и сколько-нибудь стереть съ себя ржавчину пороковъ. Надобно прежде самому очиститься, потомъ уже очищать; умудриться, потомъ умудрять; стать свѣтомъ, потомъ просвѣщать; приблизиться къ Богу, потомъ приводить къ Нему другихъ; освятиться, потомъ освящать. Руко-

водителю необходимы руки; совѣтнику потребно благоразуміе.

Когда-же сіе будетъ? — скажутъ скорѣе на все и ни ни въ чемъ нетвердые, легко созидающіе и разрушающіе. Когда свѣтильникъ поставится на свѣщницѣ, и на что употребится талантъ, то-есть даръ? — скажутъ ревностнѣйшіе къ дружбѣ, нежели къ дѣлу благочестія. Когда сіе будетъ, и какой дамъ на сіе отвѣтъ вамъ, преименитые? — Въ такомъ дѣлѣ и глубокая старость — не долговременная отсрочка. Ибо сѣдина съ благоразуміемъ лучше неопытной юности, разсудительная медлительность — не осмотрительной поспѣшности, кратковременное царствованіе — продолжительнаго мучительства, подобно какъ малая доля драгоцѣнности предпочтительнѣе обладанія многими не имѣющимъ цѣны и прочности, небольшое количество золота — многихъ талантовъ свинцу, малый свѣтъ — великой тьмы. А что касается до сея поспѣшности, поползновенности и излишней ревности, — опасно, чтобы онѣ не уподобились или тѣмъ сѣменамъ, которыя пали на камни, и, будучи не глубоко въ землѣ, тотчасъ взошли, но не могли вынести перваго солнечнаго зноя, или тому основанію положенному на песокъ, которое не устояло при небольшемъ дождѣ и вѣтрѣ. *Горе тебѣ, граде, въ немъ же царь твой юнъ, говоритъ Соломонъ* (Еккл. 10, 16.). *Не будь скоръ въ словесяхъ* (Прит. 29, 30.) — слова того-же Соломона, который говоритъ о скорости въ словахъ, то-есть о чемъ-то меньшемъ, нежели опрометчивость въ дѣлахъ. Кто-же вопреки сему потребуеъ поспѣшности предпочтительно безопасности и пользы? Кто возьмется, какъ гливяное

какое-нибудь издѣліе, изготовляемое въ одинъ день, образовать защитника истины, который долженъ стоять съ Ангелами, славословить съ Архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсоздать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе — быть богомъ и творить богами? Знаю, чьи мы служители, гдѣ сами поставлены, и куда готовимъ другихъ. Знаю величіе Божіе, и человѣческую немощь, а вмѣстѣ и силу. *Небо высоко, земля же глубока* (Притч. 25, 3.) И кто изъ низложенныхъ грѣхомъ взойдетъ на небо? Кто, обложенный еще дольнимъ мракомъ и грубою плотію, можетъ цѣлымъ умомъ ясно созерцать всецѣлый Умъ, находясь среди непостояннаго и видимаго, вступить въ общеніе съ постояннымъ и невидимымъ? Даже изъ самыхъ очищенныхъ едва-ли кто можетъ видѣть здѣсь хотя такой образъ доброты, каково изображеніе солнца въ водахъ. *Кто измѣри горстію воду, и небо пядію, и всю землю горстію; кто постави горы въ мѣрилъ и холмы въ вѣсь* (Ис. 40, 12.)? *Кое мѣсто покоища Его* (Ис. 66, 1.), и чему изъ всего Онъ уподобится? Кто — сотворившій все словомъ, устроившій человѣка премудростію, соединившій разлученное, сочетавшій персть съ духомъ, сложившій живое существо — видимое и невидимое, временное и вѣчное, земное и небесное, касающееся Бога, но нестигающее, приближающееся и далеко отстоящее? *Рѣхъ, умудрюся, говоритъ Соломонъ: и сія, то есть, мудрость, удалися отъ мене. Далече паче неже бѣ* (Еккл. 7, 24. 25.). И дѣйствительно, приложившій

разумъ приложитъ бользнь (Еккл. 1, 18.). Онъ не столько радуется о найденномъ, сколько скорбитъ о непостигнутомъ, какъ обыкновенно (представляю себѣ) случается съ людьми, которыхъ отвлекаютъ отъ воды, прежде нежели они утолили жажду, или которые, надѣясь что получить, не могутъ схватить того руками, или отъ которыхъ мгновенно скрывается озарившее ихъ блистаніе свѣта.

Сіе удержало меня долу, содѣлало смиреннымъ и убѣдило въ томъ, что лучше слышать гласъ похвалы, нежели быть истолкователемъ того, что превышаетъ силы. Величіе, высота, достоинство, чистыя существа, съ трудомъ вмѣщающія сіяніе Бога, Котораго покрываетъ бездна, Котораго, какъ чистѣйшій и для большей части тварей неприступный свѣтъ, утаиваетъ тьма, Который во всемъ и внѣ всего, Который есть всякая доброта и выше всякой доброты, Который просвѣщаетъ умъ и убѣгаетъ отъ быстроты и выпренности ума, столько всегда удаляясь, сколько постигается, и возлюбленнаго своего возводя горѣ тѣмъ, что убѣгаетъ и какъ-бы вырывается изъ рукъ — таковъ и такъ важенъ предметъ нашихъ желаній и исканій! Таковъ долженъ быть невѣстоводитель, уневѣщивающій души. И боюсь, чтобы, связавъ мнѣ руки и ноги, не извергли меня изъ брачнаго чертога, какъ неимѣющаго на себѣ брачнаго одѣянія, и нагло вторгшагося въ кругъ возлежащихъ тамъ; хотя и призванъ я отъ юности, даже (скажу неизвѣстное еще многимъ) къ *Нему приверженъ есмь отъ ложеснъ* (Пс. 21, 11.), Ему принесенъ въ даръ по матернему обѣту, а потомъ и самъ, когда опасности укрѣпили, любовь воз-

расла, и помогъ разсудокъ, Воспріавшему и Спасшему меня добровольно отдалъ все — и имѣніе и знатность, и здоровье, и самый даръ слова. Изъ всего этого извлекъ я ту одну пользу, что презрѣлъ сіе, и нашлось у меня, чему предпочесть Христа. Словеса Божіи содѣлались для меня сладки, какъ соты меда; я *призвала* разумъ, и *дала* гласъ свой мудрости (Прит. 2, 3.), учился умѣрять гнѣвъ, обуздывать языкъ, уцѣломудривать око, укрощать чрево, попираеть земную славу, и въ этомъ (безразсудно говорить, однако-же пусть будетъ сказано) сталъ я не хуже, можетъ быть, многихъ. Вести же такую любомудрую жизнь лучше, нежели принять на себя власть и управленіе душами, и когда еще самъ не научился быть хорошимъ пасомымъ, не очистилъ, какъ должно, душу свою, обязатся должностію — править паствою; притомъ въ такія времена, когда, смотря на людское крушеніе и мятежи, всего вождельннѣе бѣгомъ бѣжать изъ общества, удалиться въ надежный пріютъ, укрыться отъ бури и тьмы лукаваго; когда члены одного тѣла взаимно враждуютъ; когда исчезаетъ послѣдній остатокъ любви, а съ другой стороны слово: іерей, потому что, по Писанію, *изліяся уничиженіе на князи* (Пс. 16, 40.), признается однимъ пустымъ именемъ, — и лучше, если-бы оно было одно пустое имя. Нынѣ же (да обратится хула на главы нечестивыхъ!) изгнанъ изъ сердца всякій страхъ, и его мѣсто заступило безстыдство; кто-бы ни пожелалъ, для всякаго отверсты и знаніе и глубины Духа. Всѣ мы благочестивы единственно потому, что осуждаемъ нечестіе другихъ; а судъ предоставляемъ людямъ без-

божнимъ, повергаемъ святая псамъ, бросаемъ бисеры предъ свиніями, разглашая божественное тѣмъ, у кого не освящены и слухъ и сердце. Мы сами (о жалкіе!) тщательно выполняемъ желанія враговъ, и не стыдимся любодѣйствовать въ начинаніяхъ (Пс. 109, 5.) своихъ. Моавитяне и Аммонитяне, которымъ не дозволено входить въ Церковь Господню, у насъ свободно ходятъ въ самомъ святилищѣ. Для всѣхъ отверзли мы не врата правды, но двери злословія и наглости другъ противъ друга. У насъ не тотъ совершеннѣе, кто изъ страха Божія не произноситъ празднаго слова, но тотъ, кто, какъ можно больше, злословитъ ближняго, или прямо, или намѣками, нося подъ языкомъ своимъ трудъ и бользнь (Пс. 9, 28.), или, говоря ближе, ядъ аспидовъ (Пс. 139, 3.). Мы ловимъ грѣхи другъ друга не для того, чтобы оплакивать ихъ, но чтобы пересудить, не для того, чтобы уврачевать, но чтобы еще уязвить, и раны ближняго имѣтъ оправданіемъ собственныхъ своихъ недостатковъ. У насъ признакомъ добрыхъ и злыхъ — не жизнь, но дружба и несогласіе съ нами. Что нынѣ хвалимъ, то завтра охуждаемъ; что другіе порицають, тому дивимся; охотно поблажаемъ во всемъ нечестію — столько мы великодушны къ пороку! Все стало, какъ въ началѣ, когда еще не было ни міра, ни теперешняго благоустройства и благообразія, а напротивъ того всѣ вещи, будучи слиты и въ безпорядкѣ, имѣли еще нужду въ образующей десницѣ и силѣ. А если угодно другое сравненіе; то, какъ во время ночной битвы, при тускломъ свѣтѣ луны, не различая въ лице враговъ и своихъ, или, какъ на

морскомъ сраженіи и во время бури, оглушаемые порывами вѣтровъ, кипѣніемъ моря, напоромъ волнъ, столкновеніемъ кораблей, ударами весель, криками начальниковъ, столами пораженныхъ, въ недоумѣніи, не имѣя времени собраться съ мужествомъ, мы (къ довершенію бѣдствія) нападаемъ другъ на друга, и другъ отъ друга гибнемъ. И не мірянинъ только поступаетъ такъ, священникъ же иначе. Напротивъ того мнѣ кажется, что нынѣ явно исполняется изреченное древле въ проклятіи: *яко же людие, тако и жрець* (Ос. 4, 9.). Не одинъ простой народъ таковъ, а сильные, какъ говорится, въ народѣ и начальники инаковы. Напротивъ того они-то и ведутъ открытую войну съ священниками, въ предлогъ къ убѣжденію обращая благочестіе.

Съ кѣмъ бываетъ сіе потому, что онъ стоитъ за вѣру, за самыя высокія и первыя истины, того не порицаю, и если сказать правду, того хвалю и сорадуюсь съ нимъ. Я желалъ-бы и самъ быть въ числѣ подвизающихся и ненавидимыхъ за истину, даже похваляюсь, что дѣйствительно принадлежу къ сему числу. Ибо похвальная брань лучше мира, разлучающаго съ Богомъ. Посему и Духъ вооружаетъ кроткаго воина (Іоил. 3, 11.), какъ снособнаго хорошо вести войну. Но нынѣ есть люди, которые съ крайнимъ невѣжествомъ и съ наглостію сами стоятъ за малости и вовсе неполезныя вещи, и всякаго, кого только могутъ, принимаютъ въ сообщники зла; а все сіе прикрываютъ вѣрою, и сіе достоуважаемое имя безразсудно употребляютъ въ своихъ состязаніяхъ. Отсега, какъ и естественно, мы ненавидимы язычниками, и (что всего несноснѣе) не можемъ

даже сказать, что ненавидимы несправедливо. И изъ своихъ оуждають насъ самыя благонамѣренныя; ни мало же не удивительно, что оуждаетъ народъ, который рѣдко одобряетъ что-либо и доброе. *На хребтахъ нашихъ дѣлають 'грѣшники* (Пс. 128, 8.), и что умышляемъ другъ противъ друга, то обращаютъ противъ всѣхъ. Мы содѣлались новымъ позоромъ, но не для Ангеловъ и челоуѣковъ, какъ мужественнѣйшій изъ подвижниковъ Павелъ, ратоборствовавшій противъ началъ и властей, но почти для всѣхъ ведущихъ худую жизнь, и во всякое время, и на всякомъ мѣстѣ, — на торжищахъ, на нетрезвыхъ пиршествахъ, среди веселостей, среди сѣтованій. Мы выведены даже и на зрѣлища народныя (едва не со слезами говорю сіе), насъ осмѣиваютъ на ряду съ самыми развратными людьми, и ничто такъ не усладительно для слуха и зрѣнія, какъ Христіанинъ, поруганный на зрѣлищѣ. До сего довели насъ наши междоусобія; до сего довели насъ тѣ, которые чрезъ мѣру подвизаются за Благаго и Кроткаго, которые любятъ Бога больше, нежели сколько требуется. Въ борьбѣ, или въ другомъ чемъ, не позволено состязаться неустановленнымъ порядкомъ, и тотъ подвергается осмѣянію и безчестію, даже лишается правъ побѣды, кто борется не по правиламъ, или въ другомъ чемъ состязуется не въ порядкѣ и отступаетъ отъ положенныхъ для сего уставовъ, хотя-бы онъ былъ самый мужественный и искусный. Ужели-же подвизающійся за Христа не по Христу угодитъ тѣмъ *Миру* (Еф. 2, 14.), ратоборствуя за Него недозволеннымъ образомъ? И доннѣ еще трепещутъ демоны при имени Хри-

стовомъ ; сила сего Имени не ослаблена и нашими пороками. А мы не стыдимся оскорблять и достопокланяемое имя Христово и самого Христа, не стыдимся слышать, какъ Онъ почти въ слухъ и ежедневно вопіеть : *имя Мое хулитъ васъ ради во языцѣхъ* (Ис. 52, 5). Не боюсь я внѣшней брани, и возстающаго нынѣ на Церкви звѣря — сей полноты лукаваго (г), хотя-бы грозилъ онъ огнемъ, мечемъ, звѣрями, стремнинами, пропастями, хотя-бы превзошелъ безчеловѣчїемъ всѣхъ когда-либо неистовствовавшихъ, изобрѣлъ мучительнѣйшія, извѣстныхъ доселѣ, казни. На все есть у меня одно врачевство, одинъ путь къ побѣдѣ, и это — (похваляюся во Христвъ!) смерть за Христа. Но что касается до предстоящей мнѣ брани, не знаю, что мнѣ дѣлать, какой искать помощи, какого слова мудрости, какого дара благодати, въ какое облечься всеоружіе противъ козней лукаваго. Кто побѣдитъ сего врага? Мойсей-ли, распростирающій руки на горѣ, чтобы превозмогъ прообразуемый и прознаменуемый крестъ? Или послѣ него Иисусъ, на брань ополчающійся съ Архистратигомъ небесныхъ воинствъ? Или Давидъ, то псалмопѣвствующій, то сражающійся пращами и отъ Бога препоясуемый силою на брань, или имѣющій персты, Богомъ обученные на брань? Или Самуилъ, то приносящій молитвы и жертвы за народъ, то помазующій на царство могущаго побѣждать? Кто оплачетъ сіе, какъ должно? Іеремїа-ли, написавшій плачъ объ Израилѣ? Кто воззоветъ: *пощади Господи люди Твоя, и не даждь достоя-*

(г) Юліана отступника.

нія Твоего въ укоризну, да не обладаютъ ими лзыцы (Іоил. 2, 17.)? Кто будетъ молиться о насъ: Ной-ли, Іовъ и Даніилъ, вмѣстѣ молящіеся и вмѣстѣ упоминаемые (Іез. 14, 14.), да утишится у насъ хотя нѣсколько брань, да придемъ сами въ себя, станемъ наконецъ узнавать другъ друга, да не будемъ, вмѣсто одного Израиля, и Іудюю и Израилемъ, Ровоамомъ и Іеровоамомъ, Іерусалимомъ и Самаріею—сими городами, то предаваемыми за грѣхи, то оплакиваемыми?

Признаюся, что я немощенъ для такой брани; а потому и обратилъ хребетъ, сокрылъ лице въ бѣгствѣ. Отъ полноты огорченія возжелалъ я сидѣть въ уединеніи и молчать, зная, что время лукаво, что отверглись возлюбленные, и содѣлались сынами отступными мы—виноградъ благовѣтвистый, виноградъ истинный, плодоносный, прекрасный, возвращенный орошеніемъ свыше, и что для меня обратились въ безчестіе діадима доброты моей, печать славы и вѣнецъ похваленія. Но если кто при всемъ этомъ смѣлъ и мужественъ; то ублажаю его за смѣлость и мужество. Не говорю еще о брани внутренней, которая—въ насъ самихъ, въ нашихъ страстяхъ, и которую воздвигаютъ на насъ день и ночь, то явно, то тайно, сіе тѣло смиренія, и разсѣянность жизни, мятущая и волнуемая насъ посредствомъ чувственности и временныхъ удовольствій, и грязь персти, съ которою мы смѣшаны, и законъ грѣховный, воюющій противъ закона духовнаго и усиливающійся растлить въ насъ Царскій образъ и все, что съ нимъ вложено въ насъ божественнаго по происхожденію. Почему едва ли кто въ состояніи преодолѣть влекущее долу есте-

ство, развѣ уже обучилъ себя долговременнымъ лубомудріемъ и постепенно отторгалъ отъ низкаго и сопряженнаго со тьмою, что есть въ душѣ благо-роднаго и свѣтовиднаго, или удостоился милости Божіей, или сверхъ того и другаго прилагалъ все-возможное стараніе вознестъ взоръ свой горѣ. Но пока не препобѣждена мною по возможности персть, пока не очищенъ умъ, пока далеко не превосхожу другихъ близостію къ Богу; не безопаснымъ признаю принять на себя попеченіе о душахъ и посредничество между Богомъ и человѣками, что составляетъ такъ-же долгъ іерея.

Теперь
и съвѣщались

И чѣмъ-же приведенъ я въ такой страхъ? Не почитите меня боязливымъ сверхъ мѣры; напротивъ того похвалите даже мою предусмотрительность. О самомъ Моисей слышу, что, когда бесѣдовалъ съ нимъ Богъ, хотя многіе призваны на гору, и въ числѣ ихъ Ааронъ съ двумя сынами священниками, и семьдесятъ старѣйшинъ—народоправителей, однако-же повелѣно было, чтобы прочіе поклонились издавеча, а къ Богу приступилъ одинъ Моисей; народу-же не дозволено и восходить на гору (Исх. 24, 1. 2.); потому что не всякой можетъ приближаться къ Богу, но только кто, подобно Моисею, способенъ вмѣстить славу Божію. Да еще и прежде, при самомъ началѣ законодательства, трубы, молніи, громы, мракъ, гора вся дымящаяся, страшныя угрозы, что если и звѣрь прикоснется къ горѣ, будетъ побить камнями (Исх. 19, 13.), такъ-же другія подобныя грозныя явленія удерживали другихъ внизу горы, и для нихъ много было, по надлежащемъ очищеніи, слышать одинъ гласъ Божій; между тѣмъ

Моисей и на гору восходитъ, и вступаетъ внутрь облака, и получаетъ законъ, и пріемлетъ скрижали, для народа скрижали писмени, а для тѣхъ, которые выше народа, скрижали духа. Слышу также о Надавѣ и Авіудѣ, что они, воскуривъ ѳиміамъ чуждымъ огнемъ, наказаны тѣмъ самымъ, въ чемъ оказались нечестіе, нашли для себя погибель въ самое время и на самомъ мѣстѣ нечестиваго, и хотя отецъ ихъ Ааронъ былъ предъ Богомъ вторымъ по Моисею, однако-же не могъ спасти ихъ (Лев. 10, 1. 2.). Знаю, что было съ священникомъ Иліемъ и нѣсколько послѣ него съ Озою. Одинъ понесъ наказаніе за незаконіе сыновей, когда они при жертвоприношеніяхъ осмѣливались прежде времени вынимать мяса изъ котловъ, хотя отецъ и не одобрялъ такого ихъ нечестія, а напротивъ того многократно дѣлалъ имъ строгіе выговоры (1 Цар. 2, 13. 14.). Другой наказанъ единственно за то, что коснулся кивота, увлекаемаго тельцемъ; и хотя поддерживалъ кивотъ, однако-же самъ погибъ (2 Цар. 6, 6. 7.); такъ Богъ охранялъ досточтимостъ кивота. Знаю еще, что самыя тѣлесныя пороки, и въ священникахъ и въ жертвенныхъ животныхъ подвергались строгому изслѣдованію, и было узаконено, чтобы совершенные приносили совершенное; а сіе, какъ думаю, служило символомъ душевной непорочности. Не позволялось такъ-же, ни всякому касаться священнической одежды, или какого-либо священнаго сосуда; ни вкушать самыхъ жертвъ, кому не надлежало, или на неприличномъ мѣстѣ и въ неприличное время; ни поддѣлывать елей помазанія и ѳиміамъ сложенія, ни входить во святили-

ще, если кто хотя мало был нечистъ душею и тѣломъ. Тѣмъ паче не дерзали часто входить во святая-святыхъ, куда доступъ дозволялся только одному и единожды въ годъ. Тѣмъ паче не смѣлъ всякій простирать взоръ или касаться къ завѣсѣ, или къ очистилищу, или къ кивоту, или къ херувимамъ. И такъ, зная сіе, а вмѣстѣ и то, что всякій не достоинъ великаго Бога, Архіерея и Жертвы, если не представилъ онъ прежде себя самого Богу въ жертву живую и святую, не показаль опытовъ благороднаго словеснаго служенія, не принесъ Богу жертвы хвалы — духа сокрушеннаго — жертвы, какой только и требуетъ отъ насъ Даровавшій намъ все, — зная сіе могъ-ли я отважиться на то, чтобы приносить Ему жертву внѣшнюю — равнообразную (*ἀντιτύπον*) великимъ таинствамъ? Могъ-ли я облечься въ образъ и санъ іерея, пока не освятилъ рукъ пренеподобными дѣлами, пока не приобучилъ ока взирать здраво на тварь, и единственно удивляться Творцу, а не уничижать Создателя, пока наказаніе Господне не отверзло уши мои, не приложено ми ухо, еже не тяжко слышати (Ис. 50, 5); не данъ усерязъ золотый съ многоцѣннымъ сардійскимъ камнемъ, то есть, слово мудраго во ухо благопослушно (Притч. 25, 12.); пока уста, губы, языкъ не раскрылись и не привлекли Духа (Ис. 118, 131.), не расширились и не наполнились (Ис. 80, 11.) духомъ изрекаемыхъ таинствъ и догматовъ, пока уста, по слову мудрости, не стали связаны божественнымъ чувствомъ (Притч. 15, 7.), чтобы имъ (прибавлю къ сему) и растворяться благовременно, а языкъ не исполнился радованіемъ, не сталъ орга-

номъ божественнаго сладкопѣнія, возбуждаемый славою, *востая рано* (Пс. 56, 7.) и трудясь, доколѣ не прилипнетъ къ гортани; пока ноги мои не поставлены на камни (Пс. 39, 3.), не совершены какъ ноги еленей (Пс. 17, 34.), и стопы мои не направлены по Богу (Пс. 118, 133.), ни *вмалль*, ни *вовсе не проливаясь* (Пс. 72, 2.); пока всякій членъ не содѣлался *оружіемъ правды* (6, 13.), не отложилъ всякую мертвенность, *пожертую животомъ* (2 Кор. 5, 4.) и уступившую мѣсто Духу? У кого не воспламеняють сѣрдца чистыя, огнемъ искушенныхъ словеса Божія, когда открываются ему Писанія; кто не написалъ ихъ *трижды на широтль сѣрдца* (Прит. 22, 21.), чтобы имѣть умъ Христовъ (1 Кор. 2, 16.); кто не входилъ въ сокровенныя отъ многихъ, невидимыя и темныя сокровищницы (Ис. 45, 3.), чтобы видѣть ихъ богатство, и придти въ состояніе обогащать другихъ, *духовная духовными сразсуждающе* (1 Кор. 2, 13.); кто не зрѣлъ еще, какъ должно, *красоту Господню*, и не *посѣщаль храмъ Его*, лучше-же сказать, кто самъ не содѣлался храмомъ Бога живаго, живымъ жилищемъ Христовымъ въ духѣ; кто не позналъ сродства и различія между образами и дѣйствительностію, не отступилъ отъ первыхъ и не приложился къ послѣдней, чтобы, *избѣжавъ ветхости писмене, работати во обновленіи духа* (Рим. 7, 6.) и перейти совершенно къ благодати отъ закона, исполненнаго духовно въ изможденіи тѣла; кто опытно и умозрительно не изслѣдовалъ всѣхъ наименованій и силъ Христовыхъ, какъ высочайшихъ и первыхъ, такъ и низшихъ и послѣднихъ,

принадлежащихъ Христу по человѣчеству ; именно же, что Онъ Богъ, Сынъ, Образъ, Слово, Премудрость, Истина, Свѣтъ, Жизнь, Сила, *Пара, Изліяніе* (Премудр. Сол. 7, 25.), Сіяніе, Творецъ, Царь, Глава, Законъ, Путь, Дверь, Основаніе, Камень, Бисеръ, Миръ, Правда, Освященіе, Избавленіе, Человѣкъ, Рабъ, Пастырь, Агнецъ, Архіерей, Жертва, *Перворожденъ всея твари* (Кол. 1, 15.), *Перворожденъ* по воскресенію *изъ мертвыхъ* (18.); кто безъ пользы слышитъ сіи наименованія и вещи, не входитъ въ общеніе съ Словомъ и не постигаетъ, въ какомъ отношеніи каждымъ изъ сихъ Оно есть и именуется; кто не прилагалъ старанія и не учился уразумѣвать *премудрость Божію въ тайны сокровенную* (1 Кор. 2, 7.); кто еще младенецъ, питается млеко́мъ, не сопричтенъ къ Израилю, не вписанъ въ воинство Божіе, не способенъ, какъ слѣдуетъ, взять на себя крестъ Христовъ; кто не сталъ, можетъ быть, ни какимъ еще почетнымъ членомъ *тѣла Христова*: — тотъ ужели охотно и съ радостію приметъ, чтобы поставили его во главу полноты Христовой? По крайней мѣрѣ я не даю на сіе приговора и совѣта. Напротивъ того вижу здѣсь причины къ самому сильному страху, и самую крайнюю опасность для сознающаго и важность преспѣянія и пагубныя слѣдствія погрѣшенія въ дѣлѣ. Пусть другой, разсуждалъ я, кто многоопытенъ въ мореходствѣ и торговлѣ, плыветъ за куплею, переходитъ обширныя моря, борется всегда съ вѣтрами и волнами, многое, если удастся, пріобрѣтая, и много бѣдствуя. А для меня, который держуся суши, веду не глубокую и легкую борозду жизни,

съ выгодами и моремъ раскланиваюсь издали, прїятнѣе жить такъ, какъ могу, съ небольшимъ и скуднымъ кускомъ хлѣба, и влачить дни въ безопасности и безмятежїи, нежели для большихъ выгодъ кидаться на долговременную и большую опасность. Для чело-^вѣка поставленнаго высоко и то уже потеря, если онъ не предприѣмлетъ большаго, не распро-
страняетъ доблестей своихъ на многихъ, но останавливается на маломъ числѣ людей, и какъ-бы большимъ свѣтомъ освѣщаетъ малый домъ, или юношескимъ всеоружїемъ покрываетъ дѣтское тѣло. А для чело-
вѣка маловажнаго всего безопаснѣе нести малое бре-
мя, не возбуждать смѣха и не увеличивать опасности возложенїемъ на себя чего-либо не по силамъ. Ибо, какъ слышимъ, и башню строить прилично тому толь-
ко, у кого есть, чѣмъ ее довершить (Лук. 14, 28.).

И такъ предъ вами—оправданїе моего бѣгства, и оправданїе можетъ быть не недостаточное. Сїе-то самое удалило меня отъ васъ, друзья и братїя, правда къ прискорбію моему, а можетъ быть, и вашему, однако-же по необходимости, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ тогда представлялось. Возвратили же меня, во-первыхъ, приверженность моя къ вамъ и чувствованїе вашей взаимной ко мнѣ приверженности (ибо взаимное расположенїе всего болѣе укрѣпляетъ любовь); а во-вторыхъ, собственная моя забота, собственное мое дѣло — сѣдины и немощь священныхъ родителей, болѣзнующихъ болѣе обо мнѣ, нежели о лѣтахъ своихъ,—сего Авраама Патрїарха, драгоценной и равноангельной для меня главы, и Сарры, духовно раждающей насъ учени-
емъ вѣры. Для нихъ быть жезломъ въ старости и

опорою въ немощи — составляло первый обѣщанный мною обѣтъ, который и исполнялъ я по возможности, такъ что презрѣлъ и самое любомудріе — сіе стяжаніе и имя всего для меня драгоцѣннѣйшее, или справедливѣе сказать, въ томъ и оказалъ я свое любомудріе, чтобы не казаться любомудрствующимъ. Почему нестерпимо для меня стало, по одному поводу потерять весь трудъ и лишиться благословенія, которое, какъ сказано объ одномъ изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, даже восхитилъ онъ, введя отца въ обманъ снѣдію и накладными волосами, уловивъ доброе недобримъ средствомъ — чрезъ ухищреніе. И такъ двѣ причины моей уступчивости и кротости; и, можетъ быть, ни малой нѣтъ несообразности въ томъ, что противъ сихъ двухъ причинъ не устояли и поколебались прежнія мои разсужденія. Ибо думаю, что иногда такъ же благовременно уступить надъ собою побѣду, какъ бываетъ время и для всякаго другаго дѣла; и лучше быть честно побѣждену, нежели одержать побѣду со вредомъ и незаконно. Въ третьихъ-же, (вотъ самая важная причина моего возвращенія! сказавъ о ней, умолчу уже о прочихъ) я вспомнилъ о временахъ давнихъ, и встрѣтивъ одно древнее сказаніе, извлекъ изъ него наставленіе для себя въ настоящемъ обстоятельствѣ.

Ибо полагаю, что заключающееся въ Писаніи не безъ цѣли написано, и не одна куча словъ и предметовъ, собранная для развлеченія слушающихъ, не какая нибудь приманка для слуха, служащая только къ забавѣ. Такова цѣль баснословій и тѣхъ Елиновъ, которые не много заботясь объ истинѣ,

очаровываютъ слухъ и сердце изяществомъ вымысловъ и роскошью выраженій. Но мы, тщательно извлекающіе духовный смыслъ изъ каждой черты и буквы, ни мало не согласны думать (сіе было бы и не справедливо), чтобы и самыя малозначительныя дѣянія безъ какой-либо цѣли были и писателями подробно описаны и до сего времени сохранены на память. Напротивъ того цѣль ихъ — служить памятниками и уроками, какъ судить въ подобныхъ, если встрѣтятся, обстоятельствахъ, чтобы мы, слѣдуя симъ примѣрамъ, какъ нѣкоторымъ правиламъ и предначертаннымъ образцамъ, могли одного избѣгать, а другое избирать.

Какое-же сказаніе, и въ чемъ состоитъ наставленіе? Можетъ быть, не худо будетъ рассказать сіе для утвержденія многихъ. Бѣжалъ и Іона отъ лица Божія, или, вѣрнѣе сказать, думалъ убѣжать; но удержанъ былъ моремъ, бурей, жребіемъ, чревомъ китовымъ и тридневнымъ погребеніемъ, которое послужило образомъ высшаго таинства. Но Іона бѣжалъ, чтобы не итти къ Ниневитянамъ съ печальною и необыкновенною вѣстію, и чтобы въ послѣдствіи не оказаться лжецомъ, если городъ спасется чрезъ покаяніе. Ибо не спасеніе злочестивыхъ огорчало его, но онъ стыдился быть служителемъ лжи, и какъ-бы ревновалъ о достовѣрности пророчества, которая въ немъ могла подвергнуться сомнѣнію; потому что многіе не способны проникать въ глубину Божія о семъ домостроительства. А какъ слышалъ я о семъ отъ одного мудраго мужа, который не неприлично объяснялъ видимую несообразность сказанія, и способенъ былъ разумѣть

глубокій смыслъ Пророка , не такая причина сдѣлала блаженнаго Іону бѣглецомъ , и укрывшагося на морѣ привела въ Іоппію , а изъ Іоппіи вела въ Фарсисъ. Невѣроятно , чтобы онъ , будучи Пророкомъ , не зналъ Божія намѣренія , то есть , что Богъ , по своей великой премудрости , по неиспытваемымъ судьбамъ , неизслѣдимымъ и непостижимымъ путямъ Своимъ , самую угрозою производилъ то , чтобы Ниневитяне не потерпѣли предсказаннаго въ угрозы. А если Пророкъ зналъ сіе , то не вѣроятно такъ-же , чтобы онъ не покорился Богу , благоугоднымъ Ему образомъ устроявшему спасеніе Ниневитянъ. Думать же , что Іона надѣялся укрыться въ морѣ и спастись бѣгствомъ отъ великаго ока Божія , было-бы совершенно нелѣпо и невѣжественно ; такая мысль была-бы несправедлива не только о Пророкѣ , но и о всякомъ другомъ человѣкѣ , имѣющемъ разумъ и сколько-нибудь познавшемъ Бога и Его всепревосходящее могущество. Напротивъ того Іона , какъ говоритъ разсуждавшій о семъ мужъ , въ чемъ и я убѣжденъ , лучше всякаго другаго зналъ и то , что будетъ слѣдствіемъ проповѣди Ниневитянамъ , и то , что онъ самъ , замыслившій бѣгство , хотя перемѣнитъ мѣсто , но не убѣжитъ отъ Бога ; какъ не избѣгъ-бы и всякій другой , хотя-бы укрылся въ нѣдрахъ земли , во глубинахъ моря , изобрѣлъ средство подняться на крыльяхъ и летать по воздуху , снизошелъ въ самую преисподнюю ада , или облекся густотою облака , или придумалъ другой возможной способъ къ утаенію побѣга. Напротивъ того , ежели Богъ восхоцетъ кого остановить и удержать въ рукѣ Своей , то сіе всего

неизбѣжиѣ , всего неодолимѣ. Онъ предускоряетъ быстрыхъ , перехитряетъ хитрыхъ , низлагаетъ сильныхъ , смиряетъ высокихъ , укрощаетъ дерзновенныхъ , подавляетъ всякую силу. Посему конечно зналъ крѣпкую руку Божию Иона, который угрожалъ ею другимъ, и онъ не думалъ, что вовсе убѣжить отъ Бога. Сіе ни мало не вѣроятно. Но поелику Иона провидѣлъ паденіе Израиля, и почувствовалъ, что пророчественная благодать переходитъ къ язычникамъ; то онъ уклоняется отъ проповѣди, медлитъ въ исполненіи повелѣнія, и, оставивъ сторожевую башню радости, что на Еврейскомъ значить Юшція, — то есть, древнюю высоту и достоинство, ввергаетъ самъ себя въ море скорби. Потому и обуревается, и спитъ, и терпитъ кораблекрушеніе, и пробуждается отъ сна, и подпадаетъ жребію, и сознается въ бѣгствѣ, и погружается въ морѣ, и поглощается китомъ, но не истребляется, а призываетъ тамъ Бога и (какое чудо!) подобно Христу, по прошествіи трехъ дней, возвращается оттуда.

Но оставимъ о семъ слово въ надеждѣ, если дастъ Богъ, обстоятельнѣе поговорить въ послѣдствіи времени. А теперь, чтобы рѣчь возвратилась къ своему предмету, остановлюсь на той мысли и на томъ разсужденіи, что для Ионы, можетъ быть, и извинительно было, по изложенной выше причинѣ, отречься отъ пророческаго служенія. Но осталось-ли-бы какое извиненіе и мѣсто къ оправданію для меня, если-бы сталъ я долѣе унорствовать и отрицаться отъ возлагаемаго на меня (не знаю какъ назвать), легкаго или тяжелаго, но все-же ига

служенія. Ибо ежели-бы инъ не попрекословилъ мнѣ въ томъ (что одно и можно въ настоящемъ случаѣ сказать какъ нѣчто твердое), что я весьма недостойнъ священнослуженія предъ Богомъ, и что прежде надобно содѣлаться достойнымъ церкви, а потомъ уже олтаря, и прежде достойнымъ олтаря, а потомъ уже предсѣдательства; то другой, можетъ быть, не освободилъ-бы меня отъ обвиненія въ неповиновеніи. Но страшны угрозы, ужасны наказанія за неповиновеніе, равно какъ и за противное сему, если кто ни мало не смущается, не отрицается, и не скрывается, какъ Саулъ, въ отцевскихъ *сосудьхъ* (1 Цар. 10, 22.), какъ скоро слегка призываютъ его къ принятію начальства, но съ готовностію, какъ за самое легкое и удобное дѣло, берется за то, въ чемъ не безопасно перемѣнять намѣреніе и принятое поправлять новымъ.

Посему-то я долго боролся съ мыслями, придумывая, какъ поступить, и находясь между двумя страхами, изъ которыхъ одинъ принуждалъ меня оставаться внизу, а другой—итти вверхъ. И послѣ многихъ недоумѣній, перевѣшиваясь на ту и другую сторону, или, подобно струѣ, гонимой противными вѣтрами, склоняясь туда и сюда, наконецъ уступилъ я сильнѣйшему; меня препобѣдилъ и увлекъ страхъ оказаться непокорнымъ. И смотрите, какъ прямо и вѣрно держусь я среди сихъ страховъ, не домогаясь начальства неданнаго, и не отвергая даннаго. Ибо первое означало-бы дерзость, послѣднее-же — непокорность, а то и другое вмѣстѣ — невѣжество. Но я соблюдаю средину между слишкомъ дерзновенными и между слишкомъ боязливими; я боязливѣе

тѣхъ , которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннѣе тѣхъ, которые всякаго убѣгаютъ. Такъ я разумѣю дѣло сіе; и выражусь еще яснѣе: противъ страха быть начальникомъ подасть, можетъ быть, помощь законъ благопокорности; потому что Богъ, по благодати Своей, вознаграждаетъ вѣру, и дѣлаетъ совершеннымъ начальникомъ того, кто на Него уповаетъ, и въ Немъ полагаетъ всѣ надежды. Но не знаю, кто будетъ помощникомъ, и какое слово внушить упованіе, въ случаѣ непокорности. Ибо опасно, чтобы намъ о ввѣряемыхъ нашему попеченію не услышать слѣдующаго: «*Души ихъ отъ рукъ вашихъ взыщу* (Иез. 3, 19.). Какъ вы отвергли Меня, и не захотѣли быть вождями и начальниками народа Моего: такъ и Я отвергну васъ, и не буду вашимъ царемъ. Какъ вы не послушали гласа Моего, но презрительно обратили ко Мнѣ хребетъ и не повиновались: такъ будетъ и вамъ; когда призовете Меня, не призрю на молитву вашу и не услышу ея.» — Да не придетъ на насъ таковой приговоръ Праведнаго Судіи, Которому *воспѣваемъ милость*; но вмѣстѣ *воспѣваемъ* конечно и *судъ* (Пс. 100, 1.)!

А я обращаюсь опять къ исторіи, и рассматривая самыхъ благоискусныхъ мужей въ древности, нахожу, что изъ тѣхъ, кого благодать предъизбирала когда-либо въ званіе начальника или пророка, одни съ готовностію слѣдовали избранію, а другіе медлили принимать даръ; но ни тѣ, ни другіе не подвергались осужденію, какъ отрекавшіеся — за боязнь, такъ и изъявившіе согласіе — за ревность. Ибо одни устрашались важности служенія, а дру-

гіе повинувались по вѣрѣ въ Призывающаго. Ааронъ изъявилъ готовность, а Моисей прекословилъ. Съ готовностію повинувался Исаія, а Іеремія страшился юности, и не прежде отважился на званіе Пророка, какъ получивъ отъ Бога обѣтованіе и силу, превышающую возрастъ. Сими размышленіями успокоиваю я самъ себя, и душа моя по-немногу уступаетъ и смягчается, какъ желѣзо; а въ помощники къ симъ размышленіямъ беру я время, и въ совѣтники — Божіи оправданія, которымъ вѣрилъ я всю жизнь свою. Посему не *противлюся*, ни *противоглаголю* (Ис. 50, 5.) (слова моего Владыки, не къ начальствованію призываемаго, но яко овца на заколеніе (Ис. 53, 7.) ведомаго), даже подклоняюсь и смиряюсь подъ крѣпкую руку Божію, и прошу извинить прежнюю мою лѣность и непокорность, если сколько нибудь виновенъ я въ семъ. Я умолкалъ, но не всегда буду молчать; удалился не надолго, сколько было нужно, чтобы разсмотрѣть себя и доставить себѣ утѣшеніе въ скорби, но теперъ готовъ *возноситъ Его въ церкви людскій и восхваляетъ на съдалищи старецъ* (Пс. 106, 32.). Если за одно должно осуждать; то за другое можно извинить.

Но къ чему мнѣ продолжать слово? Я съ вами, пастыри и сопастыри! съ тобою, святая паства, достойная Архипастыря Христа! И ты, отецъ мой, совершенно побѣдилъ и подчинилъ меня болѣе по Христовымъ, нежели по мірскимъ законамъ. Видишь благопокорность; возврати благословеніе. И самъ руководствуй молитвами, путеводствуй словомъ, утверждай духомъ. *Благословеніе отче*

утверждаетъ дома чадъ (Сир: 3, 9.). О если-бы утвердился мнѣ и сему духовному дому, который избралъ я, и о которомъ молюсь, чтобы онъ и для меня былъ упокоеніемъ въ вѣкъ вѣка, когда изъ здѣшней церкви препосланъ буду къ церкви тамошней — къ торжеству первородныхъ, написанныхъ на небесахъ! Таково и столь справедливо мое моленіе!

Богъ же мира, сотворившій оboя едино и возвратившій насъ другъ другу, посаждающій царей на престолахъ и воздвигающій съ земли убогаго, изъ низкаго состоянія возвышающій нищаго, избравшій Давида раба Своего и взявшій отъ стада овчихъ того, кто былъ младшимъ и юнѣйшимъ изъ сыновъ Іессеевыхъ, дающій слово благовѣствующимъ силою мноюю во исполненіе Евангелія, Самъ, пася пастырей и вода вождей, да поддерживаетъ десную руку нашу, да путеводствуетъ по волѣ Своей, и да приметъ со славою, чтобы и намъ упасти паству Его благоразумно, а не въ сосудахъ пастыря неискусна (Зах. 11, 15.) — одно поставлено у древнихъ въ числѣ благословеній, а другое въ числѣ проклятій; — Самъ да дастъ силу и державу людямъ Своимъ (Пс. 67, 36.), Самъ да представитъ Себѣ паству славную и нескверную, достойною горняго двора, въ обители веселящихся, во свѣтлости святыхъ, чтобы во храмѣ Его всѣ мы, и паства и пастыри, купно могли вѣщать славу, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому всякая слава во вѣки вѣковъ, аминь!

С Л О В О 4

ПЕРВОЕ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ

НА ЦАРЯ ЮЛИАНА.

Услышите сія вси языцы, внушите вси живущи по вселенный (Пс. 48, 2.). Какъ-бы съ нѣкотораго возвышенія, далеко кругомъ видимаго, всѣхъ призываю, ко всѣмъ обращая сильную и высокую проповѣдь. Внимайте народы, племена, языки, люди всякаго рода, всякаго возраста—всѣ, сколько есть теперь, и сколько будетъ на землѣ! И да прострется далѣе моя проповѣдь!—Внимайте мнѣ всѣ небесныя Силы, всѣ Ангелы, которыми совершенно истребленіе мучителя, низложенъ—не Сіонъ, царь Амморрейскій, не Огъ, царь Васанскій, (небольшіе владѣтели, дѣлавшіе зло небольшой части вселенной—Израилью),—но змій (Иезек. 29, 3.), отступникъ, великій умъ (Иса. 10, 12.), Ассирианинъ, общій всѣмъ врагъ и противникъ, и на землѣ дѣлавшій много неистовствъ и угрозъ, и въ высоту (Пс. 72, 8.) говорившій, и замышлявшій много неправды! Слыши небо и внуши земле (Иса. 1, 2.)! И мнѣ теперь прилично возгласить одно съ велеглас-

нѣйшимъ изъ Пророковъ Исаію! Въ одномъ у насъ разность: Пророкъ призываетъ небо и землю во свидѣтели противъ отвергшагося отъ Бога Израиля; а я призываю противъ мучителя, и отвергшагося, и падшаго — паденіемъ достойнымъ нечестія. Внимай, если слышишь насъ, и ты, душа великаго Констанція! Внимайте, христіюбивыя души до него бывшихъ царей! Особенно же да внемлетъ душа Констанція, который самъ возрасталъ съ наслѣдіемъ Христовымъ и, постепенно утверждая оное, возростилъ въ такую силу, что сталъ чрезъ сіе именитѣе всѣхъ прежнихъ царей. Но (какое посрамленіе!) онъ вналъ въ грѣхъ невѣдѣнія, весьма недостойный его благочестія; самъ не зная, воспиталъ Христіанамъ врага Христова; изъ всѣхъ дѣлъ своего чловѣколюбія оказалъ одну худую услугу тѣмъ, что спасъ и воцарилъ ко вреду спасеннаго и царствовавшаго. А потому, о если бы Констанція наипаче обрадовало, какъ разрушеніе нечестія и возстановленіе прежняго благосостоянія Христіанъ, такъ и сіе слово!

А я принесу слово въ даръ Богу священнѣйшій и чистѣйшій всякой безсловесной жертвы, принесу не по подражанію мерзкимъ рѣчамъ и оусловию, а еще болѣе мерзкимъ жертвамъ богоотступника, которыхъ обиліе и богатство состояли въ силѣ нечестія и въ немудрой, скажу такъ, мудрости; такъ какъ и вся сила и ученость вѣка сего во тьмѣ ходитъ, и далека отъ свѣта истины. Но если такова сія мудрость, въ такихъ бываетъ людяхъ, такіе приносятъ плоды, — какъ трава, скоро засыхаетъ, какъ *зеліе злака* (Пс. 36, 3.), скоро опа-

даеть и преходить вмѣстѣ съ породившими ее, которые погибають съ шумомъ и привлекають вниманіе болѣе паденіемъ, нежели нечестіемъ своимъ; то мнѣ, приносящему нынѣ жертву хвалы и сожигающему безкровный даръ слова, кто составитъ такое зрѣлище, которое бы равнялось благодарности! Какой языкъ будетъ такъ громозвученъ, какъ я того желаю? Чей слухъ не уступить въ ревности слову?

Благодареніе же, воздаваемое посредствомъ слова, не только всего болѣе свойственно Слову, Которое изъ всѣхъ другихъ наименованій преимущественно благоугождается симъ наименованіемъ и нашею способностью именованъ его, но и тому (а) послужитъ приличнымъ возмездіемъ, когда за преступленіе противъ дара слова будетъ онъ наказанъ словомъ. Тогда какъ даръ слова есть общее достояніе всѣхъ словесныхъ тварей; Юліанъ, присволя его себѣ, ненавидѣлъ въ Христіанахъ, и хотя почитался даровитѣйшимъ въ словѣ, однако-же о дарѣ слова судилъ крайне неразумно. Во-первыхъ неразумно тѣмъ, что злонамѣренно, по произволу, толковалъ наименованіе, будто-бы Еллинская словесность принадлежитъ язычеству, а не языку. Почему и запрещалъ намъ образоваться въ словѣ, какъ-будто такое наше образованіе было похищеніемъ чужаго добра. Но сіе значило тоже, какъ если бы не дозволять намъ и всѣхъ искусствъ, какія изобрѣтены у Грековъ, а присвоять ихъ себѣ по тому же сходству наимено-

(а) Юліану.

ванія. Потомъ неразумно онъ надѣялся, будто-бы скроется отъ насъ, что не насъ, которые очень презираемъ такую словесность, лишаетъ онъ одного изъ первыхъ благъ, но самъ страшится обличеній въ нечестіи, предполагая, можетъ быть, что сила обличеній зависитъ отъ красоты слога, а не отъ разумнѣя истины и не отъ доказательствъ, отъ которыхъ удержать насъ такъ же невозможно, какъ и сдѣлать, чтобы мы, пока имѣемъ языкъ, не исповѣдывали Бога. Ибо мы вмѣстѣ съ прочимъ и сіе, то есть, слово, посвящаемъ Богу, какъ посвящаемъ тѣла, когда нужно и тѣлесно подвизаться за истину. Посему, давъ такое повелѣніе, хотя запретилъ онъ говорить краснорѣчиво, однако же не воспрепятствовалъ говорить истину. А такимъ образомъ и безсиліе свое обличилъ, и не избѣгъ обличеній въ нечестіи, если не подвергся еще большимъ за свою ошибку. Ибо самое его запрещеніе, пользоваться намъ даромъ слова, показывало, что онъ не полагался и на правоту своей вѣры, и на самый даръ слова. Онъ походилъ на человѣка, который почитаетъ себя сильнѣйшимъ изъ борцовъ, и требуетъ, чтобы всѣ провозгласили его сильнѣйшимъ, а между тѣмъ отдалъ приказъ, чтобы ни одинъ сильный боецъ не смѣлъ бороться и не являлся на попріицѣ. Но это — доказательство робости, а не мужества! Вѣнцы даются тѣмъ, которые подвизались, а не тѣмъ, которые сидѣли вверху; тѣмъ, которые напрыгали всѣ силы, а не тѣмъ, которые лишены употребленія большей части силъ. Если же дѣйствительно боялся ты сойтись и вступить въ битву; то симъ самымъ призналъ надъ собою побѣду, и безъ

борьбы уступилъ верхъ тому, съ кѣмъ изъ-за-того и препирался, чтобы не вступать въ борьбу. Такъ поступилъ нашъ мудрый царь и законодатель! И какъ-будто для того, чтобы все испытало его мучительство и провозглашало его неразуміе, въ самомъ началѣ своего царствованія онъ прежде всего употребилъ насиліе противъ дара слова. Но намъ прилично воздать благодареніе Богу и за то, что самый сей даръ получилъ свободу. Намъ особенно должно, какъ почитать Бога другими приношеніями, не щадя ничего—ни денегъ, ни имущества, которыя временны, и человѣколюбіемъ Божиимъ соблюдены отъ насилія, такъ преимущественно почитать словомъ—плодоношеніемъ праведнымъ и общимъ для всѣхъ, получившихъ милость. Но довольно сего слова о дарѣ слова; иначе, распространившись чрезъ мѣру, преступимъ предѣлы времени, и подадимъ мысль, что заботимся о чемъ-то иномъ, а не о томъ, для чего собрались.

И уже порывается и течетъ къ торжествованію мое слово; оно облекается въ веселіе, какъ и все видимое; оно всѣхъ призываетъ къ духовному ликованію,—всѣхъ, кто постоянно пребывалъ въ постѣ, въ сѣтованіи и въ молитвѣ, и днемъ и ночью просилъ избавленія отъ обстоящихъ скорбей, и надежное врачевство отъ золь находилъ въ *непосрамляющемъ упованіи* (Рим. 5, 5.),—всѣхъ, кто перенесъ великія боренія и подвиги, кто выдержалъ многіе и тяжкіе удары сего времени, кто, по выраженію Апостола, былъ въ *позоръ міру и Ангеломъ и челоукомъ* (1 Кор. 4, 9.), кто, хотя изнемогалъ тѣломъ, однако-же остался непобѣдимымъ по духу, и все

возмогъ о укрѣпляющемъ его Христѣ (Фил. 4, 13.); всѣхъ, кто отложилъ все, что въ мірѣ служитъ ко грѣху, и мірскую власть; кто *разграбленіе имѣній съ радостію пріялъ* (Евр. 10, 34.); кто неправо было изгнанъ изъ собственнаго, какъ говорится, владѣнія; кто на нѣсколько времени терпѣлъ разлуку или съ мужемъ, или съ женою, или съ родителями, или съ дѣтьми, или какія еще есть наименованія не столь близкаго свойства, привязывающія насъ къ людямъ, и кто въ даръ Христовой крови приносилъ страданія за Христа, такъ что нынѣ справедливо можетъ о себѣ сказать и воспѣть: *возвелъ еси челоуѣки на главы наша: проидохомъ сквозь огонь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Пс. 65, 12.).

Призываю къ торжеству и другую часть людей, которые исповѣдуютъ Бога всяческихъ, и держатся въ томъ здравыхъ понятій, но не постигаютъ распоряженій Промысла, часто изъ горестныхъ событій устрояющаго лучшее и благодію призывающаго къ исправленію. Они, по нищетѣ души и по легкомыслію, возгораются и воспаляются помыслами, *всегда гордится нечестивому* (Пс. 9, 23.), не могутъ сносить *мира грѣшниковъ* (Пс. 72, 3.), какъ говоритъ Псаломъ, не ждутъ исполненія *совета* Божія (Пс. 105, 13.), и не соблюдаютъ равнодушія до конца; однако-же, будучи рабами одного настоящаго и видимаго, утверждаютъ въ истинѣ чудесами, подобными совершившимся нынѣ. Призываю и тѣхъ, кого приводитъ въ изумленіе лицедѣйство и великое позорище міра сего, призываю словами Исаи: *жены, грядущія съ позорища, прииди-*

те (Иса. 27, 11.); отвративъ душевное око отъ вышнихъ предметовъ, по которымъ оно блуждало, *упразднитеся и уразумѣйте, яко сей есть Богъ, возносяйся во языцѣхъ, возносяйся на земли* (Пс. 45, 11.), какъ всегда, во всѣхъ творимыхъ Имъ знаменіяхъ и чудесахъ, такъ еще очевиднѣе въ чудесахъ настоящихъ.

О если бы составилъ часть нашего лика и тотъ соборъ (б), который прежде съ нами вмѣстѣ воспѣвалъ Богу неподдѣльную и чистую пѣснь, даже удостоивался нѣкогда стоять на десной странѣ и, какъ надѣюсь, вскорѣ опять удостоится! Но не знаю, по какому побужденію, онъ вдругъ измѣняется, отдѣляется и (чему особенно дивлюся) не приступаетъ къ общему веселію, но составляетъ (какъ, можетъ быть, и сами позволяютъ мнѣ выразиться) какой-то свой нестройный и несогласный ликъ. Сказать, каковъ и чей это ликъ, хотя и побуждаетъ меня ревность, однако-же останавливаетъ вѣра. Удерживаемый надеждою, не произнесу ничего не-приятнаго; ибо доселѣ щажу ихъ, какъ собственные члены, и внимаю больше прежней любви, нежели настоящему отвращенію. Для того поступаю великодушнѣе, чтобы чувствительнѣе укорить въ послѣдствіи.

(б) По изъясненію Иліи Критскаго, Св. Богословъ разумѣетъ здѣсь Назіанзскихъ монаховъ, которые соблазнялись тѣмъ, что родитель его, по простотѣ сердца, подписался къ Аріанскому исповѣданію, а въ слѣдствіе сего отдѣлились отъ общенія съ Назіанзскою Церковію, и поставили у себя пресвитеровъ, рукоположенныхъ постороннимъ Епископомъ.

Одну только часть, одинъ родъ людей отлучаю отъ торжества. Хотя самъ сокрушаюсь и скорблю, хотя проливаю слезы, когда, можетъ быть, они и не внимають мнѣ, хотя сѣтую о нечувствующихъ собственной погибели, что и дѣлаеть раны ихъ достойнѣйшими большаго сожалѣнія; однако-же отлучаю. Постынные, не на твердомъ и непоколебимомъ, но на сухомъ и бесплодномъ камнѣ (таковы приступающіе къ слову легкомысленно и маловѣрные), *зане не имѣяху глубины земли* (Матѣ. 13, 5.), скоро прозябшіе, и готовые на все въ угожденіе ближнимъ, они въ послѣдствіи, при легкомъ прираженіи лукаваго, при маломъ искушеніи и дуповеніи знойнаго вѣтра, увяли и умерли. Но еще хуже сихъ послѣднихъ, еще болѣе достойны отлученія отъ торжества, всѣ тѣ, которые нимало не противились ни силѣ времени, ни увлекающимъ насъ въ пагубный плѣнъ отъ Возшедшаго на высоту и Плѣнившаго во спасеніе. Они оказались даже произвольно злыми и низкими, не сдѣлавъ и малѣйшаго сопротивленія, соблазнившись, когда не было имъ никакой скорби и никакого искушенія ради слова, и (подлинно жалкіе люди!) продали собственное свое спасеніе за временную пользу, за неважную услугу, или власть.

Поелику же сказано, кто можетъ, и кто не можетъ составлять нашъ ликъ; то очистимъ, по возможности, и тѣла и души, настроимъ всѣ одинъ голосъ, соединимся единымъ духомъ и воспоемъ ту побѣдную пѣснь, которую нѣкогда, ударя въ тимпанъ, предназначала Маріамъ, а за нею воспѣлъ Израиль, о потопленіи Египтянъ въ Черномъ морѣ:

Поимъ Господеви, славно бо прославися; коня и всадника вверже (Исх. 15, 29.) — но не въ море; перемѣняю сіе въ пѣсни; а куда Ему было угодно, и какъ опредѣлили Самъ Онъ — *творяй вся и претворяй*, какъ сказалъ въ одномъ мѣствѣ своего пророчества богодухновенно любомудрствующій Амосъ, и *обращаяй во утро сѣнь смертную, и день въ ночь помрачай* (Амос. 5, 8.), — Тотъ, Кто, какъ бы нѣкоторымъ кругомъ, располагаетъ и ведетъ весь міръ. И все, что до насъ касается, — и зыблющееся и незыблемое, попеременно и поступающее впередъ и обращаемое назадъ, бывающее въ разные времена и такъ и иначе, — въ порядкѣ Промысла твердо и непоколебимо; хотя и идетъ противоположными путями, извѣстными Слову, и недовѣдомыми для насъ. Господь низлагаетъ *сильныя со престоль* (Лук. 1, 52.) и *нечаемаго* украшаетъ *внѣземъ* (Сирах. 11, 5.); заимствую и сіе изъ Божественнаго Писанія. Онъ немощныя колѣна облагаетъ мужествомъ, и сокрушаетъ *мышцы грѣшника и беззаконника* (Пс. 36, 17.); и сіе беру изъ другаго Писанія, какъ приходитъ мнѣ на память которое-либо изъ многихъ мѣствъ, восполняющихъ мою пѣснь и слагающихся въ одно благодареніе. Онъ даетъ намъ видѣть и возношеніе нечестиваго выше кедровъ, и обращеніе его въ ничтожество; если только возмогли мы скорою и непреткновенною ногою пройти мимо его нечестія. Кто же изъ повѣдающихъ дѣла Божія воспоетъ, какъ должно, и повѣдаетъ сіе? *Кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Пс. 105, 9.)? Какой голось, какой даръ слова будетъ соразмѣ-

ренъ сему чуду? Кто сокруши оружіе и мечъ и брань (Пс. 75, 11.)? Кто стеръ главы змиевъ въ водь? Кто далъ того брашно людемъ (Пс. 73, 13. 14.), которымъ и предалъ его? Кто премѣнилъ бурю въ прохладный вѣтръ? Кто сказалъ морю: *молчи, престоани* (Марк. 4, 39.), *въ тебѣ сокрушатся волны твоя* (Іов. 38, 11.); и потомъ умирилъ незадолго воздымавшіяся и кипѣвшія воды? Кто даровалъ власть *наступать на змію и на скорпію* (Лук. 10, 19.), которая не тайно уже блюдетъ пята, какъ изречено въ осужденіи, но явно возстаютъ и подъемлютъ главу, осужденную на попраніе? Кто сотворилъ *судъ и правду* (Ам. 5, 7.), сотворилъ такъ неожиданно? Кто не оставилъ навсегда *жезла грѣшныхъ* (могу-ли смѣло сказать: *на жребіи праведныхъ*, (Пс. 124, 3.)? — или выразиться скромнѣе?) на жребіи вѣдающихъ Его? Ибо мы были не какъ праведные преданы (не многимъ, и притомъ рѣдко, дается, чтобы они, какъ мужественные подвижники, посрамили искусителя), но какъ грѣшныя осуждены, и потомъ милосердо и отечески помилованы; осуждены, чтобы пораженные уцѣломудрились, и вразумленные къ Нему обратились. Онъ обличилъ насъ, но не яростію; наказалъ, но не гнѣвомъ (Пс. 6, 12.); тѣмъ и другимъ, и напаяваніемъ и снисхожденіемъ, явилъ Свое человеколюбіе. Кто сотворилъ *отмщеніе во языцехъ, обличенія въ людехъ* (Пс. 149, 7.)? *Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ во брани* (Пс. 23, 8.). Одно нахожу мѣсто, одинъ стихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи сообразный настоящему торжеству. Его прежде насъ возгласилъ Исаія, и онъ

весьма приличенъ нынѣшнему времени, соотвѣтствуетъ величію благодѣянія. *Да возрадуется небо свыше, и облацы да кропятъ правду* (Ис. 45, 8.): *да отпрыгнутъ горы веселіе и холми радость* (Иса. 49, 13.)! Ибо и вся тварь, и небесныя Силы раздѣляютъ наши чувствованія (присовокупляю это отъ себя) даже при событіяхъ, подобныхъ настоящему. Тварь, работающая тлѣнію, то есть, тѣмъ, которые долу раждаются и умираютъ, не только совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ, въ ожиданіи конца ихъ и откровенія, чтобы тогда и ей получить чаемую свободу, подобно какъ нынѣ, силою Творца, невольно предана тлѣннымъ, но такъ же прославляется и сорадуется, когда веселятся чада Божіи. И такъ *да веселится пустыня, и да цвѣтетъ, яко кринь* (Иса. 35, 1.) (не могу не употребить Божественныхъ изреченій, возвѣщая Божію силу); да веселится Церковь, которая вчера и за день, по видимому, сиротствовала и вдовствовала! Да веселится всякій, кто доселѣ былъ угнетаемъ нестерпимою и жестокою бурей нечестія! *Яко помиловалъ Господь людей Своихъ и достоянія Своего не оставилъ* (Ис. 93, 14.); сотворилъ *чудная дѣла, совѣтъ древній истинный* (Ис. 25, 1.), — совѣтъ о томъ, чтобы благоволить къ боящимся Его и къ уповающимъ на милость Его (Ис. 146, 11.). *Яко сокруши врата мѣдная и веревы желѣзныя сломи* (Ис. 106, 16.). Мы за беззаконія наши смиренны были; но воззваны и избавлены изъ *спыти, сокрушенной* (Ис. 123, 7.) благодатію, призвавшаго насъ и смиренныхъ сердцемъ утѣшающаго, Бога.

Видите, какъ слагаю пѣснь, въ которой и слова

и мысли божественны ! Самъ не знаю, почему горжусь и украшаюсь чужимъ, отъ удовольствія дѣлаюсь, какъ вдохновенный ; а презираю все низкое и человѣческое, когда одно съ другимъ сличаю и соглашаю, и, что одинаго Духа, то привожу въ единство.

И прежде являли намъ чудеса Божіи : Энохъ, прелагаемый Богомъ; Илія, вземлемый на небо; Ной, спасаемый и спасающій *малымъ древомъ* (Премудр. 10, 4.) міръ — сѣмена родовъ, избѣгшихъ отъ потопленія вселенной, чтобы земля снова украсилась обитателями болѣе благочестивыми; Авраамъ призываемый; когда уже не общалъ возрастъ, награждаемый сыномъ, во увѣреніе о другомъ обѣтованномъ Сѣмени; приносящій единороднаго — добровольную жертву, и вмѣсто сына приемлющій неожиданную жертву. Тоже явили: чудная погибель нечестивыхъ, потопленныхъ огнемъ и сѣрою, и еще болѣе чудное исхожденіе благочестивыхъ; столпъ славный — памятникъ обращенія къ злу. Тоже явилъ Іосифъ продаваемый; возделываемый, цѣломудствующій, умудряемый Богомъ, освобождаемый, поставляемый властелиномъ и раздавателемъ хлѣба для высшаго домостроительства; Моисей, удостоенный богоявленія, приемлющій законы, законодательствующій, данный въ Бога Фараону, указавшій Израилю путь въ землю обѣтованія. Тоже явили: извѣстное число Египетскихъ казней и среди Египтянъ спасеніе обремененныхъ трудами; море, бѣгущее отъ жезла и сливающееся по слову, однимъ дающее путь, какъ по-суху, и потопляющее, согласно съ естествомъ, другихъ; а такъ-же все, чѣмъ

68 сіе сопровождалось : столпъ облачный , осѣняющій днемъ ; столпъ огненный , озаряющій ночью ; а оба путеводствующие ; хлѣбъ дождимый въ пустынѣ , снѣдь , посылаемая съ неба , — первый соразмѣрно нуждѣ , а вторая даже и сверхъ нужды ; вода изъ камня , то истекающая , то услаждаемая ; Амаликъ преодолимый молитвою и еще неизъяснимымъ и таинственнымъ возбъніемъ рукъ ; солнце останавливаемое , луна удерживаемая , Іорданъ раздѣляемый , стѣны разрушаемыя обхожденіемъ священниковъ , также звукомъ трубъ и самымъ числомъ силу имѣющимъ ; земля и руно попеременно орошаемыя и остающіяся невлажными ; сила , заключенная въ волосахъ и равняющаяся силамъ цѣлаго воинства ; нѣсколько избранныхъ , локавшихъ изъ горсти воду , обнадеженныхъ въ побѣдѣ и побѣждающихъ , по надеждѣ , малымъ числомъ многія тысячи . Нужно ли мнѣ перечислять всѣ чудеса , какія совершены самимъ Христомъ , по спасительномъ Его пришествіи и воплощеніи , и какія по Немъ чрезъ Него же сотворены Святыми Его Апостолами и служителями слова ? Сколько книгъ и памятей , въ которыхъ впечатлѣны онѣ ? Какія же чудеса явлены нынѣ ? — *Приидите , услышите , и повѣмъ вамъ , вси боящися Бога (Пс. 65, 16.) , яко да познаеть родъ инъ (Пс. 77, 6.) , да познають преемства родовъ — чудеса могущества Божія !*

Но не возможно объяснить сего , не изобразивъ великости бѣдствія ; и сіе опять не возможно , пока не будетъ обличено злонаравіе его (в) , не будетъ

(в) Юліана.

показано, какія были начала, какія сѣмена, отъ которыхъ дошелъ онъ до такого неистовства, постепенно возвращая въ себѣ нечестіе, подобно тому, какъ самыя злыя изъ пресмыкающихся и звѣрей собираютъ свой ядъ. И хотя подробное описаніе злодѣяній его предоставляемъ книгамъ и исторіямъ (мы не имѣемъ и времени пересказывать все не имѣющее близкой связи съ настоящимъ предметомъ); однако-же, изъ многаго коснувшись немногаго, оставимъ потомству какъ-бы нѣкоторую надпись на памятникѣ, вмѣстивъ въ слово главнѣйшія и извѣстнѣйшія изъ его дѣяній.

Вотъ одно и первое изъ его дѣлъ! Спасенный великимъ Констанціемъ, недавно отъ отца наслѣдовавшимъ державу, — когда при Дворѣ стали править дѣлами новыя чиновники, и войско, опасаясь нововведеній, само сдѣлалось нововводителемъ, вооружилось противъ начальствующихъ, тогда, говорю, невѣроятнымъ и необычнымъ образомъ спасенный вмѣстѣ съ братомъ (г), не воздалъ онъ благодаренія, ни Богу за свое спасеніе, ни Царю, его спасшему, но оказался предъ ними злонравнымъ, готовъ въ себѣ Богу отступника, а Царю — мятежника. Но прежде сего нужно сказать, что челоуѣколюбивѣйшій Царь въ одномъ изъ царскихъ дворцовъ удостоилъ ихъ царскаго содержанія и царской прислуги, сохраняя ихъ, какъ послѣднихъ въ родѣ, для царскаго престола. Самъ Государь во-первыхъ думалъ оправдать себя въ томъ, что безпорядки открыв-

(г) Галломъ.

шіся въ началѣ его царствованія, произведены не по его согласію, во-вторыхъ хотѣлъ показать свое великодушіе, приобщивъ ихъ къ царскому сану; а въ-третьихъ такимъ приращеніемъ надѣялся болѣе упрочить власть. Но въ его разсужденіяхъ было больше доброты сердца, нежели благоразумія.

На нихъ же (д) не лежало тогда никакихъ должностей; царская власть была еще впереди и въ одномъ предположеніи, а возрастъ и надежда не вели къ чинамъ второстепеннымъ. Посему они имѣли при себѣ наставниковъ, и въ прочихъ наукахъ, (все первоначальное ученіе преподавалъ имъ самъ дядя и Царь), а еще больше въ нашемъ любомудріи, не только въ томъ, которое имѣетъ предметомъ догматы, но и въ томъ, которое назидаетъ благочестіе нравовъ. Для сего пользовались обращеніемъ съ людьми особенно испытанными, и были приучаемы къ дѣламъ самымъ похвальнымъ, показывающимъ опыты добродѣтели. Они, по своей охотѣ, вступили въ клиръ, читали народу божественныя книги, ни мало не почитая сего ущербомъ для своей славы, но еще признавая благочестіе лучшимъ изъ всѣхъ украшеній. Такъ же многоцѣнными памятниками въ честь Мучениковъ, щедрыми приношеніями и всѣмъ, что показываетъ въ человѣкѣ страхъ Божій, свидѣтельствовали о своемъ любомудріи и усердіи ко Христу.

Одинъ изъ нихъ былъ дѣйствительно благочестивъ, и хотя по природѣ вспыльчивѣе, однако же

(д) Юліанъ и Галлъ.

въ благочестіи искренень. А другой выжидалъ только времени, и подъ личиною скромности, таилъ злонаравіе. И вотъ доказательство! — ибо не могу пройти молчаніемъ бывшаго чуда, которое весьма достопамятно, и можетъ послужить урокомъ для многихъ нечестивцевъ. Оба они, какъ сказалъ я, усердствовали для Мучениковъ, не уступали другъ другу въ щедрости, богатою рукою и, не щадя издержекъ, созидали храмъ (е). Но поелику труды ихъ происходили не отъ одинакаго произволенія; то и конецъ трудовъ былъ различень. Дѣло одного, разумью старшаго брата (ж), шло успѣшно и въ порядкѣ; потому что Богъ охотно принималъ даръ, какъ Авелеву жертву, *право и присенную и раздѣленную* (Быт. 4, 7.), и самый даръ былъ какъ-бы нѣкоторымъ освященіемъ первороднаго, а даръ другаго (какое еще здѣсь на землѣ посрамленіе для нечестивыхъ, свидѣтельствующее о будущемъ, и малозначительными указаніями предвѣщающее о чемъ-то великомъ!), — даръ другаго отвергъ Богъ Мучениковъ, какъ жертву Каинову. Онъ предлагалъ труды; а земля изметала совершенное трудами. Онъ употреблялъ еще большія усилія; а земля отказывалась принимать въ себя основанія, полагаемая человѣкомъ, зыблющимся въ благочестіи. Земля какъ-бы вѣщала, какое будетъ произведено имъ потрясеніе, и вмѣстѣ воздавала честь Мученикамъ безчестіемъ нечестивѣйшаго. Такое событіе было нѣкоторымъ пророчествомъ объ открывшихся

(е) Во имя Св. мученика Маманта.

(ж) Галла.

со временемъ въ семь человѣкъ высокоумїи и високоумїи, о непочтенїи его къ Мученикамъ, о поруганїи имъ святыхъ храмовъ — пророчествомъ, для другихъ невразумительнымъ, но заранѣе преслѣдовавшимъ гонителя и предзнаменовавшимъ, какое будетъ возмездїе нечестїю. О человѣкъ *мудрый, еже творити злая* (Иер. 4, 22.), но не избѣгающій собственнаго мученїя! Благодаренїе Богу, возвыщающему будущее, чтобы пресѣчь нечестїе и показать Свое предвѣдѣнїе! Какое необычайное, но болѣе истинное, нежели необычайное, чудо! Какое братолюбїе въ Мученикахъ! Они не приняли чествованїя отъ того, кто обезчеститъ многихъ Мучениковъ; отвергли дары человѣка, который многихъ изведетъ въ подвигъ страданїя, даже позавидуетъ имъ и въ семь подвигѣ. Или вѣрнѣе сказать, они не потерпѣли, чтобы имъ однимъ изъ Мучениковъ быть въ поруганїи, когда храмы другихъ устроятся и украшаются руками преподобными. Они не пустили, чтобы преушищренный во злѣ могъ похвалиться нанесенными имъ оскорбленїями, чтобы одна рука и создала, и разрушала мученическіе храмы, чтобы одни изъ Мучениковъ были чествуемы, а другїе подвергались безчестїю, чтобы притворнымъ чествованїемъ предназначалось дѣйствительное безчестїе. Они не хотѣли, чтобы оскорбитель, при великости оскорбленїя, почиталъ еще себя мудрымъ и умѣвшимъ подъ видимою наружностїю утаиться, какъ отъ людей, такъ и отъ Бога, Который всѣхъ прозорливѣе, всѣхъ премудрѣе, и *запинаеть премудрымъ въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. 3, 19.). Напротивъ того дали знать ругателю, что онъ понятъ,

чтобы уловленный не превозносился. Богъ Мучениковъ, по распоряженіямъ, Ему одному вѣдомымъ, по неизреченной Своей премудрости, по законамъ міроуправленія, по которымъ нѣкогда ожидалъ исполненія беззаконій Амморрейскихъ, — и теперь не пресѣкъ, не изсушилъ вдругъ, подобно нечистому потоку, замышляемой и скрываемой злобы. Но для другихъ было нужно содѣлать злонравіе ненавистнымъ, отвергнуть чествованіе и показать, что Богъ, въ разсужденіи всего Ему приносимаго, нелицепріятенъ и чистъ. Онъ сказалъ нечестовавшему Израилю: *аще принесете Ми семидаль, всеу : кадило, мерзость Ми есть* (Ис. 1, 13.). Онъ не потерпѣлъ *новомѣсячій ихъ и субботъ и дне великаго*; ибо, какъ Самодовольный, не нуждается ни въ чемъ человѣческомъ и маловажномъ; тѣмъ менѣе увеселяется недостойными приношеніями; напротивъ того жертвою нечестиваго, хотя-бы это былъ телець, гнушается, какъ псомъ, и хотя-бы это былъ ливанъ, оскорбляется, какъ богохульствомъ (Ис. 66, 3.), и *мзду блудницу* (Второз. 23, 18.) измечаетъ изъ святилища и отвергаетъ; цѣнить-же ту одну жертву, которую Чистѣйшему приносятъ чистыя руки, высокій и очищенный умъ. И такъ что удивительнаго, если Онъ, Который видитъ, не какъ человѣкъ, смотритъ не на внѣшнее, но на потаеннаго человѣка, прозираетъ во внутренній источникъ пороковъ или добродѣтелей; что, говорю, удивительнаго, если Богъ и теперь не принялъ чествованія, воздаемаго лукаво и съ лукавою мыслию? Но такъ было дѣйствительно. Кто не вѣритъ, предъ тѣмъ свидѣтельствуемся самовидцами; еще многіе

живы изъ нихъ; они и намъ пересказывали о семъ чудѣ, и будутъ пересказывать потомкамъ нашимъ.

Х Когда же съ наступленіемъ мужескаго возраста они коснулись (лучше-бы никогда не касаться!) философскихъ ученій, и приобрѣли силу въ словѣ — для благонравныхъ щить добродѣтели, а для злонаправныхъ жало грѣха; тогда онъ (з) не могъ уже скрывать въ себѣ всего недуга, и коварный замыселъ нечестія обдумывать единственно съ самимъ собою. Огонь, кроющійся въ веществѣ, еще не обратился въ свѣтлый пламень, но обнаруживается вылетающими искрами и идущимъ изнутри дымомъ. А если уродно другое подобіе, источники съ силою текущіе въ подземныхъ пещерахъ, когда не находятъ себѣ простора и свободнаго выхода, во многихъ мѣстахъ земли устремляются къ поверхности и производятъ подъ нею шумъ; потому что сила стремленія гонитъ ихъ, а верхнія преграды удерживаютъ и пресѣкаютъ. Такъ и онъ, удерживаемый обстоятельствами и уроками Государя, пока не безопасно было оказать себя явнымъ нечестивцемъ, скрывалъ большую часть своего нечестія. Но бывали случаи, при которыхъ обнаруживалъ тайныя мысли, особливо предъ людьми, болѣе расположенными къ нечестію, нежели къ благоразумію; въ разговорахъ же съ братомъ, даже сверхъ приличія, защищалъ язычниковъ, конечно подъ предлогомъ упражненія въ словѣ посредствомъ споровъ; а дѣйствительно это было упражненіемъ въ противоборствѣ истинѣ. Вообще онъ радъ былъ всему, чѣмъ отличается не-

(з) Юліанъ.

честивое сердце. А когда челоѡколюбіе Самодержца провозглашаетъ брата его Цезаремъ, и дѣлаетъ обладателемъ надъ немалою частію вселенной; тогда и ему открылась возможность съ большею свободою и безопасноію предаться самымъ вреднымъ наукамъ и наставникамъ. Азія стала для него училищемъ нечестія — всѣхъ бредней о звѣздочетствѣ, о дняхъ рожденія, о разныхъ способахъ гаданія, а такъ-же и о соединенной съ ними неразрывно магіи.

Одного еще доставало, чтобы къ нечестію присовокупить и могущество. Черезъ нѣсколько времени и то даютъ ему надъ нами умножившіяся беззаконія многихъ, а иной можетъ быть скажетъ: благополучіе Христіанъ, достигшее высшей степени, и потому требовавшее перемѣны, — свобода, честь и довольство, отъ которыхъ мы возгордились. Ибо дѣйствительно труднѣе сберегать пріобрѣтенныя блага, нежели пріобрѣтать новыя, и удобнѣе тщаніемъ возвратить прошедшее благоденствіе, нежели сохранить настоящее. *Прежде сокрушенія предвѣщаетъ досажденіе* (Притч. 16, 18.); прекрасно сказано въ Притчахъ; а слава предшествуетъ униженію, или, скажу яснѣе, за гордостію слѣдуетъ низложеніе, а за низложеніемъ прославленіе. *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4, 6.), и все соразмѣря праведно; воздастъ за противное противнымъ. Сіе зналъ и божественный Давидъ; потому быть смиряемымъ полагаетъ въ числѣ благъ, приносить благодареніе Смирившему, какъ пріобрѣтшій чрезъ сіе вѣдніе Божіихъ оправданій, и говоритъ: *Прежде даже не смиритимися, азъ прегрѣшихъ: сего ради слово*

✓ *Твоє сохранихъ* (Пс. 118, 67.). Такимъ образомъ ставитъ онъ смиреніе въ срединѣ между прегрѣшеніемъ и исправленіемъ, такъ какъ оно произведено прегрѣшеніемъ, и произвело исправленіе. Ибо грѣхъ раждаетъ смиреніе, а смиреніе раждаетъ обращеніе. Такъ и мы, когда были добронравны и скромны, тогда возвышены и постепенно возрастали, такъ что, подѣ руководствомъ Божиимъ, содѣлались и славны и многочисленны. А когда мы *утолстѣли*, тогда стали своевольны; и когда *разширили* (Второз. 32, 16.), тогда доведены до тѣсноты. Ту славу и силу, какую приобрѣли во время гоненій и скорбей, утратили мы во время благоденствія, какъ покажетъ продолженіе слова.

Царствованію и жизни Цезаря полагается предѣлъ. Умолчу о предшествовавшемъ, щади и дѣйствовавшего и страдавшего (и); но при всемъ уваженіи къ благочестію обоихъ, не хвалю дерзости. Если имъ, какъ людямъ, и свойственно было погрѣшать въ чемъ другомъ; то за сіе вѣроятно не похвалятъ ни того, ни другаго. Развѣ и здѣсь поставляемое въ вину одному обратимъ въ оправданіе другому. Тогда Юліанъ дѣлается наслѣдникомъ царства, но не благочестія, наслѣдникомъ сперва послѣ брата, а чрезъ нѣсколько времени и послѣ воцарившаго его. И первое даетъ ему Констанцій добровольно, а послѣднее по неволѣ, принужден-

(и) Св. Богословъ имѣетъ въ виду умерщвленіе Цезаря Галла, по приказу Императора, за возмущеніе его противъ Императора.

ный общимъ для всѣхъ концемъ , пораженный ударомъ бѣдственнымъ и пагубнымъ для цѣлаго міра.

Что ты сдѣлалъ, боголюбивѣйшій и христіюбивѣйшій изъ царей! — къ тебѣ, какъ-бы къ предстоящему и внимающему намъ, обращаю укоризну; хотя знаю, что ты гораздо выше нашихъ укоризнъ, вчиненъ съ Богомъ , наследовалъ небесную славу, и для того оставилъ насъ, чтобы временное царство премѣнить на вѣчное. Для чего совѣщаль такой совѣтъ ты, который благоразуміемъ и быстротою ума во многомъ превосходилъ не только современныхъ тебѣ, но и прежнихъ царей. Ты очистилъ предѣлы царства отъ варваровъ , и усмирилъ внутреннихъ мятежниковъ; на однихъ дѣйствовалъ убѣжденіями, на другихъ оружіемъ, а въ томъ и другомъ случаѣ распоряжался , какъ будто-бы никто тебѣ не противодѣйствовалъ. Важны твои побѣды , добытыя оружіемъ и бранями ; но еще важнѣе и знаменитѣе пріобрѣтенныя безъ крови. Къ тебѣ отъсюду являлись посольства и просьбы; одни покорялись, другіе готовы были къ покорности. А если гдѣ была надежда на покорность, — это равнялось самой покорности. Мышца Божія руководствовала тебя во всякомъ намѣреніи и дѣйствіи. Благоразуміе было въ тебѣ удивительнѣе могущества , и могущество удивительнѣе благоразумія; самой же славы за благоразуміе и могущество еще удивительнѣе благочестіе. Какъ же въ семъ одномъ оказался ты неопытнымъ и неосмотрительнымъ? Отъ чего такая опрометчивость въ твоемъ безчеловѣчномъ челоуѣколюбіи? Какой демонъ внушилъ тебѣ такую мысль? Какъ великое наслѣдіе, — то, чѣмъ украшался роди-

тель твой, разумѣю именуемыхъ по Христѣ, народъ, просіявшій въ цѣлой вселенной, царское священіе (1 Петр. 2, 3.), возвращенныхъ многими усиліями и трудами, въ столь короткое время, въ одно мгновеніе, своими руками передалъ ты обществу всѣхъ кровопійцѣ?

Можетъ быть, вамъ кажется, братія, что поступаю неблагочестно и неблагодарно, когда говорю сіе, и къ обличительной рѣчи не присоединяю тотчасъ вѣщаній истины; хотя достаточно уже оправдалъ я Констанція тѣмъ самымъ, въ чемъ обвинилъ его, если вы вникли въ мое обвиненіе. Здѣсь только обвиненіе заключаетъ въ себѣ и извиненіе; ибо упомянувъ о добротѣ, я представилъ и оправданіе. Кому изъ знавшихъ сколько-нибудь Констанція не извѣстно, что онъ для благочестія, изъ любви къ намъ, изъ желанія намъ всякаго блага, не только готовъ былъ презрѣть его (1), или честь всего рода, или приращеніе царской власти, но за нашу безопасность, за наше спасеніе отдалъ бы даже самую державу, цѣлый міръ и свою душу, которая всякому всего дороже? Никто никогда и ни къ чему не пылалъ такою пламенною любовію, съ какою онъ заботился объ умноженіи Христіанъ и о томъ, чтобы возвести ихъ на высокую степенъ славы и силы. Ни покореніе народовъ, ни благоустройство общества, ни титуло и санъ царя царей, ни все прочее, по чему познается счастье человѣческое, — ничто не радовало его столько, какъ одно

(1) Юліана.

то, чтобы мы чрезъ него, и онъ чрезъ насъ, прославлялись предъ Богомъ и предъ людьми, и чтобы наше господство навсегда пребыло неразрушимымъ. Ибо кромѣ прочаго, разсуждая истинно царски и выше многихъ другихъ, онъ ясно усматриваль, что съ успѣхами Христіанъ возрастало могущество Римлянъ, что съ пришествіемъ Христовымъ явилось у нихъ самодержавіе, никогда дотолѣ не достигавшее совершеннаго единоначалія. За сіе, думаю, и любилъ онъ особенно намъ благодѣтельствовать. Если же и оскорбилъ нѣсколько, то оскорбилъ не изъ презрѣнія, не съ намѣреніемъ обидѣть, не изъ предпочтенія намъ другихъ, но желая, чтобы всѣ были одно, хранили единомысліе, не разсѣкались и не раздѣлялись расколами. Но, какъ замѣтилъ я, простота неосторожна, человѣколюбіе не безъ слабостей; и кто далекъ отъ зла, тотъ всего менѣе подозрѣваетъ зло. Посему онъ не предузналъ будущаго, не проникъ притворства (нечестіе же вкрадывалось постепенно), и въ одномъ Государѣ могли совмѣщаться и благость къ благочестивому роду, и благость къ нечестивѣйшему и безбожнѣйшему изъ людей.

И сей нечестивецъ въ чемъ укорилъ Христіанъ, что нашель у насъ непохвальнаго, а такъ-же что въ языческихъ ученіяхъ призналъ чрезвычайнымъ и неопровержимымъ? Какому слѣду образцу составилъ онъ себѣ имя своимъ нечестіемъ, совершенно новымъ образомъ вступилъ въ состязаніе съ воцарившимъ его? Поелику не могъ превзойти его добродѣтелями и совершенствами: то постарался отличиться противнымъ—тѣмъ, что преступилъ вся-

кую мѣру въ нечестіи и ревновалъ о худшемъ. Таково наше оправданіе Констанція въ разсужденіи Христіанъ и для Христіанъ — исполнѣ справедливое для имѣющихъ умъ.

Но найдутся люди, которые, простивъ намъ одну вину, не отпустятъ другой. Они станутъ обвинять въ скудоуміи за то, что Констанцій вручилъ власть нецрїазненному и непримиримому противнику, и что сперва сдѣлалъ его врагомъ, а потомъ могущественнымъ, положивъ основаніе враждѣ умерщвленіемъ брата, и придавъ силу избраніемъ на царство. Посему нужно кратко сказать и о семъ; нужно показать, что челоуѣколюбіе было не вовсе неразумно, и не выступило изъ предѣловъ царскаго великодушія и царской предусмотрительности. Даже мнѣ было бы стыдно, если бы мы, удостоившіеся отъ Констанція такой чести, и столько увѣренные въ его отличномъ благочестіи, въ его защиту не сказали правды, что, какъ служители слова и истины, обязаны мы дѣлать для людей и ни мало насъ не облагодѣтельствовавшихъ. Особливо стыдно было бы не сказать правды о Констанцій, по преселеніи его изъ здѣшняго міра, когда нѣтъ и мѣста мысли, что мы льстимъ, когда слово наше свободно отъ всякаго худаго подозрѣнія. Кто не надѣялся, если не другаго чего, по крайней мѣрѣ того, что Констанцій почестями содѣлаетъ его (к) болѣе кроткимъ? Кто не полагалъ, что послѣ довѣренности, какая ему сдѣлана, даже вопреки справедливости, и онъ будетъ правдивѣе? Особливо, когда надѣ

(к) Юліана.

обоими произнесенъ правдивый и прямо царскій судъ,—одинъ удостоенъ чести, и другой низложенъ? Ибо почтившій втораго, какъ никто не ожидалъ, даже ни самъ получившій почеть, ясно тѣмъ показалъ, что и перваго наказалъ онъ не безъ праведнаго гнѣва. Казнь одного была слѣдствіемъ продерзости наказаннаго; а почести другаго были дѣломъ челоуѣколюбія въ возведшемъ его къ почестямъ. Но если нужно сказать еще нѣчто: то Констанцій могъ полагаться, не столько на его вѣрность, сколько на собственное могущество. По такой, думаю, надеждѣ и славный Александръ побѣжденному Пору, который мужественно стоялъ за свою державу, даровалъ не только жизнь, но вскорѣ и царство Индовъ. Сямъ, а не другимъ чѣмъ, хотѣлъ онъ доказать свое великодушіе; а не превзойти кого въ великодушіи, для него—Александра, было постыднѣе, нежели уступить въ силѣ оружія; притомъ Пору, если бы замыслилъ зло, ему легко было покорить и въ другой разъ. Такъ и въ Констанціѣ челоуѣколюбіе произошло отъ избытка надежды на свою силу. Но для чего усиливаюсь тамъ, гдѣ и побѣжденному весьма удобно одержать верхъ? Если довѣрившій поступилъ худо; то сколько хуже поступилъ тотъ, кому сдѣлана довѣренность? Когда ставить въ вину, что не предусмотрѣнъ злыи нравъ; тогда во что должно поставить самое злонравіе?

Но порокъ дѣйствительно есть нѣчто не поддаваемое подѣ правила, и у челоуѣка нѣтъ средствъ дѣлать злыхъ добрыми. Такъ и онъ (1), отъ чего

(1) Юліанъ.

бы слѣдовало ему почувствовать въ себѣ благорасположеніе, и погасить, если и было какое, воспламененіе злобы, отъ того самаго воспылалъ большею ненавистію, и сталъ высматриватъ, чѣмъ отмстить благодѣтелю. Тому научили его Платоны, Хризиппы, почтенные Перипатетики, Стоики и краснословы. Къ тому привели его и геометрическое равенство, и уроки о справедливости, и правило: предпочитай лучше терпѣть, нежели наносить обиду. Сіе преподали ему благородные наставники, сподвижники царской власти и законодатели, которыхъ набралъ себѣ на перекресткахъ и въ пещерахъ (м), въ которыхъ не нравы одобрялъ, но дивился сладкорѣчію, а можетъ быть и не тому, но единственно нечестію, — достаточному совѣтнику и наставнику что дѣлать и чего не дѣлать. И подлинно, не достойны ли удивленія тѣ, которые на словахъ строить города, какихъ на дѣлѣ быть не можетъ? которые едва не кланяются, какъ Богу, величавымъ тиранамъ, и при своей надменности ставятъ оволь выше боговъ? Одни изъ нихъ учатъ, что вовсе нѣтъ Бога; другіе, что Богъ не промышляетъ о земномъ, но что все здѣсь влечется безъ цѣли и случайно; иные говорятъ, что всѣмъ управляютъ звѣзды и роковыя созвѣздія, не знаю кѣмъ и откуда управляемая; другіе же полагаютъ, что все стремится къ удовольствію, и что наслажденіе составляетъ конецъ челоуѣческой жизни. А добродѣтель для нихъ одно

(м) Подъ перекрестками и пещерами Св. Богословъ разумѣтъ мѣста, на которыхъ Юліанъ, съ своими наставниками, приносилъ бѣсамъ жертвы и совершалъ различныя гаданія

громкое имя ; по словамъ ихъ, ничего нѣтъ за настоящей жизнью, никакого послѣ истязанія за дѣла здѣшной жизни, въ пресѣченіе неправды. Иной изъ ихъ мудрецовъ вовсе не разумѣлъ сего, но былъ покрытъ глубокою, такъ сказать, тиною и непроницаемымъ мракомъ заблужденія и невѣдѣнія; его разумъ и столько не былъ очищенъ, чтобы могъ взирать на свѣтъ истины, но, пресмыкаясь въ дольномъ и чувственномъ, не способенъ былъ представить что-либо выше демоновъ, и разсуждать о Творцѣ достойнымъ Его образомъ. А если кто и прозиралъ нѣсколько ; то, имѣя руководителемъ разумъ, а не Бога, увлекался болѣе вѣроятнымъ, и тѣмъ, что какъ ближайшее скорѣе обращаетъ на себя вниманіе черни. Что же удивительнаго, если вышедшій изъ такого училища, управляемый такими кормчи-ми, когда вѣрили ему власть и почтили его саномъ, оказался столько злымъ противъ вѣрившаго и почтившаго ? А если можно защищать одного, обвиняя другаго ; то возставила его (н) противъ установленнаго порядка, и побудила искать свободы высокоумію, не столько, думаю, скорбь о братѣ, въ которомъ видѣлъ онъ противника себѣ по вѣрѣ, сколько то, что не терпѣлъ усиливающагося Христіанства и злобствовалъ на благочестіе. Надобно, какъ они учатъ, чтобы философія и царская власть сходились вмѣстѣ ; но не для прекращенія, а для умноженія общественныхъ золъ. И первымъ дѣломъ его (о) высокоумія и высокоумія было то, что

(н) Юліана.

(о) Юліана.

самъ на себя возложилъ вѣнецъ , самъ себя почтилъ высокимъ титуломъ , которое , не какъ случайную добычу , но какъ награду за добродѣтель , даетъ или время , или приговоръ царя , или , что бывало въ прежнія времена , опредѣленіе сената. Но онъ не признаетъ господина въ царствѣ господиномъ раздаваемыхъ почестей. А во-вторыхъ , увидѣвъ , что первая дерзость доводитъ до необходимости поддержать свое высокоуміе , что еще замышляетъ? До чего простирается въ нечестіи и наглости? Какое неистовство! Онъ вооружается противъ самого Констанція , и ведетъ съ Запада войско подъ предлогомъ оправдать себя въ принятіи царскаго вѣнца; потому что наружно скрывалъ еще свое высокоуміе. Но въ дѣйствительности замышляетъ захватить въ свои руки державу , и удивить свѣтъ благодарностію. И не обманулся въ надеждѣ.

Да не дивятся сему не постигающіе недомыслимой глубины Божіихъ распоряженій , по которымъ все совершается! Да не дивятся предоставляющіе міроуправленіе Художнику , Который конечно премудрѣ насъ , и твореніе Свое ведетъ , къ чему и какъ Ему угодно , безъ всякаго же сомнѣнія къ совершенству и уврачеванію , хотя врачующее и огорчаются! По такимъ распоряженіямъ и онъ (п) не возбужденъ на зло (Божество , по естеству благое , нимало не виновно во злѣ , и злыя дѣла принадлежатъ произвольно избирающему злое) , но не удержанъ въ стремленіи. Съ быстротою протекъ онъ

(п) Юліанъ.

свои владѣнія и часть варварскихъ предѣловъ, захватывая проходы, не съ намѣреніемъ овладѣть ими, но чтобы скрыть себя; уже приближается къ царскому дворцу, осмѣлившись на такой походъ, какъ говорили его единомышленники, по предвѣдѣнію и по внушенію демоновъ, которые прорекали ему будущее, и предустраивали перемѣну обстоятельствъ. Но, по словамъ не скрывающихъ истины, онъ явился въ срокъ, назначенный для тайнаго и сокрытаго во мракъ злодѣянія; успѣвши къ дню смерти, которой самъ былъ виновникомъ, тайно поручивъ совершить злоумышленіе одному изъ домашнихъ. А потому здѣсь было не предвѣдѣніе, но обыкновенное знаніе, — простое злодѣйство, а не благодѣяніе бѣсовъ. Сколько же бѣсы проникательны въ такихъ дѣлахъ, ясно показала Персія. И пусть умолкнутъ тѣ, которые послѣшность его приписываютъ бѣсамъ; развѣ ихъ дѣломъ назовемъ и то, что онъ былъ злобень! Если бы кончина Царя не предшествовала нашествію мучителя, и тайная брань не производилась сильнѣе открытой; то злодѣй узналъ бы, можетъ быть, что успѣшалъ на собственную гибель и прежде, нежели вразумленъ пораженіемъ у Персовъ, понесъ бы наказаніе за свое высокоуміе въ Римскихъ предѣлахъ, въ которые злонамѣренно дерзнулъ вторгнуться. И вотъ доказательство! Когда еще онъ былъ въ пути, и думалъ, что намѣренія его неизвѣстны; воинство могущественнѣйшаго Царя окружаетъ его, и пресѣкаетъ ему даже возможность къ побѣгу. (Такъ показало послѣдствіе; ибо и по полученіи державы ему стоило не малаго труда одолѣть сіе войско.) И въ сіе самое

время, пылая гнѣвомъ на високоуміе и нечестіе, имѣя въ сѣтяхъ хитрѣйшаго изъ людей, на пути къ мѣсту дѣйствій, (подлинно велики грѣхи наши!) Государь, послѣ многихъ прошеній къ Богу и людямъ — извинить его челоуѣколюбіе, оставляетъ жизнь, своимъ походомъ доказавъ Христіанамъ ревность о благочестіи.

И здѣсь, приступая къ продолженію слова, проливаю слезы, смѣшанныя съ радостію. Подобно тому, какъ рѣка и море между собою борются и сливаются, и во мнѣ происходитъ борьба — и сліяніе, и волненіе чувствованій. Послѣднія событія исполняютъ меня удовольствіемъ; а предшествовавшія извлекаютъ у меня слезы, слезы не только о Христіанахъ и о напастяхъ, какія ихъ постигли, или навлеченныя лукавымъ, или попущенныя Богомъ, по причинамъ Ему вѣдомымъ, и, можетъ быть, за наше превозношеніе, требовавшее очищенія; но такъ же слезы и объ его (р) душѣ, и о всѣхъ увлекшихся съ нимъ въ ту же погибель. Иные оплакиваютъ однѣ послѣднія ихъ пораженія и здѣшнія страданія; потому что имѣютъ въ виду одну настоящую жизнь, и не простираются мыслию въ будущее, не думаютъ, что будетъ расчетъ и воздаяніе за дѣла земной жизни, но живутъ подобно безсловеснымъ, заботятся о текущемъ только днѣ, объ одномъ настоящемъ, однѣми здѣшними удобствами измѣряютъ благополучіе, и всякую встрѣчающуюся неприятность называютъ несчастіемъ. Но для меня досто-

(р) Юліана.

плачевнѣ будущія ихъ мученія , и казнь, ожидающая грѣшниковъ. Не говорю еще о величайшемъ наказаніи, то есть , о томъ, сколько для нихъ будетъ мучительно отверженіе ихъ Богомъ. Какъ не пролить мнѣ слезъ о семъ несчастномъ? Какъ не оплакивать бѣжавшихъ къ нему болѣе, нежели тѣхъ, которые были имъ гонимы? И не больше ли еще долженъ я плакать объ увлекшемъ въ беззаконіе, нежели о предавшихся на сторону зла? Даже гонимымъ—страдать за Христа было вовсе не зло, а самое блаженное дѣло, не только по причинѣ будущихъ воздаяній, но и по причинѣ настоящей славы и свободы, каковую они пріобрѣли себѣ своими бѣдствіями. А для тѣхъ, что претерпѣли они здѣсь, есть только начало уготованнаго и угрожающаго имъ въ будущемъ. Для нихъ гораздо было бы лучше, если бы долѣе страдали здѣсь, но не были соблюдаемы для тамошнихъ истязаній. Такъ говорю по закону, который повелѣваетъ не радоваться паденію врага, и отъ того, кто устоялъ, требуетъ состраданія.

Но мнѣ опять должно къ нему обратить слово. Что за ревность превзойти всѣхъ во злѣ? Что за страсть къ нечестію? Что за стремленіе къ гибели? Отъ чего сдѣлался такимъ христоненавистникомъ ученикъ Христовъ, который столько занимался словомъ истины, и самъ говорилъ о предметахъ душеспасительныхъ, и у другихъ поучался? Не успѣлъ онъ наследовать царства, и уже съ дерзостію обнаруживаетъ нечестіе, какъ-бы стыдясь и того, что былъ нѣкогда Христіаниномъ, или мсти Христіанамъ за то, что носилъ съ ними одно имя.

И таковъ первый изъ смѣлыхъ его подвиговъ, какъ называютъ гордящіеся его тайнами; (какія слова принужденъ я произнестъ!) онъ воду крещенія смываетъ скверною кровію, наше таинственное совершеніе замѣняя своимъ мерзкимъ, и уподобляясь по пословицѣ свинѣ, валяющейся въ тинѣ; творитъ очищеніе надъ своими руками, чтобы очистить ихъ отъ безкровной Жертвы, чрезъ которую дѣлаемся мы участниками со Христомъ въ страданіяхъ и Божествѣ; руководимый злыми совѣтниками зловреднаго правленія, начинаетъ свое царствованіе разсматриваніемъ внутренностей и жертвоприношеніями.

Но упомянувъ о разсмотрѣніи внутренностей и о суетвѣріи, или, точнѣе сказать, зловѣріи его въ такихъ дѣлахъ, не знаю, описывать ли мнѣ чудо, разглашаемое молвою, или не вѣрить слухамъ? Колелюсь мыслию и недоумѣваю, на что преклониться; потому что достойное вѣроятія смѣшано здѣсь съ неимовѣрнымъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что при такомъ новомъ явленіи зла и нечестія было какое нибудь знаменіе; да и неоднократно случались знаменія при великихъ переворотахъ. Но чтобы такъ было, какъ рассказываютъ, это весьма удивительно для меня, а конечно и для всякаго, кто желаетъ, и считаетъ справедливымъ, чтобы чистое объяснялось чисто. Рассказываютъ же, что, принося жертву, во внутренностяхъ животнаго, увидѣлъ онъ Крестъ въ вѣнцѣ. Въ другихъ возбудило сіе ужасъ, смятеніе и сознаніе нашей силы,— а наставнику нечестія придало только дерзости; онъ про- толковалъ: Крестъ и кругъ значать, что Христіане

огвсюду окружны и заперты. Сіе-то для меня чудно, и ежели это неправда, пусть развѣется вѣтромъ; если же правда, то здѣсь опять Валаамъ пророчествуетъ, Самуиль, или призракъ его, вызывается волшебницею; опять бѣсы неволью исповѣдуютъ Иисуса, и истина обнаруживается чрезъ противное истинѣ, дабы тѣмъ болѣе ей повѣрили. А можетъ быть, это дѣлалось и для того, чтобы его удержать отъ нечестія: потому что Богъ, по Своему человеколюбію, можетъ открывать многіе и необыкновенные пути ко спасенію. Но вотъ о чемъ рассказываютъ весьма многіе, и что не чуждо вѣроятія: сходилъ онъ въ одну изъ недоступныхъ для народа и страшныхъ пещеръ (о если бы тѣмъ же путемъ сошелъ онъ и во адъ, прежде нежели успѣлъ столько въ злѣ!); его сопровождалъ человекъ, знающій такія дѣла, или, лучше сказать, обманщикъ, достойный многихъ пропастей. Между прочими видами волхвованія употребляется у нихъ и тотъ, чтобы съ подземными демонами совѣщаться о будущемъ гдѣ-нибудь во мракѣ; потому ли, что демоны болѣе любятъ тьму, ибо сами суть тьма и виновники тьмы, то есть зла; или потому, что они бѣгаютъ благочестивыхъ на землѣ, ибо отъ встрѣчи съ ними приходятъ въ безсиліе. Но когда храбрецъ нашъ идетъ впередъ; его объемлетъ ужасъ, съ каждымъ шагомъ становится ему страшнѣе; рассказываютъ еще о необыкновенныхъ звукахъ, о зловоніи, объ огненныхъ явленіяхъ, и не знаю о какихъ-то призракахъ и мечтаніяхъ. Пораженный печальною стію, какъ неопытный въ такомъ дѣлѣ, онъ прибѣгаетъ ко Кресту, сему древнему пособію, и знаме-

138
 нуется имъ противъ ужасовъ, призываетъ на помощь Гонимаго. Послѣдовавшее за симъ было еще страшнѣе. Знаменіе подѣйствовало, демоны побѣждены, страхи разсѣялись. Что же потомъ? Зло оживаетъ, отступникъ снова становится дерзкимъ, по-рывается идти далѣе: и опять тѣ же ужасы. Онъ еще разъ крестится, — и демоны утихаютъ. Ученикъ въ недоумѣніи; но съ нимъ наставникъ, перетолковывающій истину. Онъ говоритъ: « не устрашились они насъ, но возгнушались нами. » И зло взяло верхъ. Едва сказалъ наставникъ, ученикъ вѣрить, а убѣдившій ведетъ его къ безднѣ гибели. И не удивительно: порочный человекъ скорѣе готовъ слѣдовать злу, нежели удерживаться добромъ. Что потомъ говорилъ, или дѣлалъ онъ, или какъ его обманывали, и съ чѣмъ отпустили, пусть знаютъ тѣ, которые посвящаютъ въ сіи таинства и сами посвящены. Только по выходѣ оттуда, и въ душевныхъ расположеніяхъ и въ дѣлахъ его видно было бѣснованіе, и неистовство взоровъ показывало, кому совершалъ онъ служеніе. Если не съ того самаго дня, въ который рѣшился онъ на такое нечестіе, то теперь, самымъ явнымъ образомъ, вселилось въ него множество демоновъ; иначе бы напрасно сходилъ онъ во мракъ и сообщался съ демонами, чтѣ называютъ они вдохновеніемъ, благовидно превращая смыслъ словъ. Таковы были первыя его дѣла!

Но когда болѣзнь усилилась и гоненіе готово было открыться, увидѣлъ онъ (или какъ человекъ мудрый на злое и преуспѣвшій въ нечестіи, или по совѣту поощрявшихъ его на сіе), что вести съ нами войну открыто и объявить себя предводителемъ

лемъ нечестія, не только слишкомъ дерзко и безразсудно, но и совершенно противно цѣли. Ибо принужденіе сдѣлало бы насъ болѣе непоколебимыми и готовыми противопоставить насилію ревность по благочестію: ибо души мужественныя, когда хотять принудить ихъ къ чему силою, обыкновенно бываютъ непреклонны, и подобны пламени, раздуваемому вѣтромъ; которое тѣмъ болѣе разгарается, чѣмъ болѣе его раздувають. Это не только находилъ онъ по своимъ умозаключеніямъ, но могъ знать и по предшествовавшимъ гоненіямъ, которыми Христіанство болѣе прославлено, нежели ослаблено: потому что гоненія укрѣпляютъ душу въ благочестіи, и въ опасностяхъ душа закаливается, какъ раскаленное желѣзо въ водѣ. Если же дѣйствовать оружіемъ лукавства (разсуждалъ онъ) и принужденію дать видъ убѣжденія, прикрывъ насиліе ласкою, какъ уду приманкою; то въ такой борьбѣ будетъ и мудрость и сила. Сверхъ сего онъ завидовалъ чести мученической, какой удостоиваются подвижники. Потому умышляетъ дѣйствовать принужденіемъ, не показывая вида принужденія; а насъ заставить страдать и не имѣть той чести, что стражемъ за Христа. Какая глупость! Во-первыхъ онъ думалъ утаить, за что мы подвергаемся опасности, и прикрыть истину лжеумствованіями, но не разсудилъ, что чѣмъ болѣе умышляетъ онъ противъ почестей мученичества, тѣмъ онѣ сдѣлаются выше и славнѣе; во-вторыхъ полагалъ, что мы предаемся опасностямъ не по любви къ истинѣ, а по желанію славы. Но симъ пусть забавляются ихъ Емпедоклы, Аристей, Емпедотимы, Трофонія и множество по-

добныхъ жалкихъ людей. Первый изъ нихъ думалъ сдѣлаться богомъ и достигнуть блаженной участи, ринувшись въ жерло горы Сицилійской; но любимый башмакъ его, изверженный огнемъ, обнаружилъ, что не сдѣлался Емпедоклъ изъ человѣка богомъ, а оказался только по смерти человѣкомъ тщеславнымъ, не любозумнымъ, не имѣющимъ даже здраваго смысла. А прочіе по той же болѣзни и самолюбію скрылись въ мрачныхъ пещерахъ; но когда были открыты, не столько приобрѣли себѣ чести тѣмъ, что скрывались отъ людей, сколько обезчестили себя тѣмъ, что не остались въ безызвѣстности. Но для Христіанъ пріятнѣе страдать за благочестіе, оставаясь даже у всѣхъ въ неизвѣстности, нежели для другихъ прославляться и быть нечестивыми. Потому что мы мало заботимся объ угожденіи людямъ; а все наше желаніе — получить честь отъ Бога; истинно же любозумные и боголюбивые — выше и сего; они любятъ общеніе съ добромъ ради самаго добра, а не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ. Ибо это уже вторая степень похвальной жизни — дѣлать что-либо изъ награды и воздаянія; и третія, — избѣгать зла по страху наказанія. Такъ мы разсуждаемъ; и для желающихъ не трудно привести на то многія доказательства. А нашъ противникъ, думая лишить Христіанъ чести, какъ чего-то великаго (ибо многіе судятъ о другихъ по собственнымъ страстямъ), прежде всего воздвигаетъ гоненіе противъ нашей славы. Онъ не такъ смѣло, какъ прочіе гонители, вводитъ нечестіе, и хочетъ поступить съ нами не только не какъ царь, но даже и не какъ мучитель, который бы могъ похва-

лится, что принудилъ вселенную принять его нечестивый законъ и подавилъ ученіе, одержавшее верхъ надъ всѣми ученіями. Но, какъ рабъ, робко составляетъ ковы противъ благочестія, и къ гоненію присоединяетъ хитр्या двусмысленныя умствованія.

Всякая власть дѣйствуетъ убѣжденіемъ или принужденіемъ; и онъ послѣднее, какъ менѣе человеколюбивое, то есть насиліе, предоставилъ народу и городамъ, которые въ дерзости особенно неустойчивы, по неразсудительности и неосмотрительному стремленію ко всему; впрочемъ и на это далъ не всенародное повелѣніе, но какъ бы неписанный законъ, обнаруживъ свою волю тѣмъ, что не останавливалъ народныхъ волненій. А первое, какъ болѣе кроткое и достойное царя, то есть убѣжденіе, предоставилъ онъ себѣ. Однако-же и сіе не совершенно соблюлъ. Какъ несвойственно оставить леопарду пестроту, Евіопу черноту, огню силу жечь, лукавому—сему человекоубійцѣ искони—человѣкоубижденіе; такъ и онъ не могъ оставить злобы, съ какою устремился противъ насъ. Но, какъ говорятъ о хамелеонѣ, что онъ удобно перемѣняетъ свой видъ и принимаетъ на себя всѣ цвѣты, кромѣ бѣлаго (умалчиваю о Протеѣ, баснословномъ хитрецѣ Египетскомъ); такъ и онъ для Христіанъ былъ и являлся всѣмъ, кромѣ кротости. И человеколюбіе его было весьма безчеловѣчно; его убѣжденіе—насилъственно, благосклонность служила извиненіемъ жестокости, дабы видѣли, что онъ по праву употребляетъ насиліе, не успѣвъ подѣйствовать убѣжденіемъ. Это видно изъ того, что убѣжденія его продолжались малое время; и по большей части

вскорѣ слѣдовало принужденіе, чтобы мы были пойманы, какъ на звѣриной ловлѣ, или сѣтями, или преслѣдованіемъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ непременно достались въ его руки.

Такимъ образомъ обдумавъ и распредѣливъ свои дѣйствія, употребляетъ онъ другую хитрость—единственно вѣрную, хотя слишкомъ нечестивую; начинаетъ злое свое дѣло съ приближенныхъ и съ окружающихъ его людей, какъ это въ обычаѣ у всѣхъ гонителей. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя на своей сторонѣ близкихъ, нельзя дѣйствовать на постороннихъ; подобно какъ нельзя вести на враговъ войска, которое возстаетъ противъ своего вождя. Онъ перемѣняетъ царедворцевъ, однихъ напередъ предавъ тайно смерти, другихъ удаливъ не столько за то, что они были расположены къ великому Царю (с), сколько за то, что еще преданіе были Царю царей, а для него бесполезны по тому и другому. Между тѣмъ самъ собою, или чрезъ начальниковъ, склоняетъ на свою сторону войско, которое почиталъ особенно удобопреклоннымъ; потому что военные люди, то обольщаются почестями, то увлекаются по простотѣ, и не знаютъ другаго закона, кромѣ царской воли; правильнѣе же сказать, онъ привлекъ только часть войска, часть не малую,—тѣхъ, кого нашелъ испорченными и больными, кто, и въ это время и прежде, раболѣпствовалъ обстоятельствамъ;—и изъ этой части однихъ поработилъ онъ себѣ дѣйствительно, другихъ только надѣялся поработить. Не всѣхъ же увлекъ; по-

(с) Констанцію.

тому что не далъ ему столько силы надъ нами Тотъ, Кто наказывалъ насъ чрезъ него, и еще осталось болѣе семи тысячъ мужей, которые не преклонили колѣнъ предъ Вааломъ (3 Цар. 19, 18.), не поклонились златому образу (Дан. 3, 18.), не были уязвлены змїями; потому что взирали на повѣшеннаго змїа и низложеннаго страданїями Христовыми. Между начальниками и высшими, которыхъ особенно легко побѣдить угрозами или обѣщанїями, и между простыми воинами, извѣстными только по числу, нашлось много отразившихъ его нападенїе, какъ твердая стѣна отражаетъ неудачное дѣйствїе орудїа. Впрочемъ онъ не столько сокрушался о томъ, что избѣгало рукъ его, сколько приходилъ въ дерзость, подобно бѣшеному, отъ того, что уловлялъ. Онъ желалъ,—и ожидаемое представлялъ уже достигнутымъ. Потомъ возстаетъ онъ и противъ того великаго знамени съ изображенїемъ Креста, которое, бывъ поднято вверхъ, предводило воинствомъ, почиталось у Римлянъ, и дѣйствительно было облегченїемъ въ трудахъ, можно сказать, царствовало надъ прочими знаменами, изъ которыхъ однѣ украшены изображенїями царей и распростертыми тканями съ различными цвѣтами и письменами; а другїя, принимая въ себя вѣтеръ чрезъ страшныя пасти драконовъ, утвержденныя на верху копій, раздуваются по изгибамъ, изпещреннымъ тканю чешуею и представляютъ взорамъ прїятное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище.

Когда же все, что было около него, онъ устроилъ по своимъ мыслямъ, и уже думалъ восторжествовать надъ близкою опасностїю; тогда покушаетъ

ся и на прочее. О несмысленный, нечестивый и ничего не свѣдущій въ дѣлахъ великихъ! Ты возстаешь противъ многочисленнаго достоянія, противъ всемірнаго плодоношенія, совершаемаго на всѣхъ концахъ вселенной низостію слова и буйствомъ, какъ вы бы сказали, проповѣди, — той проповѣди, которая побѣдила мудрыхъ, прогнала демоновъ, превозмогла время, которая есть нѣчто ветхое, вмѣстѣ и новое (подобно тому, какъ и вы представляете одного изъ боговъ своихъ), — ветхое для немногихъ, новое для многихъ, первое въ сѣннописаніи, послѣднее въ совершеніи тайны, сокровенной до своего времени! Ты противъ великаго наслѣдія Христова, забывъ, кто ты, какія у тебя силы и откуда ты, — противъ великаго и нескончаемаго наслѣдія, которое, если бы кто и съ бѣльшимъ, нежели ты, неистовствомъ возсталъ противъ него, только болѣе бы возрастало и возвышалось (ибо вѣру пророчествамъ и видимому); противъ сего наслѣдія, которое самъ Онъ, какъ Богъ сотворилъ, и какъ человѣкъ наслѣдовалъ, которое законъ прообразовалъ, благодать исполнила, Христось обновилъ, которое Пророки водрузили, Апостолы связали, Евангелисты довершили! Ты противъ жертвы Христовой съ своими сквернами! Ты противъ крови, очистившей міръ, съ своими кровьями! Ты воздвигаешь брань противъ мира! Ты возносишь руку противъ руки за тебя и для тебя пригвожденной! Ты противъ желчи — съ своимъ приобщеніемъ жертвъ! противъ Креста — съ своимъ трофеемъ! противъ смерти — съ разрушеніемъ! противъ возстанія изъ гроба — съ своимъ мятежническимъ возстаніемъ! Ты

противъ Свидѣтеля, отвергшій даже свидѣтельство мучениковъ (т)! Послѣ Ирода—гонитель! Послѣ Иуды—предатель, только не обнаружившій, подобно ему, раскаянія удавленіемъ! Послѣ Пилата—христуубійца! Послѣ Іудеевъ—богоненавистникъ! Ты не устыдился жертвъ, закланыхъ за Христа! Не убоялся великихъ подвижниковъ—Іоанна, Петра, Павла, Іакова, Стефана, Луки, Андрея, Ѳеклы и прочихъ, послѣ и прежде нихъ, пострадавшихъ за истину! Они охотно боролись съ огнемъ, желѣзомъ, съ звѣрями и мучителями, шли на бѣдствія настоящія и угрожающія, какъ-бы въ чужихъ тѣлахъ, или какъ безплотные. И для чего все это? Чтобы и словомъ не измѣнить благочестію. Они прославляются великими почестями и празднествами, они прогоняють демоновъ, врачуютъ болѣзни, являются, прорекають; самыя тѣла ихъ, когда къ нимъ прикасаются и чтутъ ихъ, столько же дѣйствуютъ, какъ святыя души ихъ; даже капли крови и все, что носитъ на себѣ слѣды ихъ страданій, такъ же дѣйствительны, какъ ихъ тѣла. Но ты не чтишь сего, а безчестишь;—дивишься же Геркулесу, который отъ несчастій и женскихъ оскорбленій бросается на костеръ; дивишься тому, какъ по страннолюбію, или въ угожденіе богамъ, предложень въ свѣдѣ Пелопсъ, отъ чего Пелопиды отличаются плечами изъ слоновой кости; дивишься искаженію

(т) *Κατὰ τῆ Μάρτυρος ἕδδ μάρτυρας*— слово *Μάρτυρ*, имевъ значеніе свидѣтеля и мученика. Св. Григорій употребляетъ сіе слово въ первомъ смыслѣ объ І. Христѣ, какъ и въ Откровеніи Іоанна 1, 5. 3, 14; въ послѣднемъ—ѡ свидѣтеляхъ истины Христовой— Апостолахъ и Мученикахъ.

Фригійцевъ, услаждаемыхъ свирѣлю и потомъ подвергаемыхъ поруганію, или заслуженнымъ истязаніямъ и испытаніямъ чрезъ огонь при посвященіи въ таинства Миеры; дивишься умерщвленію чужестранцевъ у Тавровъ, принесенію на жертву царской дочери въ Троѣ, крови Меникел, пролитой за Фивянъ, и наконецъ смерти дочерей Скедаза въ Левктрахъ; ты хвалишь Лакедемонскихъ юношей, сбкущихся бичами и окропляющихъ жертвенникъ кровію, пріятною богинѣ чистой и дѣвѣ; хвалишь чашу съ ядомъ Сократа, голень Епиктета, мѣхъ Анаксарха (у), у которыхъ любомудріе было болѣе вынужденно, нежели добровольно; хвалишь скачекъ Клеомврата Амвракійскаго,—плодъ любомудраго ученія о душѣ; хвалишь состязанія Пифагорейцевъ о бобахъ и презрѣніе смерти Феоною, или, не помню, кѣмъ-то другимъ изъ посвященныхъ въ тайны и ученія Пифагоры.

Но подивись, если не прежнимъ, то настоящимъ подвигамъ Христіанъ, ты, любомудрѣйшій и мужественнѣйшій изъ смертныхъ, который въ терпѣніи хочешь подражать Епаминондамъ и Сципіонамъ, ходишь на ряду съ своимъ войскомъ, довольствуешься скудною пищею и хвалишь личное предводительство. Человѣкъ благородный и любомудрый не унижаетъ доблести и въ врагахъ; онъ выше цѣнить мужество непріятелей, нежели пороки и изнѣженность самыхъ близкихъ ему. Видишь ли сихъ

(у) Анаксархъ назвалъ мѣхомъ тѣло свое, когда толкну его въ ступь.

людей, которые не имѣютъ у себя ни пропитанія, ни пристанища, не имѣютъ почти ни плоти, ни крови, и тѣмъ приближаются къ Богу, у которыхъ и ноги не мыты и ложемъ земля, какъ говорить твой Гомеръ, думая такимъ вымысломъ почитать одного изъ демоновъ? Они живутъ долу, но выше всего дольнаго; среди людей, но выше всего человѣческаго; связаны, но свободны; стѣсняемы, но ничѣмъ неуждержимы; ничего не имѣютъ въ мѣрѣ, но обладаютъ всѣмъ премѣрнымъ; живутъ сугубою жизнію, и одну презираютъ, о другой же заботятся; чрезъ умерщвленіе безсмертны, чрезъ отрѣшеніе отъ твари соединены съ Богомъ; не знаютъ любви страстной, но горятъ любовію божественною, безстрастною; ихъ наслѣдіе—Источникъ свѣта, и еще здѣсь—Его озаренія, Ангельскія псалмопѣнія, всенощное стояніе, преселеніе къ Богу ума предвосхищаемаго; чистота и непрестанное очищеніе, какъ незнающихъ мѣры въ восхожденіи и обоженіи; ихъ утесы и небеса, низложенія и престолы; нагота и риза нетлѣнія; пустыня и торжество на небесахъ; пограние сластей и наслажденіе нескончаемое, неизреченное. Ихъ слезы потопляютъ грѣхъ, очищаютъ мѣрѣ; ихъ воздѣяніе рукъ угашаетъ пламень, укрощаетъ звѣрей, притупляетъ мечи, обращаетъ въ бѣгство полки; и (будь увѣренъ!) заградить уста и твоему нечестію, хотя превознесешь на время, и съ своими демонами будешь еще лицедѣйствовать въ позорищѣ нечестія. Какъ и это не страшно, не достойно уваженія для тебя, чрезъ мѣру дерзновенный и безразсуднѣ всякаго устремляющійся на смерть? А сіе конечно во многомъ уважительнѣе, нежели пенасыт-

ность мудреца и законодателя Солона, которую Крезъ обличилъ Лидійскимъ золотомъ, — нежели Сократова любовь къ красотѣ (стыжуся сказать, къ отрокамъ, хотя она прикрывается честнымъ наименованіемъ), — нежели Платоново лакомство въ Сициліи, за которое философъ проданъ и не выкупленъ ни однимъ изъ учениковъ, даже никѣмъ изъ Грековъ; Ксенократово прожорство, шутливость жившаго въ бочкѣ Діогена, съ какою онъ, предпочитая лакомый кусокъ простому хлѣбу, говаривалъ словами стихотворца : пришлецы, дайте мѣсто господамъ, — и философія Эпикурова, не признающая никакого блага выше удовольствія. Великъ у васъ Кратесъ; отказать свои земли на пастбище овецъ, конечно, любомудрое дѣло и похожее на дѣла нашихъ любомудровъ; но онъ провозглашаетъ свою свободу не столько какъ любитель мудрости, сколько какъ честолюбецъ. Великъ и тотъ, кто на кораблѣ, боровшемся съ волнами, когда все кидали въ море, благодарилъ судьбу, доводящую его до рубища (φ). Великъ Антисѣенъ, который, когда одинъ наглый оскорбитель ударилъ его въ лице, пишетъ у себя на лбу, какъ на статуѣ, имя ударившаго, можетъ быть для того, чтобы язвительнѣе укорить его. Ты хвалишь также одного изъ жившихъ не за долго до насъ за то, что цѣлый день молился, стоя на солнцѣ: но можетъ быть онъ воспользовался временемъ, когда солнце бываетъ ближе къ землѣ, дабы сократить молитву, окончивъ ее съ закатомъ

(φ) Зенонъ.

солнечнымъ; хвалишь и Потидейскаго труженика (х), который зимою цѣлую ночь стоялъ, погрузясь въ созерцаніе, и въ изступленіи не чувствовалъ холода; хвалишь любознательность Гомера, трудившагося надъ Аркадскимъ вопросомъ, любовѣдніе и неутомимость Аристотеля, допытывавшагося причины перемѣнъ въ Еврипѣ, — надъ чѣмъ они и умерли; хвалишь и Клеантовъ колодезь, и Анаксагоровъ ременный поводъ (ц), и Гераклитовы слезы. Но сколько у васъ такихъ, и долго ли они подвизались? Какъ же не дивиться нашимъ подвижникамъ, которыхъ тысячи, десятки тысячъ, которые посвящаютъ себя на такое же, и еще болѣе чудное, любомудріе, любомудрствуютъ цѣлую жизнь и, можно сказать, въ цѣлой вселенной, какъ мужи, такъ равно и жены, спорящія съ мужами въ мужествѣ, и тогда только забывающія свою природу, когда нужно приближаться къ Богу чистотою и терпѣніемъ? И не только люди незнатнаго рода и всегдашнею скудностію приобученные къ трудамъ, но даже нѣкогда высокіе и знатные своимъ богатствомъ, родомъ и властію, рѣшаются на непривычныя для нихъ злостраданія въ подражаніе Христу. Хотя бы они не обладали даромъ слова, потому что не въ словѣ поставляютъ благочестіе, и не на долго годенъ плодъ мудрости, которая только на языкѣ, какъ признано и однимъ изъ вашихъ стихотворцевъ; однако же въ нихъ больше правды; они учатъ дѣлами.

(х) Сократа.

(ц) Такъ Анаксагоръ называлъ свое сочиненіе, въ которомъ были собраны трудные вопросы.

Но онъ, пренебрегши все сіе, и одно имѣя въ виду, чтобы угодить демонамъ, которые неоднократно низлагали его, чего и заслуживалъ, прежде другихъ распоряженій по дѣламъ общественнымъ устремляется противъ Христіанъ. — Два только предмета его озабочивали: Галилеяне, какъ называлъ онъ насъ въ укоризну, и Персы, упорно продолжавшіе войну. Но наше дѣло было для него важнѣе, требовало большихъ заботъ, такъ что войну съ Персами почиталъ онъ дѣломъ пустымъ и дѣтскою игрою. Хотя онъ сего не обнародовалъ, однакоже и не скрывалъ; до того даже доходило его неистовство, что не переставалъ твердить о томъ всегда и всѣмъ. И такой благоразумнѣйшій и наилучшій правитель государства не сообразилъ, что, во время прежнихъ гоненій, смятенія и потрясенія были не значительны, потому что наше ученіе коснулось еще немногихъ; истина принята была небольшимъ числомъ людей, и не открылась еще всѣмъ. Но теперь, когда спасительное слово разлилось всюду, особенно у насъ (ч) одѣлалось господствующимъ, покуситься на то, чтобы измѣнить и поколебать Христіанство, значило тоже, что потрясти Римскую державу, подвергнуть опасности цѣлое государство, и чего хуже не пожелали бы намъ враги наши, то потерпѣть отъ самихъ себя, отъ сего новаго и чуднаго любомудрія и царствованія, подъ которымъ мы благоденствовали и возвратились къ древнему золотому вѣку и къ жизни, ничѣмъ невозмущаемой и спокойной. Или удобство сообщеній, уменьшеніе налоговъ, выборъ

(ч) Въ Римской державѣ.

начальниковъ, наказаніе за воровство, и другія постановленія, служащія къ временному благополучію и мгновенному блеску, могли доставить государству великую пользу, и стоили того, чтобы оглушать нашъ слухъ похвалами такимъ учрежденіямъ? А народныя смятенія и возмущенія въ городахъ, разрывъ семействъ, раздоры въ домахъ, расторженіе супружествъ (чему надлежало послѣдовать за тѣмъ зломъ, и что дѣйствительно послѣдовало), могли ли служить къ его славѣ, или къ безопасности государства? Кто же будетъ столько преклоненъ къ нечестію, или столько лишенъ общаго смысла, чтобы согласиться на сіе? Въ тѣлѣ, если нездоровы одинъ только или два члена, безъ труда прочіе переносятъ сіе, и здравіе сохраняется большинствомъ членовъ; даже отъ здоровыхъ и больнымъ членамъ можетъ сдѣлаться лучше. Но ежели разстроена и поражена болѣзнію большая часть членовъ; то не можетъ не страдать все тѣло, и опасность для него очевидна. Такъ въ подначальныхъ, недуги одного члена общества могутъ иногда прикрываться благосостояніемъ цѣлаго; но если повреждена большая часть членовъ, опасность угрожаетъ цѣлому обществу. Думаю, что другой, даже и злой ненавистникъ нашъ, могъ бы видѣть это въ нынѣшнее время при такомъ умноженіи Христіанъ. Но въ этомъ человѣкѣ злоба помрачила разсудокъ, и потому равно простираетъ онъ гоненіе и на малое, и на великое.

Особенно дѣтскою, неосновательною и недостойною не только царя, но и сколько нибудь разсудительнаго человѣка, была его мысль, будто бы за перемѣною имени послѣдуетъ перемѣна въ нашемъ

расположеніи, или, будто бы намъ отъ сей перемѣны будетъ стыдно, какъ обвиненнымъ въ чемъ-то гнусномъ. И онъ даетъ намъ новое наименованіе, самъ называетъ насъ, и узаконяетъ намъ именоваться, вмѣсто Христіанъ, Галилеянами. Подлинно имя, отъ Христа заимствованное, славно и досточестно; и онъ умыслилъ лишить насъ сего наименованія, или по сей причинѣ, или потому что страшился силы имени, подобно демонамъ, и замѣнилъ оное другимъ неупотребительнымъ и неизвѣстнымъ. Но мы не будемъ перемѣнять у нихъ именъ; потому что и нѣтъ именъ смѣшнѣе, чтобы замѣнить ими прежнія, каковы ихъ Фаллы, Иѳаллы, Мелампиги, Трагоподъ и почтенный Панъ, одинъ богъ, произшедшій отъ всѣхъ жениховъ и получившій по достоинству своему имя отъ посрамленія. Ибо имъ нужно, чтобы, или одинъ обезчестилъ многихъ, — и при томъ могущественнѣйшій, или одинъ происходилъ отъ многихъ, — и при томъ гнуснѣйшій. И такъ не позавидуемъ имъ ни въ дѣлахъ, ни въ именахъ. Пусть услаждаются своею простотою и хвалятся мерзостями. Если угодно, предоставимъ имъ Вуѳина; готовы сдѣлать и большій подарокъ, уступивъ и Тріеспера, столь величественно раждаемаго и раждающаго, совершившаго тринадцатый подвигъ въ одну ночь (разумѣю пятьдесятъ дочерей Ѳестія), чтобы получить за то наименованіе бога. Ежели бы Христіане захотѣли выдумывать подобныя вещи; то могли бы изъ собственныхъ дѣлъ Юліана найти для него многія, болѣе постыдныя и вмѣстѣ болѣе приличныя наименованія. Ибо что воспрепятствовало бы и намъ, воздавая равнымъ за равное, царя Рим-

скаго, или какъ онъ, обманутый демонами, мечталъ о себѣ, царя вселенной, — назвать Идоліаномъ, Пизеємъ, Адонеемъ и Кавситавромъ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ остролововъ уже прозвали его, такъ какъ это дѣло весьма легкое. Что препятствовало бы примѣнить къ нему и составить для него и другія названія, какія представляетъ дѣйствительная исторія? Но самъ Спаситель и Владыка всяческихъ, Создатель и Правитель міра, Сынъ и Слово великаго Отца, Примиритель, Архіерей и сопрестольный Отцу, для насъ, обезчестившихъ образъ Его, низведенныхъ въ персть и не уразумѣвшихъ великой тайны сочетанія (ш), не только низшедшій до рабскаго зрака, но и возшедшій на крестъ и сошедшій съ Собою мой грѣхъ, чтобы умертвить его, — когда называли Его Самаряниномъ, и (еще хуже) имѣющимъ въ Себѣ бѣса, не стыдился сего и не укорялъ оскорбителей. Тотъ, Кому легко было наказать нечестивыхъ чрезъ Ангельскія силы и единымъ словомъ, со всею кротостію и снисходительностію отсылаетъ отъ Себя оскорбителей, и проливаетъ слезы о распинавшихъ Его. Сколько же незлѣпо думать, что мы, именуемые Галилеянами, будемъ сокрушаться о семъ, или стыдиться сего, или перестанемъ отъ того ревновать о благѣ, и больше уважимъ сіи оскорбленія, нежели душу и тѣло, тогда какъ и ихъ умѣемъ презирать ради истины (Мат. 10, 28. Лук. 9, 24)? Напротивъ того болѣе смѣшно, нежели прискорбно то, о чемъ я говорю; и мы предоставляемъ такую забаву зрѣлищамъ: ибо

(■) т. е. земнаго съ небеснымъ въ чловѣкѣ.

конечно никогда не превзойдемъ тѣхъ, которые на погибель свою забавляются тамъ, и другихъ забавляютъ, подобными вещами.

Но весьма уже лукаво и злонамѣренно то, что, не имѣя силъ убѣдить насъ открыто, и стыдясь принуждать мучительно, но подъ львиною кожею скрываая лисью, или, если угодно, подъ личиною Миноса тая величайшее несправосудіе (не знаю, какъ выразить это точнѣе), употребилъ онъ снисходительное насиліе. Впрочемъ, поспѣшая словомъ, иное представлю желающимъ писать исторію, и думаю, что многіе, почитая даже дѣломъ благочестія поражать словомъ столь пагубнаго человѣка, позаботятся составить трагедію (если такъ должно назвать), или комедію тогдашняго времени, дабы и потомству было передано такое важное дѣло, стоящее того, чтобы не скрывать. Самъ же вмѣсто всего расскажу для примѣра одно или два изъ его дѣяній, расскажу для удивляющихся ему чрезъ мѣру; пусть знаютъ, что они удостоиваютъ похвалы такого человѣка, для котораго не лзя найти даже и порицанія, какое онъ заслужилъ.

Не знаю, у всѣхъ ли народовъ, живущихъ подъ властію царей, по крайней мѣрѣ у Римлянъ строго соблюдается одно царское постановленіе: въ честь царствующихъ ставить всенародно ихъ изображенія. Къ утвержденію ихъ царской власти не довольно вѣнцевъ, діадимъ, багряницы, многочисленныхъ законовъ, податей и множества подданныхъ; чтобы внушить болѣе уваженія къ власти, они требуютъ еще поклоненія, и поклоненія не только своей особѣ, но и своимъ изваяннымъ и живописнымъ изо-

браженіямъ, чтобы воздаваемое имъ почтеніе было полнѣе и совершеннѣе. Къ таковымъ изображеніямъ каждый Императоръ обыкновенно присовокупляетъ что-нибудь свое. Одинъ изображаетъ, какъ знаменитѣйшіе города приносятъ ему дары; другій, — какъ побѣда вѣнчаетъ его главу; иной, — какъ преклоняются предъ нимъ сановники, украшенные отличіями власти; другіе представляютъ или звѣрей, пораженныхъ мѣткими ударами, или варваровъ, побѣжденныхъ и поверженныхъ къ ногамъ. Цари услаждаются не только самими дѣлами, въ которыхъ поставляютъ свою славу, но и ихъ изображеніями.

Что же онъ умышляетъ? какія строить ковчѣи для Христіанъ, наиболѣе твердыхъ? Подобно тѣмъ, которые подмѣшиваютъ въ пищу ядъ, къ обыкновеннымъ царскимъ почестямъ примѣшиваетъ онъ нечестіе, и съ Римскими установленіями соединяетъ поклоненіе идоламъ. Посему на изображеніяхъ своихъ, вмѣстѣ съ другими обыкновенными начертаніями, написавъ демоновъ, предлагаетъ такіа изображенія народу и городамъ и особенно начальникамъ областей, чтобы зло было вовсе неизбежно, чтобы, или воздавающій честь Императору воздавалъ оную и идоламъ, или уклоняющійся отъ чествованія идоловъ казался оскорбителемъ чести Императора; потому что поклоненіе воздавалось совокупно. Такого обмана и сѣтей нечестія, столь хитро разставленныхъ, избѣгли немногіе, которые были богобоязненнѣе и проникательнѣе другихъ; но они и наказаны за свою проникательность, подъ предлогомъ, что оскорбили честь Императора; въ дѣйствительности же пострадали за истиннаго Царя и

за благочестіе. А люди простые и неразсудительные по большей части были уловлены, и имъ, можетъ быть, самое невѣдѣніе послужить извиненіемъ, какъ вовлеченнымъ въ нечестіе хитростію. Одного такого поступка достаточно, чтобы опозорить намѣреніе царя. Ибо думаю, что не одно и тоже прилично царю и простолюдину, такъ какъ достоинство ихъ не одинаково. Въ простолюдинѣ извинили бы мы какой-нибудь и хитрый поступокъ; ибо кому не возможно дѣйствовать явною силою, тому извинительно прибѣгать и къ хитрости: но царю очень стыдно уступить силѣ, а еще стыднѣе и неприличнѣе, какъ думаю, прикрывать свои предпріятія и намѣренія хитростію.

Другое дѣло его, по мысли и намѣренію одинаково съ первымъ, но по обширности дѣйствія гораздо хуже и нечестивѣе; потому что зло распростиралось на большее число людей. И я присовокуплю это къ сказанному: Наступилъ день раздачи царскихъ даровъ, или годичный, или тогда нарочито назначенный царемъ съ злымъ умысломъ. Надлежало собраться войску, чтобы каждый получилъ награду по достоинству и чину. Здѣсь открылось новое явленіе низости, новое зрѣлище нечестія! Безчеловѣчіе прикрашено какимъ-то человѣколюбіемъ, неразуміе и жадность, по большей части неразлучныя съ воинами, уловлены деньгами. Блистательно торжествуя надъ благочестіемъ и гордясь своими ухищреніями, во всемъ блескѣ предсѣдательствовала Царь; подобно какому-нибудь Мелампу или Протею, и былъ и казался всѣмъ, безъ труда преображаясь въ новые виды. Что же происходило вокругъ него; и какихъ достойно сіе ры-

даній для благомыслящихъ , не только тогда присутствовавшихъ , но и теперь слышавшихъ о такомъ зрѣлищѣ! Предложено было золото , предложень и ладанъ; по близости былъ огонь , не далеко распорядители. И какой благовидный предлогъ! Казалось , что таковъ уставъ царской раздачи даровъ , освященной древностію и высоко цѣнимой! Что же за симъ? Надлежало возложить на огонь еиміамъ и получить отъ Царя цѣну своей гибели , цѣну малую за дѣло великое — за цѣлую душу , за нечестіе противъ Бога. Гибельная купля! горькое возмездіе! Цѣлое воинство продавалось однимъ злоухищреніемъ; покорители вселенной падали отъ малаго огня , отъ куска золота , отъ небольшого куренія , и большая часть не чувствовали своего пораженія , что было всего горестнѣе. Каждый приступалъ съ надеждою приобрѣтенія , но приобрѣтая терялъ самаго себя; поклонялся десницѣ Царя , и не думалъ , что поклоняется своему убійцѣ. И выразумѣвшимъ дѣло было не легче; потому что , однажды увлекшись зломъ , первый нерассудительный поступокъ почитали они для себя ненарушимымъ закономъ. Какія тысячи Персовъ , стрѣлковъ и пращниковъ , какіе закованные въ желѣзо и ни откуда не уязвляемые войны , какія стѣнобитныя орудія успѣли бы въ томъ , что совершенно одною рукою , въ одно время , гнуснымъ умысломъ?

Присовокуплю одно сказаніе , возбуждающее болѣе жалости , нежели доселѣ описанное. Говорятъ , что нѣкоторые изъ обманутыхъ по невѣдѣнію , когда , подвергшись обольщенію , возвратились домой раздѣлить съ товарищами трапезу , и когда пришло

ста; Онъ замѣляетъ намъ все». Такъ говорили они, и въ тоже время увѣщавали другихъ познать обманъ, истрезвиться отъ упоенія, и оправдать себя предъ Христомъ кровію. Царь вознегодовалъ на нихъ, но удержался умертвить явно, чтобы не сдѣлать мучениками тѣхъ, которые были уже мучениками, сколько состояло то въ ихъ власти; Царь осудилъ ихъ на изгнаніе, и такимъ мщеніемъ оказалъ величайшее благодѣяніе; потому что удалилъ отъ своихъ сквернъ и козней.

Хотя таковы были его желанія, и во многихъ случаяхъ употреблялъ онъ коварство: однако же, поелику не имѣлъ въ сердцѣ твердости и слѣдовалъ болѣе внушенію злаго духа, нежели собственному разсудку, то не выдержалъ своего намѣренія до конца и не сохранилъ злобы въ-тайнѣ. Сказываютъ объ огнѣ Этны, что, накопляясь внизу и удерживаемый силою, до времени кроется онъ на днѣ горы, и сперва издаетъ страшные звуки (вздохи ли то мучимаго исполина, или что другое), такъ же изъ вершины горы извергаетъ дымъ — предвѣстіе бѣдствія; но когда накопится и сдѣлается неудержимымъ, тогда выбрасываемый изъ нѣдръ горы несется вверхъ, летитъ черезъ края жерлъ, и страшнымъ до неимовѣрности потокомъ опустошаетъ ниже лежащую землю. Тоже видѣть можно и въ немъ. До времени владѣлъ онъ собою, держался своего злоухищреннаго правила, и вредилъ намъ обольщеніемъ; когда же неудержимый гнѣвъ переступилъ мѣру, тогда не въ состояніи онъ былъ скрывать своей злонамѣренности и всталъ открытымъ гоненіемъ на божественный и благочестивый нашъ сонмъ.

Умолчу объ указахъ его противъ святыхъ храмовъ, которые и всенародно были объявляемы и тайно исполняемы, о разграбленіи церковныхъ вкладовъ и денегъ, столько же по жадности къ корысти, сколько и по нечестію, о расхищеніи священныхъ сосудовъ и ихъ поруганіи скверными руками; о священноначальникахъ и ихъ подчиненныхъ, которые за нихъ были влачима и истязуемы, о покрытыхъ кровію столпахъ, которые обвивали и опоясывали они руками во время своего бичеванія; о стрѣлкахъ, которые, превосходя свирѣпостію и ревностію давшаго имъ повелѣніе, бѣгали по селеніямъ и городамъ, чтобы покорить насъ, какъ будто Персовъ, Скивовъ и другихъ варваровъ. Не буду говорить обо всемъ этомъ: но кто не знаетъ о безчеловѣчій Александрійцевъ? Они и прежде много издѣвались надъ нами, и теперь, безъ мѣры воспользовавшись временемъ, какъ народъ по природѣ мятежный и изступленный, къ нечестивымъ дѣламъ своимъ, какъ сказываютъ, присовокупили еще то, что святой храмъ нашъ наполнили сугубою кровію, кровію жертвенною и кровію человѣческою, и это сдѣлали подъ предводительствомъ одного изъ царскихъ философовъ (щ), который чрезъ сіе только составилъ себѣ имя. Кому неизвѣстно буйство жителей Иліополя? и сумазбродство жителей Газы, которымъ онъ удивлялся и отдавалъ честь за то, что хорошо понимали, въ чемъ поставляетъ онъ свое величіе? и неистовство жителей Аревузы, ко-

(щ) Онъ назывался Пинѳодоромъ.

торые доселѣ были неизвѣстны, а съ сего времени стали очень извѣстными? Ибо людямъ доставляютъ громкое имя не одни благодѣтельныя, но и злыя дѣла, когда они не находятъ себѣ одобренія даже у порочныхъ.

О жителяхъ Газы (изъ многихъ ихъ злодѣяній должно рассказать хотя одно, которое бы могло привести въ ужасъ и безбожниковъ) говорятъ, что они непорочныхъ дѣвъ, проводившихъ премірную жизнь, и которыхъ едва-ли когда касался мужескій взоръ, изведя на среду и обнаживъ, чтобы прежде поругать ихъ такимъ позоромъ, потомъ разсѣкли и раздробили на части и (какъ мнѣ постигнуть долготерпѣніе Твое, Христе, въ то время!) одни злобно терзали собственными зубами, какъ достойные читатели бѣсовъ — пожирали сырыя печени, и послѣ такой снѣди принимались за общую и обыкновенную пищу; другіе, трепещущія еще внутренности дѣвъ, посыпавъ свиннымъ кормомъ и припустивъ самыхъ свирѣпыхъ свиней, какъ-бы для того открыли такое зрѣлище, чтобы видѣть, какъ будетъ пожираема и терзаема плоть съ ячменемъ — эта смѣшанная снѣдь, дотолѣ невиданная и неслыханная. И виновникъ сихъ дѣлъ стоялъ того, чтобы такую снѣдію кормить только своихъ демоновъ; какъ и хорошо напиталъ ихъ своею кровію изъ раны, полученной близъ сердца; хотя не понимаютъ этого люди жалкіе, по крайнему нечестію неспособные даже разсуждать.

Кто же такъ удаленъ отъ обитаемыхъ нами странъ, чтобы не зналъ и не предупредилъ рассказомъ воспоминающаго о чудномъ Маркѣ и жителяхъ

My witness of the evil being

142

Ареузы ? При славномъ Констанціѣ , по данной тогда Христіанамъ власти , онъ разрушилъ одно демонское жилище , и многихъ отъ языческаго заблужденія обратилъ на путь спасенія , не менѣе своею свѣтоносною жизнію , какъ и силою слова. За сіе жители Ареузы , особенно тѣ изъ нихъ , которые были привержены къ почитанію демоновъ , давно уже негодовали на него. А какъ скоро дѣла Христіанъ поколебались , язычество же начало воздыматься , Маркъ не избѣжалъ господствующей силы времени. Народъ хотя на время и удерживаетъ свое негодованіе , однакоже , какъ огонь , кроющійся въ горючемъ веществѣ , или какъ потокъ , удерживаемый силою , если только представится случай , обыкновенно воспламеняется и расторгаетъ преграды. Маркъ , видя противъ себя движеніе народа , который не знаетъ мѣры ни въ замыслахъ , ни въ угрозахъ , — сначала рѣшается бѣжать , не столько по малодушію , сколько послѣдуя заповѣди , которая повелѣваетъ бѣгать изъ города въ городъ (Мат. 10, 23.) и уклоняться отъ гонителей; потому что Христіане , при всемъ своемъ мужествѣ и готовности къ терпѣнію , должны не только имѣть въ виду свою пользу , но и щадить гонителей , дабы , сколько возможно , не увеличить чѣмъ либо опасности , въ какой находятся враги ихъ. Когда же Маркъ узналъ , что многихъ за него влекутъ и гонятъ , а многіе по лютости гонителей подвергаются опасности жизни , не захотѣлъ для своей безопасности равнодушно смотрѣть на бѣдствія другихъ. Посему предпринимаетъ другое намѣреніе , самое лучшее и лубомудрое : возвращается изъ бѣгства , добровольно

выдаетъ себя народу — дѣлать съ нимъ что хотять, и съ твердостію выступаетъ противъ трудныхъ обстоятельствъ. Какихъ здѣсь не было ужасовъ? Какихъ не придумано жестокостей? Каждый прибавлялъ что-нибудь свое къ довершенію зла; не постыдились (не говоря о чемъ другомъ) любомудрія мужа; оно еще болѣе раздражало ихъ; потому что возвращеніе Марка почитали болѣе презрѣніемъ къ себѣ, нежели его мужествомъ въ перенесеніи опасностей. Ведень былъ посреди города старецъ — священникъ, произвольный страдалецъ, и по лѣтамъ, а еще болѣе по жизни, почтенный для всѣхъ, кромѣ гонителей и мучителей. Ведень былъ людьми всякаго возраста и состоянія; тутъ были всѣ безъ исключенія, мужи и жены, юноши и старцы, люди отправлявшіе градскія должности и украшенные почестями; всѣ усиливались превзойти другъ друга наглостію противъ старца; всѣ считали дѣломъ благочестія, нанести ему какъ можно болѣе зла и побѣдить престарѣлаго подвижника, боровшагося съ цѣлымъ городомъ. Влекли его по улицамъ, сталкивали въ нечистыя ямы, владчили за власы; не осталось ни одной части тѣла, надъ которою бы не наругались, которой бы не терзали нечестивцы, достойно терпящіе терзанія въ таинствахъ Миеры (ъ);

(ъ) Миерьъ покланялись Персы, Халден и въ послѣдствіи времени Греки и Римляне; при таинствахъ, совершавшихся въ пещеръ Миеры, поклонники его подвергались двѣнадцати жестокимъ испытаніямъ: томилась голодомъ, терпѣли бичеванія, проходили черезъ огонь, и проч. Въ числѣ поклонниковъ Миеры былъ и Юліанъ.

дѣти поднимали въ верхъ тѣло доблестнаго страдальца, на желѣзныхъ остріяхъ, и передавали его одни другимъ, обращая въ забаву сіе плачевное зрѣлище; голени старца тискали сгнетами до костей, уши рѣзали тонкими и крѣпкими нитками, поднявъ самаго на воздухъ въ коробѣ. Облитаго медомъ и отваромъ, среди дня жалили его осы и пчелы, между тѣмъ солнце жгучимъ зноемъ палило и пекло плоть его, готова изъ сего блаженнаго (не могу сказать, несчастнаго) тѣла для нихъ самую горячую свѣдь. При семъ, сказываютъ (и это стоитъ, чтобы записать), старецъ, юный для подвиговъ (такъ какъ и среди лютыхъ страданій не престаивалъ онъ являть свѣтлое лице, и услаждался самими муками), произнесъ достопамятное и достославное изреченіе: «это прекрасное предзнаменованіе, что я вижу себя на высотѣ, а ихъ внизу, на землѣ». Такъ онъ много возвышался духомъ надъ тѣми, которые его держали! Такъ далекъ былъ отъ скорби, что какъ будто присутствовалъ при страданіяхъ другаго, и не бѣдствіемъ, а торжествомъ считалъ происходившее съ нимъ. И кто бы не тронулся всѣмъ симъ, имѣя хотя нѣсколько милосердія и челоуколюбія? Но сему препятствовали обстоятельства и неистовство Царя, который требовалъ безчелоубія и отъ черни, и отъ городовъ, и отъ начальниковъ, хотя для многихъ, не знавшихъ глубины его злобой хитрости, и представлялось сіе въ иномъ видѣ.— Вотъ какія мученія вытерпѣлъ мужественный старецъ! И за что? За то, что не хотѣлъ одной золотой монеты бросить истязателямъ, чѣмъ и доказалъ, что подвизался за благочестіе. Ибо, доколѣ Ареоу-

зійцы, положивъ за разрушенный имъ храмъ слишкомъ высокую цѣну, требовали, чтобы онъ или заплатилъ всѣ деньги сполна, или вновь выстроилъ храмъ, дотолѣ можно было еще думать, что онъ противится имъ болѣе по невозможности исполнить требуемое, чѣмъ по искреннему благочестію. Но когда мало по малу побѣждая ихъ своею твердостью, и каждый разъ убавляя что-нибудь изъ цѣны, наконецъ довелъ онъ ихъ до того, что просили съ него самое малое количество, которое весьма легко было уплатить, и послѣ сего, съ равною неуступчивостію, одни домогались взять хоть что нибудь и тѣмъ доказать свою побѣду, а другой не хотѣлъ ничего дать, чтобы только не остаться побѣжденнымъ, хотя многіе, не только по побужденію благочестія, но и по уваженію къ непобѣдимой твердости старца, усердно вызывались заплатить болѣе, чѣмъ требовалось: тогда уже ясно можно было видѣть, что онъ не денегъ жалѣетъ, а подвизается за благочестіе. Что означали такіе поступки съ Маркомъ, снисходительность ли и кротость, или наглость и безчеловѣчіе, пусть скажутъ намъ удивляющіеся Царю — философу; я думаю, что никто не затруднится дать на сіе справедливый и истинный отвѣтъ. Надобно еще прибавить, что Маркъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые тайно увели и тѣмъ спасли сего нечестивца, тогда какъ весь родъ его подвергался опасности погибнуть: можетъ быть потерпѣлъ онъ достойно всѣ сіи муки, да еще и большихъ страданій былъ достоинъ за то одно, что, самъ того не зная, сохранилъ такое зло для всей

вселенной. Говорятъ, что бывшій тогда Ипархъ (м) (по религіи язычникъ, а по нравамъ возвышавшійся надъ язычниками и уподоблявшійся лучшимъ мужамъ, славнымъ въ древности и нынѣ), не могши равнодушно смотрѣть на различныя муки и терпѣніе сего мужа, смѣло сказалъ Царю: не стыдно ли намъ, Царь, что всѣ Христіане побѣждаютъ насъ, такъ что и одного старика, претерпѣвшаго всѣ мученія, мы не могли одолѣть? И одолѣть его — дѣло не великое, но быть отъ него побѣжденнымъ — не крайнее ли бѣдствіе? — Такъ, чего низшіе начальники, по долгу, стыдились, тѣмъ гордился Царь! Можетъ ли быть что-нибудь бѣдственнѣе сего, не столько для страдавшихъ, сколько для дѣйствовавшихъ? Таковы дѣла Ареузійцевъ! Безчеловѣчіе Эхета и Фаларида (ь) маловажно въ сравненіи съ ихъ жестокостію, или лучше съ жестокостію того, по чьему побужденію и распоряженію это дѣлалось; такъ какъ отъ сѣмени происходятъ отпрыски и отъ вѣтра кораблекрушеніе.

Каковы же и какъ нестерпимы и другія дѣла его? Кто мнѣ дастъ досужливость и языкъ Геродота и Фукидида, чтобы я могъ передать будущимъ временаамъ изображеніе всей злости сего человѣка, и какъ-бы на столпѣ начертать для потомства исторію сего времени? Я умолчу объ Оронтѣ и о мёртвецахъ, которыхъ въ ночное время, скрывая зло-

(м) Намѣстникъ Претора. Созоменъ называетъ его Саллюстіемъ.

(ь) Имена двухъ мучителей, изъ коихъ одинъ былъ въ Египтѣ, другой въ Агригентѣ.

дѣйства Царя, рѣка сія, спертая трупами, тайно губила. Это слова поэта (ѳ), которыя приличнѣе можно отнести къ Оронту. Не буду говорить и о тѣхъ тайныхъ отдаленныхъ частяхъ дворца его, и о тѣхъ прудахъ, колодцахъ и рвахъ, которые наполнены были недобрыми сокровищами, то есть, не только трупами отроковъ и дѣвъ, разсѣченными при таинствахъ для вызыванія душъ, для гаданій и беззаконныхъ жертвоприношеній, но и тѣлами пострадавшихъ за благочестіе. Не станемъ, если угодно, обвинять его въ этомъ, такъ какъ и самъ онъ стыдился сего и тѣмъ показывалъ хотя нѣкоторую умѣренность. Это видно изъ того, что онъ старался скрыть сія беззаконія, какъ мерзость, которой не должно обнаруживать. А что нашихъ Кесарійцевъ, сихъ великодушныхъ и пламенныхъ ревнителей благочестія, онъ такъ гналъ и позорилъ, за это можетъ быть нѣтъ нужды и порицать его: ибо онъ доведенъ былъ до сего мщенія справедливымъ, какъ ему казалось, негодованіемъ на нихъ за храмъ богини счастья, потерпѣвшей несчастіе, во время счастливое (э). Надобно же сколько-нибудь уступить и неправдѣ, когда она уже взяла надъ нимъ такую

(ѳ) Св. Григорій приводитъ здѣсь слова Гомера о Смаандрѣ, стѣсненномъ трупами убитыхъ Ахилломъ. *Иліад.* XXI..ст. 220. Юліанъ въ Антиохіи, тайно, по ночамъ умерщвлялъ многихъ Христіанъ, и волны Оронта скрывали свидѣтелей истинны и обличителей нечестія.

(э) Въ царствованіе Юліана кто-то изъ Христіанъ, жившихъ въ Кесаріи, сжегъ храмъ, посвященный Фортунѣ: за что Царь многихъ жителей Кесаріи сослалъ въ заточеніе.

силу! Но кто не знает слѣдующаго событія? Когда въ одной области чернь неистовствовала противъ Христіанъ, и, умертвивши многихъ изъ нихъ, грозила сдѣлать еще болѣе; областной начальникъ, желая держаться средины между требованіями законовъ и духомъ времени (такъ какъ и духу времени служить считалъ себя обязаннымъ, и имѣлъ нѣкоторое уваженіе къ законамъ), многихъ изъ Христіанъ сослалъ въ ссылку, и вмѣстѣ немногихъ изъ язычниковъ подвергнулъ наказанію. Чтѣ-жъ вышло? На него донесли; вдругъ, съ великимъ безчестіемъ, схватили его и представили Царю, и онъ преданъ былъ суду за то, что наказалъ язычниковъ, хотя ссылался на законы, по коимъ судить было ему поручено, едва не приговоренъ былъ къ смерти; наконецъ Царь явилъ ему свое человеколюбіе, то есть, осудилъ его на изгнаніе. И при этомъ какое услышали удивительное и человеколюбивое изреченіе! «Что за важное дѣло», сказалъ правосудный, не преслѣдующій Христіанъ судія (ю), «если одна рука языческая умертвила десять Галилеянъ?» Не явная ли это жестокость? Не указъ ли это о гоненіи, болѣе ясный и ужасный, чѣмъ тѣ, которые изданы всенародно? Въ самомъ дѣлѣ, какое различіе въ томъ: объявить ли указомъ гоненіе Христіанамъ, или изъяслять свое удовольствіе гонителямъ ихъ, и нѣкоторую справедливость относительно Христіанъ вмѣнять въ тяжкое преступленіе. Воля царя есть неписанный законъ, огражденный силою власти и

(ю) Юліанъ.

болѣ сильный, чѣмъ писанные указы, не подкрѣпляемые властію.

Нѣтъ, говорятъ почитатели дѣлъ его, вымышляющіе намъ новаго бога, кроткаго и челоуѣколюбиваго, онъ не предписывалъ всенародно указами гнать Христіанъ, и заставляетъ ихъ терпѣть все, что гонителямъ будетъ угодно, и тѣмъ думаютъ доказать, что онъ не былъ гонителемъ. Но никто еще не называлъ гидры кроткою за то, что она вмѣсто одной головы, если вѣрять баснѣ, имѣетъ девять, или Патарской химеры — за то, что у ней три головы, не похожія одна на другую, отъ чего она кажется еще страшнѣе; или адскаго цербера — кроткимъ за то, что у него три же головы, похожія одна на другую; или морскаго чудовища Сциллы за то, что вокругъ нея, шесть отвратительныхъ головъ, и хотя, какъ говорятъ, верхняя половина ея показывала нѣчто благообразное, кроткое, и не непріятное для глазъ (ибо Сцилла была дѣвица, имѣвшая нѣчто сродное съ нами); но ниже были головы собачьи, звѣринныя, не имѣвшія ничего благовиднаго, губившія множество кораблей, и столько же опасныя, какъ и головы противулежащей Харибды. И ужели ты будешь винить стрѣлы стрѣлка и камни пращника, а не самаго стрѣлка и пращника, или винить собакъ охотничьихъ, яды составителей ядовъ, рога бодающихся быковъ, когти хищныхъ звѣрей, а дѣйствующихъ ими будешь оставлять въ сторонѣ и считать невинными въ томъ, на что они отваживаются? Подлинно это было бы крайнее безуміе, дѣло, достойное настоящаго софиста, защищающаго свои пороки, и силою слова закрывающаго истину. Впрочемъ

ему не скрыть себя, хотя бы вертѣлся онъ на всѣ стороны, хотя бы по своей хитрости принималъ всѣ возможные виды и надѣвъ, какъ говорить, шлемъ Аида (я), или владѣя перстнемъ Гигеса и оборачивая къ себѣ печать его, могъ дѣлаться невидимымъ. Напротивъ того, чѣмъ болѣе покушается онъ убѣжать и скрыться, тѣмъ болѣе уловляется предъ судомъ истины и предъ свѣдущими судіями таковыхъ дѣлъ, какъ виновный въ такихъ поступкахъ и предпріятіяхъ, которыхъ и самъ не захочетъ защищать, и называть справедливыми. Такъ легко уловляется лукавство! Такъ оно само себя поражаетъ со всѣхъ сторонъ!

Но не подумайте, чтобы только уже сдѣланное имъ было столько низко и несообразно съ благородствомъ и достоинствомъ царскимъ, а что замышлялъ сдѣлать, то было болѣе человѣколюбиво, болѣе достойно царя. Нѣтъ! Хорошо бы еще было, если бы преднамѣреваемыя имъ дѣла не были гораздо безчеловѣчнѣе тѣхъ, о которыхъ сказано. Какъ при движеніи дракона, одни сгибы чешуи его уже поднялись, другіе поднимаются, иные готовы къ тому же, а нѣкоторые, хотя до времени еще покойны, но не могутъ не придти въ движеніе; или, если угодно другое сравненіе, какъ при ударѣ молніи однѣ части уже горятъ, а другія напередъ чер-

(я) Покрытый шлемомъ Аида (или Плутона), какъ говоритъ Гомеръ (Иліад. V, 845.), былъ невидимъ другими, находясь предъ глазами ихъ. Другіе (именно Платонъ во II-й книгѣ Республики) тоже рассказываютъ о перстнѣ Гигеса, царя Лидійскаго.

нѣютъ, пока огонь усилившись и ихъ не охватитъ: такъ и у него однѣ злодѣйства уже совершались, а другія были предназначиваемы въ его надеждахъ и въ угрозахъ противъ насъ, и сіи предназначенія были такъ нелѣпы и необыкновенны, что только ему могло придти на умъ — составить такіа намѣренія и захотѣть привести ихъ въ дѣйствіе, хотя и прежде его много было гонителей и враговъ Христіанъ. Ибо о чемъ не помышляли ни Діоклитіанъ, первый изъ лютейшихъ гонителей Христіанства, ни преемникъ его Максиміанъ, превзошедшій его въ жестокости, ни послѣдовавшій за ними и злѣйшій ихъ гонитель Максиминъ, потерпѣвшій за сіе ужасную казнь, гнусную язву тѣлесную (е), которой знаки изображены, какъ на позорныхъ столбахъ, на его статуяхъ, стоящихъ и доннѣ въ публичныхъ мѣстахъ; то замышлялъ онъ, какъ пересказываютъ сообщники и свидѣтели тайныхъ его дѣлъ; но удержанъ былъ Божиимъ человеколюбіемъ и слезами Христіанъ, которыя обильно были проливаемы многими какъ единственное врачевство противъ гонителя. Замыслы же его состояли въ томъ, чтобы лишить Христіанъ всѣхъ правъ, и запретъ для нихъ всѣ собранія, всѣ площади, всѣ общественныя празднества и даже самыя судилища: ибо, по его мнѣнію, не должно пользоваться всѣмъ симъ тому, кто не захочетъ возжигать еиміама на стоящихъ тамъ жертвенникахъ и не заплатитъ такъ дорого

В
Максиминъ
судилища

(е) Максиминъ умеръ отъ зловонныхъ ранъ, кои поражена была нижняя часть чрева его.

за права столь общія. О законы, законодатели и цари! Какъ Творецъ, съ одинаковымъ челоѡколюбіемъ, для всѣхъ общимъ и неоскуднымъ, даетъ всѣмъ наслаждаться и красотой неба, и свѣтомъ солнечнымъ, и разліаніемъ воздуха: такъ и вы всѣмъ свободнымъ людямъ одинаковое и равное предоставляете право пользоваться покровительствомъ законовъ. А онъ замышлялъ отнять у Христіанъ сіе право, такъ чтобы они, претерпѣвая и насильственные притѣсненія и отнятіе имущества, и всякую другую, важную или неважную, обиду, возбраненную законами, не могли получать законнаго удовлетворенія въ судѣ. Пусть гонятъ ихъ съ отечественной земли, пусть умерщвляютъ, пусть, если возможно, не дадутъ имъ и свободнодохнуть! Страдавшихъ все сіе конечно утверждало болѣе въ ревности и дерзновеніи предъ Богомъ, а дѣйствовавшихъ еще болѣе приводило къ беззаконіямъ и безчестію. И какое же, по видимому, премудрое основаніе для сего приводилъ этотъ убійца и отступникъ, нарушитель законовъ и законодатель, или, скажу точнѣе — словами нашихъ книгъ Священныхъ, сей врагъ и местникъ (Псал 8, 3.)? — То, что въ нашемъ законѣ предписано: не мститъ, не судиться (Римл. 12, 19. 1 Кор. 6, 1.), не имѣть вовсе стяжаній, не считать ничего собственностію (Мате 10, 9. Дѣян. 4, 32.), но жить въ другомъ мірѣ и настоящей презирать, какъ ничтожное (Филип. 3, 20. 2 Кор. 4, 18.), не воздавать зломъ за зло (Римл. 12, 17.), когда кто ударитъ насъ въ ланиту, не жалѣть ея, а подставить ударившему и другую, отдавать съ себя не только верхнюю одежду,

но и рубашку. Можетъ быть къ сему присоединить онъ и то , что намъ предписано молиться за обижających и желать всякаго блага гонящимъ насъ (Матѣ. 5, 39. 40. 44.). Какъ не знать сего въ точности тому, кто нѣкогда былъ чтецомъ слова Божія, удостоенъ былъ чести служенія великому олтарю, и начиналъ строить храмы въ честь Мучениковъ?

Но вотъ чему во-первыхъ я удивляюсь въ немъ: какъ онъ столь тщательно занимался Св. Писаніемъ, а не прочелъ или намѣренно не замѣтилъ того изреченія, что злый злѣ погибнетъ (Матѣ. 21, 41.), злый, то есть всякій, кто отвергся Бога, и, что еще хуже , кто гонитъ твердо хранящихъ исповѣданіе вѣры и отягчаетъ ихъ такими бѣдствіями , какихъ самъ достоинъ. Если онъ можетъ доказать, что какъ намъ должно быть совершенными (что онъ предписываетъ закономъ), и неуклонно держаться данныхъ намъ правилъ , такъ ему назначено , или, по волѣ боговъ его, за лучшее — признано быть самымъ злымъ человекомъ , и что изъ двухъ противоположныхъ навыковъ, кои суть добродѣтель и порокъ , намъ присуждена лучшая часть, а ему и подобнымъ ему брошенъ худшій жребій ; то пусть онъ сознается въ этомъ , и тогда за нами останется побѣда , что засвидѣтельствуютъ и сами враги и гонители наши. Если же и они присвоятъ себѣ нѣсколько честности и кротости, по крайней мѣрѣ на словахъ, хотя не на дѣлѣ; если и они, при всемъ томъ, что слишкомъ худы и довольны злыми богами своими, не дошли еще до того безстыдства, чтобы признавать порокъ за жребій имъ собственно принадлежащій: то пусть скажутъ, какъ это можетъ быть справедливо и гдѣ

это предписано, чтобы намъ среди воѣхъ страданій только терпѣть, а имъ не щадить насъ, хотя мы и щадили ихъ? Въ самомъ дѣлѣ посмотрите на прошедшее. Были времена и нашего могущества и вашего, и оно переходило попеременно то въ тѣ, то въ другія руки: какія же напасти терпѣли вы отъ Христіанъ, подобныя тѣмъ, кои такъ часто терпятъ отъ васъ Христіане? Лишали ли мы васъ какихъ-либо правъ? Возбуждали ли противъ кого неистовую чернь? Вооружали ли противъ кого начальниковъ, которые бы поступали строже, нежели какъ имъ предписано? Подвергли ли кого опасности жизни? Отняли ли у кого власть и почести, принадлежащія мужамъ отличнѣмъ? Словомъ, нанесли ли кому такія обиды, на которыя вы такъ часто отваживались, или которыми угрожали намъ? Безъ сомнѣнія сами вы того не скажете, вы, которые ставите намъ въ вину нашу кротость и челоуѣколюбіе.

Сверхъ сего, ты, мудрѣйшій и разумнѣйшій изъ всѣхъ, ты, который принуждаешь Христіанъ держаться на самой высотѣ добродѣтели, какъ не разсудишь того, что въ нашемъ законѣ иное предписывается, какъ необходимое, такъ что не соблюдающіе того подвергаются опасности, другое же требуется не необходимо, а предоставлено свободному произволенію, такъ что соблюдающіе оное получаютъ честь и награду, а не соблюдающіе не навлекаютъ на себя никакой опасности? Конечно, если бы всѣ могли быть наилучшими людьми и достигнуть высочайшей степени добродѣтели, это было бы всего превосходнѣе и совершеннѣе. Но поелику Божест-

венное должно отличать отъ человѣческаго, и для одного нѣтъ добра, котораго бы оно не было причастно, а для другаго велико и то, если оно достигаетъ среднихъ степеней: то почему же ты хочешь предписывать закономъ то, что не всѣмъ свойственно, и считаешь достойными осужденія не соблюдающихъ сего? Какъ не всякой, не заслуживающей наказанія, достоинъ уже и похвалы; такъ не всякой, не достойной похвалы, посему уже заслуживаетъ и наказаніе. Надобно требовать должнаго совершенства, но не выступая изъ предѣловъ свойственнаго намъ любу мудрїа и силъ человѣческихъ.

Но я долженъ опять обратить мое слово къ словеснымъ наукамъ; я не могу не возвращаться часто къ нимъ; надобно постараться защитить ихъ по возможности. Много сдѣлалъ богоотступникъ тяжкихъ несправедливостей, за которыя онъ достоинъ ненависти; но ежели въ чемъ, то особенно, кажется, въ этомъ онъ нарушалъ законы. Да раздѣлять со мною мое негодованіе всѣ любители словесности, занимающіеся ею, какъ своимъ дѣломъ, люди, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать. Ибо все прочее оставилъ я другимъ, желающимъ того, оставилъ богатство, знатность породы, славу, власть, словомъ—все, что кружится на землѣ, и улаждаетъ людей не болѣе, какъ сновидѣніе. Одно только удерживаю за собою, — искусство слова, и не порицаю себя за труды на сушѣ и на морѣ, которые доставили мнѣ сіе богатство. О когда бы я и всякій мой другъ могли владѣть силою слова! Вотъ первое, что возлюбилъ я, и люблю послѣ первѣйшаго, то есть, Божественнаго и тѣхъ надеждъ, которыя

выше всего видимаго. Если же всякаго гнететь своя ноша, какъ сказалъ Пиндаръ, то и я не могу не говорить о любимомъ предметѣ, и не знаю, можетъ ли что быть справедливѣе, какъ словомъ воздать благодарность за искусство слова словеснымъ наукамъ. И такъ скажи, намъ легкомысленнѣйшій и ненасытнѣйшій изъ всѣхъ, откуда пришло тебѣ на мысль запретить Христианамъ учиться словесности? Это было не простая угроза, но уже законъ. Откуда же вышло сіе и по какой причинѣ? Какой краснорѣчивый Гермесь (какъ ты могъ бы выразиться) вложилъ тебѣ сіе въ мысли? Какіе злохитрые Телхины (v) и завистливые демоны? Если угодно, скажемъ и этого причину; именно: послѣ столь многихъ противузаконныхъ и злыхъ дѣлъ, надлежало тебѣ наконецъ дойти и до сего, и тѣмъ явно напасть на самага себя, такъ что, гдѣ ты особенно думалъ дѣйствовать умно, тамъ-то наипаче, самъ того не замѣчая, опозорилъ себя и доказалъ свое безуміе. Если же не такъ, то объясни, что значитъ это твое опредѣленіе, и какая причина побудила тебя ввести сіе новое постановленіе касательно словесныхъ наукъ? И ежели ты скажешь что нибудь справедливое, мы не будемъ обвинять тебя, а будемъ только жалѣть о себѣ. Ибо мы научились какъ побѣждать убѣжденіями разума, такъ и уступать надъ собою законную побѣду.

Словесныя науки и Греческая образованность (*τὸ ἑλληνίζειν*), говорить онъ, наши, такъ какъ намъ же

(v) Телхины — древніе жрецы, чародѣи и ваятели кумировъ на островѣ Родосѣ.

принадлежитъ и чествованіе боговъ; а вашъ удѣлъ — необразованность и грубость, такъ какъ у васъ вся мудрость состоитъ въ одномъ: *въруй*. Но и у васъ, я думаю, не посмѣются надъ этимъ Пифагорейскіе философы, для которыхъ : *самъ сказалъ*, есть первый и высшій догматъ, болѣе уважаемый, чѣмъ самые золотые, или вѣрнѣе, свинцовые стихи (а). Ибо у послѣдователей Пифагора, послѣ первой, такъ много прославляемой посвященными въ таинства ученія его, философіи молчанія, направленной къ тому, чтобы ученики посредствомъ молчанія пріучились размѣрять всѣ слова свои, принято было за правило, о какихъ бы предметахъ ученія ни спрашивали, дать отвѣтъ, и потомъ, когда будутъ требовать доказательства, не отвѣчать ничего, кромѣ слѣдующаго: такъ думалъ Пифагоръ; и это слово: такъ полагалъ онъ, служило доказательствомъ, не подлежащимъ никакой повѣркѣ и изслѣдованію. Но это реченіе: *самъ сказалъ*, не тоже ли выражаетъ, хотя и въ другихъ буквахъ и словахъ, что и наше: *въруй*, надъ которымъ вы не перестаете издѣваться и ругаться? Ибо наше изреченіе означаетъ, что не позволительно не вѣрить словамъ мужей богоносныхъ, и то самое, что они достойны вѣроятія, служить такимъ доказательствомъ сказаннаго ими, которое крѣпче всякаго логическаго довода и опроверженія. Но допустимъ на время, что сей отвѣтъ не неопровержимъ. Какъ же ты докажешь, что словесныя науки тебѣ принадлежать? А если онѣ и

(а) Золотыми стихами называются правила жизни, приписываемыя Пифагору.

твои, то почему мы не можемъ въ нихъ участвовать, какъ того требуютъ твои законы и твое безсмысліе? Какая это Греческая образованность, къ которой относятся словесныя науки, и какъ можно употреблять и разумѣть сіе слово? Я готовъ вмѣстѣ съ тобою, любитель выраженій обоюдныхъ, разобрать его силу и значенія, зная, что не рѣдко однимъ и тѣмъ же словомъ означаются разныя понятія, а иногда разными словами одно и то же, и наконецъ различными наименованіями различныя и предметы. Ты можешь сказать, что Греческая образованность относится или къ языческому вѣрованію, или къ народу и къ первымъ изобрѣтателямъ силы языка Греческаго. Если это относится къ языческому вѣрованію, то укажи, гдѣ и у какихъ жрецовъ предписана Греческая образованность, подобно какъ предписано, что и какимъ демонамъ приносить въ жертву? Ибо не всѣмъ вѣлно приносить одно и то же и не все одному, равно и не одинакимъ образомъ: какъ это угодно было опредѣлить вашимъ гіерофантамъ и учредителямъ жертвоприношеній. Вотъ напримѣръ у Линдіанъ благочестивымъ дѣломъ почитается проклинать Вуѣина (б) и злословя его, тѣмъ воздавать честь божеству; у жителей Тавриды — убивать чужестранцевъ, у Лакедемонянъ — бичеваться предъ жертвенникомъ: у Фригіянъ — оскотлять себя при усладительныхъ звукахъ свирѣлей и послѣ утомительной пляски; у иныхъ — мужеложство-

(б) Жреца, который собравшимся на праздникъ Церери предлагаетъ въ пищу воловье мясо. Другіе подъ именемъ Вуѣина разумѣютъ Геркулеса.

вать; у другихъ — блудодѣйствовать; и мало ли еще есть другихъ непотребствъ, совершаемыхъ при вашихъ тайнствахъ, о чемъ я не считаю нужнымъ говорить порознь! Но кому же изъ боговъ или демоновъ посвящена образованность Греческая? Да если бы это было и такъ: все однако невидно изъ сего, что она должна принадлежать только язычникамъ, или что общее достояніе есть исключительная собственность какого-нибудь изъ вашихъ боговъ или демоновъ; подобно какъ и другія многія вещи не перестаютъ быть общими отъ того, что у васъ установлено приносить ихъ въ жертву богамъ. Если же ты сего не скажешь, а назовешь вашею собственностію Греческій языкъ, и потому будешь насъ устранять отъ него, какъ отъ отеческаго наследства, нимало намъ не принадлежащаго; то во-первыхъ не вижу, какое можетъ быть тому основаніе, или какъ можешь ты связывать это съ почитаніемъ демоновъ. Ибо изъ того, что у однихъ и тѣхъ же людей и языкъ и вѣрованіе Греческіе, еще не слѣдуетъ, чтобы языкъ принадлежалъ къ вѣрованію, и чтобы по сему справедливо было лишать насъ употребленія сего языка. Такое умозаключеніе найдутъ неправильнымъ и ваши учителя Логики. Ибо если два сказуемыхъ приличествуютъ одному и тому же подлежащему: то изъ сего еще не слѣдуетъ, что онѣ и сами одно и то же. Иначе, если предположимъ, что одинъ и тотъ же человекъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ и живописецъ, то надобно будетъ искусство живописи почести за одно съ искусствомъ золотаря, и на оборотъ искусство золотаря признать за одно съ искусствомъ живописца, что совер-

шенно нелѣпо. Потомъ я спрошу тебя, любитель Греческой образованности и словесности, вовсе ли запретишь ты намъ говорить по-гречески, даже обыкновенными, простонародными, общеупотребительными словами, или не дозволишь только употреблять слова отборныя и высокопарныя, которыя доступны для однихъ отлично образованныхъ? Если сѣ послѣднія; то какой это странный раздѣлъ! Будто слова: *σμερδαλίον, κοναβίζειν, μῶν, δῆπυθεν, ἄττα, ἀμωσύεως*, (в) принадлежать къ одному нарѣчію, а прочія надобно бросить въ киносаргъ, какъ прежде бросали туда незаконнорожденныхъ (г)? Если же и простыя, неизящныя выраженія равно принадлежать къ Греческому языку: почему не лишаете насъ и ихъ, и вообще всякаго Греческаго слова, каково бы оно ни было? Это было бы, какъ нельзя болѣе, человѣколюбиво и вполне достойно вашего невѣжества.

Но я хочу открыть тебѣ касательно сего предмета высшее и болѣе совершенное умозрѣніе. Не мое дѣло разсуждать, есть ли особенныя какія-то слова боговъ (не говорю о словахъ *μῶλυ, ξάνθον, χαλκίς* (д): надъ ними я смѣюсь), слова, которыя

(в) Слова сѣ взяты изъ Гомера, и первое изъ нихъ значить: ужасно; второе, звенѣть, звучать; *μῶν*, ли, или; *δῆπυθεν*, и такъ, *ἄττα*, нѣкоторая, *ἀμωσύεως*, отчасти, нѣсколько.

(г) Киносаргъ—капище въ Афинахъ, построенное на томъ мѣстѣ, куда прежде подкидывали незаконнорожденныхъ младенцевъ.

(д) Гомеръ говорилъ, что у боговъ есть свой языкъ, и что рѣка, известная у людей подъ именемъ Скамандра, на языкѣ

превосходнѣе и знаменательнѣе нашихъ, и однакожъ образуются посредствомъ органовъ голоса, и черезъ воздухъ доходятъ до слуха, — между тѣмъ какъ богамъ сроднѣе было бы бесѣдовать между собою только посредствомъ мыслей и образовъ. А наше разсужденіе таково: и языкъ, и всякое искусство, или полезное учрежденіе, какое бы ты себѣ ни представилъ, принадлежать не однимъ изобрѣтателямъ, а всѣмъ, ими пользующимся; и какъ въ искусной музыкальной гармоніи одна струна издаетъ тотъ звукъ, другая другой, высокій или низкій, но все устроится однимъ искуснымъ начальникомъ хора и составляетъ одну прекрасную гармонію: такъ и здѣсь высочайшій Художникъ и Зиждитель — Слово, хотя избралъ различныхъ изобрѣтателей различныхъ полезныхъ учрежденій и искусствъ, но все предлѣжилъ всѣмъ, кто хочетъ, дабы соединить насъ узами взаимнаго общенія и челоуѣколюбія и украсить жизнь нашу кротостію. Какъ же ты говоришь, что Греческая образованность — твоя? Не Финикіянамъ ли принадлежать письмена, или, какъ думаютъ другіе, не Египтянамъ ли, или еще не Евреямъ ли, которые и ихъ превосходятъ мудростію, и которые вѣрують, что самимъ Богомъ начертанъ законъ на богописанныхъ скрижаляхъ? Тебѣ ли принадлежитъ Аттическое краснорѣчіе? А игра въ шашки, наука числъ, искусство считать по паль-

боговъ называется *Ксанѳомъ*, птица Киминда *Халкидою*, целебное растеніе съ чернымъ корнемъ и бѣлыми цвѣтами *моли*. Илиад. п. XX, 74. п. XIV. 291. Одисс. XIV; 305.

цамъ, мѣры, вѣсы, искусство устроить полки и воевать — чье это? Не Евбеянъ ли? Потому что въ Евбеѣ родился Паламидъ, который изобрѣлъ многое, и тѣмъ возбудивъ зависть, потерпѣлъ наказаніе за свою мудрость, то есть, приговоренъ былъ къ смерти воевавшими противъ Иліона. И такъ что же? Если Египтяне и Финикіяне, если Евреи, у которыхъ и мы заимствуемъ многое для своего наученія, если наконецъ жители острова Евбеи будутъ по твоему присвоивать себѣ все это, какъ собственность; что намъ тогда дѣлать? Чѣмъ будемъ защищаться противъ нихъ, бывъ уловлены собственными законами (е)? Не приведется ли намъ лишиться всего того, и, подобно галкѣ въ чужихъ перьяхъ, видѣть, что у насъ оборвутъ ихъ, и мы останемся голыми и безобразными? Или твоя собственность — стихи? Но что, если право на нихъ оспорить та старуха, которая, когда толкнулъ ее въ плечо скоро бѣжавшій на встрѣчу ей юноша, стала бранить его, и въ жару гнѣва, какъ рассказываютъ, выразила брань свою стихомъ, который очень понравился тому юношѣ и, бывъ приведенъ имъ въ правильную мѣру, послужилъ началомъ стихотворства, столько тобою уважаемаго? Что сказать о прочемъ? Если ты гордишься оружіемъ, то отъ кого, храбрѣйшій воинъ, у тебя оружіе? Не отъ Циклоповъ ли, отъ коихъ ведетъ свое начало искусство ковать? Если представляется тебѣ важною, и даже важнѣе всего, багряница, которая сдѣлала тебя и мудрецомъ и ус-

(е) Здѣсь разумѣется законъ Юліана, которымъ воспрещалось Христіанамъ учиться словеснымъ наукамъ.

тановителемъ такихъ законовъ; то не долженъ ли ты отдать ее Тирянамъ, у которыхъ пастушья собака, съѣвши улитку и вымаравши свои губы багрянымъ ея сокомъ, показала пастуху пурпуровую краску и передала вамъ царямъ черезъ Тирянь это пышное рубище, плачевное для злыхъ? Что еще сказать о земледѣліи и кораблестроеніи, которыхъ могутъ лишитъ насъ Аѳиняне, рассказывающіе о Димитрахъ (ж), Триптолемахъ, драконахъ, Келеяхъ и Икаріяхъ, и передающіе вамъ объ этомъ множество басенъ, на которыхъ основываются ваши срамныя таинства, по-истиннѣ достойныя ночной тьмы? Угодно ли тебѣ, чтобъ я, оставивъ прочее, обратился къ главному предмету твоего безумія, или лучше, злочестія? То самое, чтобъ посвящаться и посвящать въ таинства и служить богамъ, откуда перешло къ тебѣ? Не отъ Фракіянъ ли? Въ этомъ самое слово *θεραπεύω* (служить богамъ) можетъ тебя удостовѣрить. А жертвоприношенія — не отъ Халдеевъ ли, или отъ Кипрянъ? Астрономія не Вавилонянамъ ли принадлежитъ? Геометрія не Египтянамъ ли? Магія не Персамъ ли? Гаданіе по снамъ — отъ кого, какъ не отъ Телмисянъ (з)? Птицегаданіе — отъ кого, какъ не отъ Фригіянъ, которые и прежде другихъ стали замѣчать полетъ и движенія птицъ? Но чтобъ не многословить, откуда у тебя всѣ частныя принадлежности богопочтенія? Не каждая ли отъ одного како-

(ж) По рассказамъ мифологін, Димитра (Церера) научила земледѣлію Триптолема и Келся, и подарила имъ колесницу, которую возили по полямъ крылатые драконы.

(з) Телмисъ — древній городъ въ Ликіи.

го-либо частнаго народа? А изъ соединенія всѣхъ ихъ вмѣстѣ составилось одно таинство суевѣрія! И такъ что же? Послѣ того, какъ все отойдетъ къ первымъ изобрѣтателямъ, не должно ли будетъ допустить, что у тебя не останется ничего своего, кромѣ злобы и твоего богоотступничества, поистиннѣ новаго? Въ самомъ дѣлѣ, ты первый изъ Христіанъ вздумалъ востать противъ Господа, какъ нѣкогда у Скиѳовъ рабы противъ господъ. Правда, что для тебя было бы весьма важно, если бы, по твоимъ опредѣленіямъ и законамъ, разрушилось это злое скопище (и), чтобы можно было освободиться отъ безпокойствъ и опять увидѣть Римскую державу въ древнемъ благосостояніи, свободною отъ всякаго внутренняго междоусобія, которое гораздо нестерпимѣе и страшнѣе войны со внѣшними врагами, подобно какъ ужаснѣе терзать свою собственную плоть, нежели чужую.

Но ежели въ сихъ его дѣйствіяхъ вы видите хитрое злодѣйство, прикрытое личиною кротости, и нимало не сообразное съ величіемъ царскимъ: то вотъ я представлю вамъ опыты еще большаго коварства. Онъ видѣлъ, что наше ученіе величественно и по своимъ догматамъ, и по свидѣтельствамъ даннымъ свыше; что оно есть и древнее и новое,—древнее по прореченіямъ и по просвѣчивающимся въ немъ мыслямъ Божества, новое—по послѣднему Богоявленію и по чудесамъ, какія въ слѣдствіе его и при немъ были; видѣлъ, что сіе ученіе еще болѣе величественно и славно по преданнымъ и доселѣ

(и) Такъ Юліанъ выражался о Христіанахъ.

сохраняемымъ правиламъ церковнаго благоустройства. И такъ, чтобы и сіе не избѣгло его злоухищреній, что замышляетъ онъ, что дѣлаеть? Подражаетъ Рапсаку Ассиріянину, военачальнику Ассирійскаго царя Сеннахирима. Рапсакъ, внесши войну въ предѣлы Іудеи, съ великою силою и многочисленнымъ войскомъ осадилъ Іерусалимъ, и близъ самаго города расположилъ свой станъ: но когда не могъ ни силою взять города, ни дожидаться переметчиковъ, которые бы сообщили ему что-нибудь о происшедшемъ въ городѣ, то вздумалъ преклонить жителей къ покорности кроткими убѣжденіями, предлагая оныя на ихъ языкѣ. Однако же осажденные, какъ это извѣстно изъ исторіи, замѣтивъ его умысль, и опасаясь, чтобы пріятностію рѣчей его не быть уловленными въ сѣти рабства, прежде всего потребовали, чтобы онъ говорилъ съ ними не по-Еврейски, а по-Сирски. Подобное замыслилъ и онъ. Ибо приготавлился во всѣхъ городахъ завести училища, каѳедры, высшія и низшія мѣста для сидящихъ, чтенія и толкованія языческихъ ученій, относящихся и къ образованію нравовъ и къ таинствамъ, такъ же образцы молитвъ, попеременно произносимыхъ то тѣми, то другими, епитиміи согрѣшающимъ, сообразныя преступленію, чинъ приготовленій къ посвященію и самаго посвященія, и словомъ, все, что очевидно принадлежитъ къ нашему благочинію; сверхъ сего думалъ устроить гостинницы и страннопріимныя дома, убѣжища для любителей цѣломудрія, для дѣвъ, и обители посвятившихъ себя размышленію; хотѣлъ подражать и нашему челоуѣколюбію къ нуждающимся, чтобы оказывать имъ всякое пособіе и

напутствовать ихъ одобрительными письмами, съ коиими мы препровожаемъ бѣдныхъ отъ одного народа къ другому, чему онъ особенно удивлялся въ нашихъ установленіяхъ. Вотъ что замышлялъ сей новой догматовводитель и софистъ. А что предпріятіе его не совершилось и не приведено въ дѣйствіе, не знаю, считать ли это выгодною для насъ, которые скоро освободились отъ него и отъ его замысловъ, или болѣе выгодною для него самого, потому что онъ долженъ былъ остановиться на однихъ сонныхъ мечтаніяхъ. Въ противномъ случаѣ открылось бы, какъ далеки отъ движеній человѣческихъ подражанія обезьянъ. Рассказываютъ, что и обезьяны подражаютъ такимъ движеніямъ, которыя предъ глазами ихъ дѣлаеть человѣкъ, чтобъ обмануть ихъ; но этимъ самымъ ихъ и ловятъ, такъ какъ подражаніе ихъ не можетъ дойти до нашей смысленности. По свидѣтельству оракула, конь Тессалійскій, жена Лакедемонская, и мужи, пьющіе воду Ареузы, то есть Сициліане, превосходнѣе всѣхъ однородныхъ съ ними: но гораздо справедливѣе сего то, что Христіанскіе обычаи и законы однимъ только Христіанамъ и свойственны, такъ что никому другому, кто только захотѣлъ бы подражать намъ, не возможно перенять ихъ, и это отъ того, что они утвердились не человѣческими соображеніями, но силою Божіею и долговременнымъ постоянствомъ.

Темеръ всего приличнѣе разсмотрѣть, какъ-бы на позорищѣ, это дивное, или лучше, нелѣпное настроеніе, и узнать, какой бы могъ быть у нихъ образъ ученія и какая цѣль собраній, дабы, какъ говорить Платонъ о своемъ городѣ, строемомъ на словахъ,

увидѣть мысль ихъ въ движеніи. Все любомудріе раздѣляется на двѣ части — на умозрительную и дѣятельную, изъ коихъ первая выше, но труднѣе къ уразумѣнію, а другая ниже, но полезнѣе. У насъ обѣ онѣ одна другой способствуютъ. Умозрѣніе служитъ намъ спутникомъ къ горнему, а дѣятельность — восхожденіемъ къ умозрѣнію: ибо не возможно достигнуть мудрости, не живя мудро. А у нихъ, которые не почерпаютъ въ Божественномъ вдохновеніи силы связующей, обѣ сіи части подобны корнямъ, не утвержденныхъ въ почвѣ и носящимоя по водѣ; и я не знаю, которая изъ нихъ смѣшнѣе и слабѣе. Посмотримъ же на ихъ блаженство, и позволимъ себѣ, какъ это бываетъ во многихъ зрѣлищныхъ представленіяхъ, немного позабавиться съ забавляющимися расказчиками басней и къ сказанному: «радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими (Римл. 12, 15.)», присовокупить и сіе: «поговорить о пустомъ съ пустословами». При слезахъ бываетъ и смѣхъ, какъ это замѣтили стихотворцы (i). И такъ представимъ себѣ великолѣпное позорище, или не знаю, какъ иначе велятъ они назвать домъ свой. Пусть глашатаи сзываютъ слушателей, пусть сходится народъ, пусть первыи мѣста займутъ или тѣ, которые отличаются сѣдиною старости и отиѣннымъ образомъ жизни, или люди знаменитые по роду, по славіи и по хитросплетенной мудрости земной, въ которой болѣе прелести, чѣмъ истиннаго благочестія. Мы отдадимъ имъ это

(i) Намыкъ на Гомерово выраженіе объ Андромыхъ: *δακρύων, γελῶσαν* (Илиад. VI, 484).

преимущество; что же будутъ они дѣлать послѣ сего? Пусть сами запишутъ своихъ предсѣдателей. Пусть украшаютъ ихъ пурпуровая одежда, ленты и разноцвѣтные, прекрасные вѣнки. Такъ какъ я часто замѣчалъ, что они заботливо пекутся о величавой наружности, о томъ, какъ-бы стать выше простолоудиновъ; какъ-будто все общеупотребительное и обыкновенное достойно презрѣнія, а что показываетъ надменность и не можетъ принадлежать многимъ, то и должно внушать довѣріе. Или и въ этомъ низойдутъ они до насъ и будутъ, подобно намъ, думать, что приличнѣе имъ быть выше другихъ нравами, а не наружнымъ видомъ? Такъ какъ мы мало заботимся о видимости и о живописной наружности, а болѣе печемся о внутреннемъ чловѣкѣ и о томъ, чтобы обращать вниманіе зрителя на созерцаемое умомъ, чѣмъ и научаемъ больше народъ. И такъ пусть это будетъ, какъ сказано.

Что-жъ далѣе? Конечно ты представишь имъ толковниковъ провѣщаній, кои вы называете божественными, разгнешь книги богословскія и нравственныя. Какія же и чьи, скажи пожалуй! Хорошо имъ пропѣть Гезіодову ѳеогонію и разглагольствовать объ описанныхъ тамъ браняхъ и крамолахъ, о Титанахъ и Гигантахъ, столько страшныхъ по имени и по дѣламъ. Коттъ, Вріарей, Гигъ, Энкеладъ, представляемые у васъ съ драконовыми ногами; молніеносные боги, и наброшенные на Гигантовъ острова, стрѣлы и вмѣстѣ гробы мятежникамъ; отвратительныя исчадія и преждевременныя порожденія Гигантовъ, Гидры, Химеры, Церберы, Горго-

ны, словомъ, множество всякаго зла — вотъ красоты, которыя можно предложить слушателямъ изъ Гезіода! Теперь пусть предстанетъ съ своею цитрою и все увлекающею пѣснью Орфей; пусть прозвучитъ въ честь Зевеса тѣ великія и чудныя слова и мысли, въ коихъ выражается его богословіе.

«О Зевесъ, славнѣйшій, величайшій изъ боговъ, скрывающійся подъ пометомъ овецъ, коней и лошаковъ!»! Вѣрно хотѣлъ онъ симъ изобразить животворную и живоносную силу сего бога; и можно ли было иначе это выразить? Но онъ не скупъ и на другія столь же высокія рѣчи. Напримѣръ: «сказавши сіе, богиня *δοίς ἀνθρώποιο μύθος*», дабы ввести своихъ любимцевъ въ непотребныя свои тайны: что еще и нынѣ изображается наружными тѣлодвиженіями. Пусть присоединятся ко всему этому еще Фанесъ, Ерикапей, и тотъ, который пожралъ всѣхъ прочихъ боговъ, а потомъ ихъ извергнулъ изъ себя, и такимъ образомъ сталъ отцемъ людей и боговъ. Пусть все это предложить чуднымъ слушателямъ богословія; потомъ пусть придумаютъ на это аллегоріи и чудовищныя толкованія, — и поученіе, удалясь отъ своего предмета, понесется въ пучины, или на стремнины умозрѣнія, не имѣющаго никакой опоры. Но гдѣ помѣстишь ты Гомера, этого великаго комико-трагическаго пѣвца боговъ? Въ удивительныхъ его поэмахъ найдешь и то и другое, то есть, и горе и смѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли безъ большой заботы смотрѣть и ожидать, помирится ли, при посредствѣ Геры, нарядившейся подобно блудницѣ, Океанъ съ Теѣисою? Иначе бѣда всей вселенной, если они еще нѣсколько времени

проведуть цѣломудренно! Не знаю, будешь ли ты объяснять сіе такъ, что сухость и влажность должны быть примирены, дабы избыткомъ которой нибудь изъ нихъ не приведено было все въ безпорядокъ; или придумаешь что-нибудь еще болѣе нелѣпное. Потомъ, какое чудное совокупленіе тучесобирателя и почтенной Геры, когда сія убѣждаетъ его безстыдствовать среди дня! А стихотворцы въ своихъ мѣрныхъ рѣчахъ льстятъ ему, подстилаютъ росистый и возвращая изъ земли шафранъ и гіацинтъ. Это на чемъ основано, и какъ можетъ быть объяснено? Какъ сообразить и то, что одна и таже ваша Гера, сестра и супруга великаго Зевеса, бѣлораменная и розоперстная, то представляется повѣщенной въ эфиръ и въ облакахъ, съ желѣзными наковальнями, влекущими ее внизъ, и съ золотыми (конечно изъ уваженія къ ней) оковами на рукахъ, такъ что и для боговъ, хотѣвшихъ заступиться за нее, не безбѣдно было ихъ состраданіе; то надѣваетъ на себя поясъ любви, и, пышно нарядившись, такъ плѣняетъ Зевеса, что всѣ прежнія вождедѣнія его, какъ онъ самъ признается, были гораздо слабѣе любви, тогда въ немъ возбуждившейся?—Или, какъ страшно, что за Лакедемонскую любовницу приходятъ въ движеніе боги, гремитъ небо, и отъ того расторгнутся основанія земли, сдвинется съ мѣста своего море, откроется царство ада и явится то, что такъ долго оставалось сокрытымъ? Или, какъ грозно это мановеніе черныхъ бровей и колебаніе бессмертныхъ власовъ, отъ котораго весь Олимпъ потрясся? Потомъ, не чудно ли видѣть, какъ раненъ Арей, или какъ этотъ урод-

ливый любовникъ золотой Афродиты, неосмотрительный прелюбодѣй, заключенъ въ мѣдную тюрьму, и связанный хромомъ на обѣ ноги Гефестомъ, собираетъ вокругъ себя на зрѣлище боговъ, смотрящихъ на его непотребство, а потомъ отпускается за небольшія деньги?

Всѣ сія и многія другія басни, такъ умно и такъ разнообразно сложенныя и выходящія изъ всякаго порядка, можетъ ли кто нибудь, сколько бы онъ ни былъ у васъ возвышенъ и великъ, и даже равенъ самому Зевесу по мудрости, — ввести въ предѣлы благоприличія, какія бы ни придумывалъ онъ умозрѣнія, самыя заоблачныя и превышающія мѣру нашего разумѣнія? И если все сіе истинно, то пусть же не краснѣя смотрятъ на то, пусть величаются тѣмъ; или пусть докажутъ, что все это не постыдно. Для чего имъ прибѣгать къ баснямъ, къ этому прикровенію стыда? Басня—защита отступающихъ, а не тѣхъ, которые смѣло наступаютъ. Если же это ложь; то во-первыхъ пусть укажутъ не прикрывающихся богослововъ, и мы поговоримъ съ ними; потомъ пусть скажутъ, не глупо ли, какъ чѣмъ-то твердымъ, величаться тѣмъ, чего сами стыдятся, какъ баснословнаго? Не странно ли выставять на показъ всѣмъ въ изображеніяхъ и разныхъ видахъ то, что могло бы оставаться неизвѣстнымъ для народа (потому что не всѣ учатся); а что того хуже, выставять съ такою тратою денегъ, иждиваемыхъ на храмы, жертвенники, кумиры, приношенія, дорогія жертвы, и вмѣсто того, чтобы безъ всякой траты творить дѣла благочестія, съ такими убытка-

ми служить нечестію? А если скажутъ, что это пустые вымыслы поэтовъ, которые двумя этими способами, мѣрною рѣчью и баснями, хотѣли сдѣлать свои творенія приятными и услаждать тѣмъ слухъ, и что впрочемъ здѣсь есть сокровенный, глубокой смыслъ, постижимый только для немногихъ изъ мудрыхъ: то смотрите, какъ просто, и вмѣстѣ какъ справедливо я разсужу о семъ. Во-первыхъ, за что они хвалятъ сихъ оскорбителей ими чтимыхъ боговъ, и едва не удостоиваютъ божескихъ почестей? Для такихъ людей великимъ приобрѣтеніемъ было бы не потерпѣть наказанія за свое нечестіе. Ибо если законами опредѣлена смертная казнь и тѣмъ людямъ, которые даже не всенародно, даже не много похулили бы одного изъ ихъ боговъ: то какую казнь надлежало бы потерпѣть тѣмъ, которые опозорили въ своихъ стихотвореніяхъ всѣхъ боговъ, всенародно приписавъ имъ дѣла самыя срамныя, и на долгое время предали ихъ осмѣянію? Потомъ достойно разсмотрѣнія и слѣдующее: Есть и у насъ нѣкоторыя слова прикровенныя; отъ этого не откажусь я; но какова ихъ двузнаменательность, и какая сила? Въ нихъ и видимое не оскорбляетъ приличія, и сокровенное достойно удивленія и весьма ясно для вводимыхъ въ глубину, и, подобно прекрасному и неприкосновенному тѣлу, не худою облекается одеждою. И подлинно надобно, какъ мнѣ кажется, чтобы и внѣшніе знаки Божественнаго, и выраженія объ ономъ не были не приличны и недостойны означаемаго, и таковы, что и люди огорчились бы, слыша о себѣ что нибудь подобное; напротивъ они должны быть или въ высочайшей сте-

пени прекрасны, или по крайней мѣрѣ не гнусны, дабы могли и доставлять удовольствіе мудрымъ, и не причинить вреда народу. А у васъ и то, что нѣжно доразумѣвать умомъ, не вѣроятно, и то, что предлагается взорамъ, пагубно. Что это за благо-разуміе—вести по грязи въ городъ, или по скаламъ и подводнымъ камнямъ въ пристань? Что изъ того выдетъ? Какія будутъ слѣдствія такого ученія? Ты будешь пустословить и иносказаніями прикрывать свои бѣдствія, или другіе вымыслы: но никто не будетъ тебѣ вѣрить. Скорѣе убѣждаются тѣмъ, что видятъ. И такъ ты слушателю не принесешь пользы, а зрителя, останавливающагося на видимомъ, введешь въ погибель. Такова умозрительная часть ихъ любомудрія! Такъ далека она отъ предполагаемыхъ ими цѣлей, что скорѣе все прочее можно связать между собою, скорѣе можно соединить раздѣленное самымъ большимъ пространствомъ, чѣмъ сочетать и привести въ согласіе ихъ вымыслы, или подумать, чтобы и смыслъ басенъ и оболочка ихъ были дѣломъ одного и тогоже учителя.

Что же сказать о нравственной части ихъ любомудрія? Откуда и съ чего начать имъ, и какія употребить побужденія, чтобы научить слушателей добродѣтели и посредствомъ своихъ увѣщаній сдѣлать ихъ лучшими? — Прекрасное дѣло единомысліе, чтобы и города, и народы, и семейства, и всѣ частные люди жили во взаимномъ согласіи, слѣдуя закону и порядку природы, которая все раздѣлила и совокупила, и сію совокупность разнообразныхъ вещей содѣлала единымъ міромъ. Но какими при-

мѣрами научать они единомыслію? Ужели тѣмъ, что стануть повѣствовать о браняхъ боговъ, объ ихъ междоусобіяхъ, мятежахъ и множествѣ бѣдъ, которыя они и сами терпятъ, и другъ другу причиняють, и каждый порознь, и всѣ вмѣстѣ, и которыми наполнена почти вся ихъ исторія и вся поэзія? Но указывая на такіе примѣры, скорѣе сдѣлаешь людей изъ мирныхъ браннолюбивыми, изъ мудрыхъ изступленными, чѣмъ изъ дерзкихъ и глупыхъ умѣренными и здравомыслящими. Ежели и тогда, какъ нѣтъ приманки къ злу, трудно бываетъ отвращать людей отъ порока, и изъ худаго состоянія переводить въ доброе: то кто убѣдитъ ихъ быть кроткими и воздержными, когда у нихъ боги путеводители и покровители страстей, и быть порочнымъ есть дѣло даже похвальное, награждаемое жертвенниками и жертвами и пользующееся законною свободою (такъ какъ всякій порокъ состоитъ подъ покровительствомъ какого-нибудь бога, которому онъ приписывается)? Подлинно это величайшая нелѣпость, когда то самое, за что въ законахъ положено наказаніе, люди чтятъ, какъ нѣчто божественное. Такое у васъ изобиліе неправды! — Во вторыхъ, пусть учителя язычниковъ предложатъ имъ благоговѣнно уважать родителей и чтить въ нихъ первую вину бытія своего послѣ Первоначальной Вины. Пусть приведутъ на сіе доказательства и представятъ убѣжденія изъ богословія. Какъ не убѣдитъ къ тому Кронъ, который исказилъ Урана, чтобы онъ не могъ раждать боговъ, и далъ бы волнамъ случай довершить рожденіе богини изъ пѣны? Какъ не убѣдитъ Зевесъ, —этотъ сладкій ка-

мень (κ) и горькій убійца тирана, который, подражая отцу своему Крону, всталъ противъ него? Не указываю на другія подобныя побужденія къ почитанію родителей, содержащіяся въ ихъ книгахъ. — Въ-третьихъ, пусть наставники язычниковъ попытаются наудить ихъ презирать деньги, не стараться изъ всего извлекать прибыль, и не домогаться неправедныхъ стяжаній—сего залога бѣдствій. Но какъ же тогда выставять предъ ними Кердоа (λ)? Какъ показывать мѣшокъ его? Какъ чтить проворство сего бога въ воровствѣ? Куда годятся тогда и сіи изреченія: «Фебъ безъ мѣди не прорицаетъ» или: «ничего нѣтъ почтеннѣе овола»? А все это у нихъ въ великомъ уваженіи. Что еще? Не захотятъ ли они учить цѣломудрію, убѣждать къ воздержанію? Убѣдительные образцы не далеко:—вотъ самъ Зевесъ, принимавшій всѣ виды для обольщенія женщинъ, превращавшійся въ орла по неистовой любви къ Фригійскимъ отрокамъ, чтобы какъ можно веселѣе пировали боги, смотря, какъ подносятъ имъ вино безчестные любимцы Зевесовы; вотъ еще Тріесперь Иракль, въ продолженіе одной ночи,

(κ) Насмѣшка надъ нечпнымъ вымысломъ миеологовъ, рассказывающихъ, что Сатурнъ хотѣлъ съѣсть Зевеса, но вмѣсто его проглотилъ камень.

(λ) Кердоемъ, т. е. умвющимъ наживаться, язычники называли Меркурія. Чтобы означить его ловкость, они изображали его съ мѣшкомъ у пояса и называли Сакелліономъ—носящимъ мѣшокъ. Ему-же приписывали они искусство воровать. Изреченіе: Фебъ не прорицаетъ безъ мѣди (или безъ мѣдныхъ денегъ), принадлежитъ Дельфійскому оракулу.

въ домѣ Фестіа совершившій тринадцатый свой подвигъ, который, не знаю почему, не включенъ въ число прочихъ его подвиговъ. Нужны ли еще образцы обузданія страстей? Пусть гнѣвъ укрощаетъ Арей, пьянство Діонись, ненависть къ чужестранцамъ Артемида, страсть къ обманамъ лукавый ихъ прорицатель (м), не умѣренный смѣхъ—тотъ богъ прихрамывающій въ собраніи жалѣющихъ о немъ боговъ, который едва держится на тонкихъ голеняхъ, обжорство—Зевесъ, бѣгущій съ прочими демонами на тучный пиръ къ непорочнымъ Еѳіоплянамъ, и еще Вуѳинъ, такъ названный отъ того, что обидѣлъ земледѣльца и съѣлъ у него вола, влекущаго плугъ, такъ же какъ и прочіе боги, которые всѣ такъ спѣшно бѣгутъ на запахъ тука и возліаній!

Близко ли это къ нашему ученію, по которому каждый долженъ измѣрять любовь къ другимъ любовью къ себѣ и желать ближнимъ того же, чего самому себѣ; по которому поставляется въ вину не только дѣлать зло, но и замыслать, и наказывается пожеланіе, какъ и самое дѣло; по которому должно столько заботиться о цѣломудріи, чтобы воздерживать и око, и не только руки не допускать до убійства, но и самый гнѣвъ уцѣломудривать; по которому нарушить клятву, или ложно клясться такъ страшно и нестерпимо, что и самая клятва намъ однимъ воспрещена? А денегъ-то у многихъ изъ насъ вовсе и не было; а другіе хотя и имѣли ихъ много, но только для того, чтобы многое пре-

(м) Аполлонъ.

зрѣть, возлюбивъ нестяжательность всякаго богатства. Служить чреву—этому несносному и отвращенія достойному господину и источнику всѣхъ золъ, предоставляютъ у насъ черни; не много будетъ, если скажу, что подвижники Христіанскіе стараются быть какъ-бы безплотными, изнуряя омертвое безсмертнымъ; для нихъ одинъ законъ добродѣтели—не быть побѣжденными даже и малымъ, даже тѣмъ, что всѣ оставляютъ безъ вниманія. Между тѣмъ, какъ другіе наказываютъ по законамъ своимъ за совершеніе дѣла, мы пресѣкаемъ самыя начала грѣха, заблаговременно останавливая его, какъ нѣкій злой и неудержимый потокъ. Что-жь можетъ быть сего превосходнѣе? Или, скажи мнѣ, гдѣ и у какихъ людей найдеши ты, чтобы они, когда злословятъ ихъ, благословляли, когда хулятъ, утѣшались (ибо не обвиненіе причиняетъ вредъ, а истина), когда гонять, уступали (1 Кор. 4, 12. 13.), когда отнимаютъ у нихъ одну одежду, отдавали и другую, когда клянуть, молились за клянущихъ (Матѣ. 5, 40. 44.); однимъ словомъ, чтобы побѣждали благосердіемъ наглость и, терпѣливо перенося обиды, самихъ обижающихъ дѣлали лучшими? Пусть и они обуздываютъ пороки увѣщаніями, по наружности благовидными; уступимъ имъ это: но гдѣ же имъ достигнуть въ мѣру нашей добродѣтели и нашего ученія, когда у насъ и то считается уже зломъ, если не преуспѣваемъ въ добрѣ, не дѣлаемся безпрестанно изъ ветхихъ новыми, а остаемся въ одномъ положеніи, подобно кубарямъ, которые только кружатся, а не катятся впередъ, и хоть двигаются отъ ударовъ бича, но

всё на одномъ мѣстѣ? Намъ такъ много предле-
жить добрыхъ подвиговъ, что одинъ должны мы
довершать, къ другому приступать, третьяго пла-
менно желать, пока не достигнемъ конца и обожанія,
для котораго мы и получили бытіе, и къ которому
неукоснительно стремимся, если только восходимъ
умомъ горѣ и надѣемся благъ, достойныхъ вели-
чія Божія.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

	Стран.
СЛОВО 1, на Пасху и о своемъ замедленіи.	5.
СЛОВО 2, къ призваннымъ въ началѣ, но не срътвившимъ Св. Григорія, когда онъ сталъ пресвитеромъ.	10.
СЛОВО 3, въ которомъ Григорій Богословъ оправдываетъ удаленіе свое въ Понтъ, по рукоположеніи въ пресвитера, и потомъ возвращеніе оттуда; так- же учитъ, какъ важенъ санъ Священства, и каковъ долженъ быть Епископъ.	16.
СЛОВО 4, первое обличительное на царя Юліана.	84.
СЛОВО 5, второе обличительное на царя Юліана.	179.
СЛОВО 6, о мирѣ, говоренное въ присутствіи отца, пос- лѣ предшествовавшаго молчанія, по случаю воз- соединенія монашествующихъ.	217.
СЛОВО 7, надгробное брату Кесарію, говоренное еще при жизни родителей.	241.
СЛОВО 8, надгробное Горгоніи, сестрѣ Св. Григорія Назіанзина.	268.
СЛОВО 9, защитительное, по рукоположеніи Св. Григо- рія Богослова въ Епископа Сасимскаго, гово- ренное имъ отцу своему Григорію, въ присут- ствіи Василя Великаго.	289.

II

	Стран.
СЛОВО 10, защитительное, по возвращеніи Св. Григорія Богослова изъ уединенія, говоренное имъ отцу своему и Василю Великому.	295.
СЛОВО 11, говоренное брату Василю Великому, Св. Григорію, Епископу Нисскому, когда ояъ пришелъ къ Св. Григорію Богослову, по рукоположеніи его въ Епископа.	299.
СЛОВО 12, говоренное отцу, когда поручилъ ему попеченіе о Назіанзской церкви.	307.
СЛОВО 13, произнесенное при рукоположеніи Евмалія въ Епископа Доарскаго.	314.

ПОГРЪШНОСТИ.

Напечатано:

Должно читать:

страни. стл.ок.

11.	26.	ни съднвъ	съдннъ
12.	4.	со мною,	со мною
—	15.	о женихъ	о Женихъ
14.	24.	въденіе	въдвнне
17.	6.	обвиняющихъ	обвиняющихъ
17.	24.	невъденію	невъдвнню
18.	31.	достаточнве	досточтимъе
19.	5.	Богомудрые	богомудрые
30.	31.	открыть	окрылить
31.	4.	Богомъ	богомъ
34.	17	18. и и	и
36.	30.	Истиннаго	истиннаго
41.	19.	истиннъ?	истинны?
47.	23.	деньги;	деньги,
54.	7.	Господня.	Господня
71.	23.	животныхъ	животныхъ,
72.	11.	благороднаго	благоугоднаго
79.	31.	онъ	отъ
86.	14.	его	Его
97.	31.	Самъ	Симъ
106.	5.	передалъ	предалъ
144.	2.	страдальца,	страдальца
—	15.	тискали сгетами	тисками сгетами
148.	15.	поручено,	поручено;
158.	7.	значенія,	значеніе,
—	19.	тоже	тоже,
164.	6. 7.	по-истиннв	по-истиннв
165.	29.	посвятившихъ	для посвятившихъ
167.	30.	Намъкъ	Намекъ
172.	27.	одеждою.	и одеждою.

II

<i>стр.</i>	<i>стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
—	30.	и таковы,	не были таковы,
76.	27.	А денегъ-то	Деньгъ же
177.	1.	всякаго	вмѣсто всякаго
178.	4.	обоженія	обоженія
179.	18.	а когда	и когда
186.	19.	таковово:	таково:
193.	25.	облеченный	облеченный
199.	21.	исчесло	исчезло,
202.	22.	въ запусъвнн,	въ запусъвннѣ,
218.	21.	по Богъ,	по Богу,
251.	17.	устанавляютъ;	устанавливаютъ;
258.	8.	что	(что
264.	20.	вождьленнаго	вождедѣннаго
274.	27.	по косямъ	по когтямъ
287.	2.	постронннѣ,	посторонннѣ,
093.	4.	разстояннѣ?	разстояннѣ!
302.	7.	покорности	непокорности
310.	2.	тогда.	тогда,

